

НАТАЛИЯ N

ПРОКЛЯТИЕ
СНЕЖНОЙ
КОРОЛЕВЫ

Продолжение романтического детектива «Фабрика звёздной пыли». К детективу Антону Холмсу обращается за помощью молодая актриса Маргарита Майер. Кто-то постоянно заказывает для девушки песню угрожающего содержания, которую поёт... Ангелина Скворцова... Через несколько дней Маргарита погибает. Десять ножевых ранений, жертва в наряде Снежной королевы, рекламный флаер косметической фирмы «Элен» возле тела и смерть под ту самую песню — вот визитная карточка нового серийного убийцы. Холмс вынужден взяться за расследование, ведь именно ему маньяк адресует анонимные письма с фотографиями своих жертв, словно подчеркивая, что между ним и детективом существует незримая связь!

Наталья Н

Проклятие снежной королевы

*И в самую лютую стужу
Кипела и плавилась кровь,
Когда выпускали наружу
Чудовище сердца — любовь...*

Майя Надеждина

Глава 1

Детектив Антон Холмс слушал клиентку с нарастающим раздражением. Не в его правилах было грубить женщинам, тем более красивым и знаменитым, но сейчас он едва сдерживался. Маргарита Майер — восходящая звезда молодёжного сериала «Осторожно — блондинки» требовала от него невозможного.

— Поймите, я не могу находиться рядом с вами круглосуточно, — в двадцатый раз терпеливо повторил он. — Для этого просто нет оснований.

— Как это нет?! — искренне возмутилась Маргарита: — Меня хотят убить!

Антон вздохнул и мысленно (пока мысленно) чертыхнулся.

— Маргарита, я — профессионал, полагаю именно поэтому вы ко мне обратились.

— Разумеется! О вас столько пишут! — с готовностью закивала девушка.

Антон поморщился. Да, жёлтая пресса уделяла ему много внимания, только привлекали её отнюдь не выдающиеся детективные способности Холмса. Он приложил немало усилий, чтобы перестать быть безмянным приложением знаменитых родителей, но журналистов по-прежнему интересовал в основном как сын известной актрисы и не менее известного политика.

— Так вот, как профессионал, уверяю — вам никто и ничто не угрожает! Я несколько дней фактически круглосуточно следил за вами. Прослушивал телефонные звонки, наводил справки и не обнаружил ничего подозрительного!

Детектив старался говорить как можно убедительнее, но Маргарита твёрдо стояла на своём:

— Я знаю — меня хотят убить! Почему вы мне не верите?!

Антон шумно выдохнул, он уже исчерпал весь запас аргументов. Похоже, девице нужен не детектив, и даже не психолог, которого она периодически посещает, а самый настоящий психиатр, но сказать этого вслух не позволили прививаемые годами хорошие манеры.

— Хорошо, давайте, разберёмся — вам кто-нибудь угрожал при личной встрече или по телефону?

— Да, то есть, нет, не помню. — Маргарита задумалась. — Мой бывший парень — Максим Гребцов меня буквально преследует.

— Это тот, который по несколько раз на день цветы присылает, дежурит под окнами и исчезает по первому вашему требованию? — подавив зевок, (он никогда не позволял себе зевать в присутствии посторонних) уточнил Антон. — Он говорил, что убьёт вас?

По красивому лицу актрисы пробежала тень:

— Нет, этот тюфяк только про любовь и может заливать — тошнит уже от его сюсюканья! Мы были вместе не больше недели, а он до сих пор как пёс за мной бегаёт и слюной исходит — смотреть противно!

— Хорошо, значит, Гребцов не представляет опасности, кто тогда?

В изумрудно-зелёных по-русалочьи прозрачных глазах девушки промелькнула растерянность.

— Я...я не знаю.

— То есть на словах вам никто не угрожал, я правильно понял?

— Да, но...

— Так чего же вы от меня хотите, Маргарита?! — Не сдержался Антон. — Я

прослушивал ваши телефонные разговоры — никаких угроз, нет даже намёка на них! С чего, скажите на милость, вы взяли, что вам угрожает опасность?

Пухлые губы актрисы задрожали от обиды.

— По-вашему, я всё выдумала?! Зачем?

— Причин может быть несколько, — немного успокоившись, объяснил детектив. — Я читал ваши интервью на эту животрепещущую тему. Думаю, ваши поклонники не остались равнодушными.

— Вы на что намекаете?! — Маргарита вспыхнула от неподдельного возмущения, и Антон понял, что перегнул палку — всё-таки с клиентками так нельзя. — Думаете, я специально подогреваю интерес публики?! Посмотрите на мои рейтинги, Антон Леонидович, в этом нет никакой необходимости! Кстати, об интервью, сегодня утром я дала ещё одно, и рассказала, что обратилась за помощью к вам, потому, что вы лучший, а вы...

Антон нахмурился — только этого интервью ему не хватало! Ладно, что сделано, то сделано. Он тяжело вздохнул и протянул готовой расплакаться актрисе свой платок с монограммой.

— Рита, успокойтесь, я не хотел вас обидеть, извините. Поймите, я работаю с фактами, а их как раз нет!

— А как же песни на радио и этот ужасный запах! — приятный низкий голос с лёгкой бархатной хрипотцой заметно дрогнул.

Детектив снова вздохнул: ну вот опять придётся выслушивать этот бред! Он почти не помнил историю, рассказанную Ритой во время своего первого визита, в памяти осталась только эта чёткая ассоциация — бред.

— Какой запах? — демонстрируя чудеса терпения, покорно спросил мужчина.

— Резкий и сладковатый — запах каких-то дешёвых духов, я такими никогда не пользовалась! Ухожу из дома — всё нормально, возвращаюсь, а там этот запах! И так почти каждый день!

— Возможно, соседи шалят, у кого-нибудь есть ваши ключи?

Девушка нетерпеливо передёрнула плечами.

— Ключи есть только у моей приятельницы. Люда живёт этажом выше, но она нормальная, понимаете, и никогда бы так не поступила! Остальных соседей я тоже хорошо знаю — никто подобной дрянью не пользуется. Да и началось всё примерно месяц назад, а новых жильцов у нас больше года не появлялось.

— Всё равно это больше похоже на розыгрыш, запах появляется только в квартире?

— Не только! — Маргарита невольно поёжилась. — Несколько раз им были пропитаны вещи в моей сумочке, а вчера — носовой платок, который лежал в кармане пальто! Но ещё больше меня пугает эта песня! Кто-то постоянно заказывает её для меня на всех радиостанциях по несколько раз в день. Я лично слышала, и друзья постоянно сообщают!

Антон внимательно разглядывал узоры на драпированных стенах кабинета. Возможно, он проявил бы больше внимания к рассказу Риты, если бы не знал, что девушка давно и регулярно посещает психоаналитика. Тем не менее, она была его клиенткой, платила деньги (гонорары он брал солидные), а значит, следовало создать хотя бы видимость внимания и участия.

— Возможно, тайный поклонник просто хотел сделать вам приятное.

— Почему он тогда не называет себя, и всё время заказывает именно эту песню?! Она пугает меня!

Антон с трудом подавил очередной вздох.

— Что за песня?

— Её недавно стали крутить — где-то пару месяцев назад. Поют, по-моему, «Падшие ангелы» — это группа такая.

Детектив кивнул, около года назад на одном светском мероприятии он познакомился с двумя красотками из упомянутой группы. Но совсем недавно состав «Падших ангелов» был полностью обновлён, новых солисток Антон никогда не видел, а вот их первый хит слышал не раз — его сейчас крутили повсюду.

— Там что-то про снежную королеву, у которой не бьётся сердце, да? — с трудом вспомнил он слова из припева.

Девушка нервно вздрогнула, чем напомнила Холмсу маленького затравленного зверька. Похоже, психолог не справляется.

— Бьют часы декабрь, беду трубя, королева Снежная ждёт тебя! — прошептала она дрожащим голосом и всхлипнула.

— Господи, Рита, это же просто песня! А кто её заказывал — мужчина или женщина?

— Не знаю, — всхлипывания участились. — Голос был явно изменён, там непонятно женский или мужской. Ох, Антон, мне так страшно!

Она уже не пыталась сдерживаться и зарыдала, уткнувшись в его платок.

Детектив растерялся, не зная, что предпринять. При всей утончённости манер и одержимости правилами хорошего тона, он совсем не умел утешать женщин. Не приходилось как-то. Антон нерешительно подошёл к актрисе и осторожно провёл ладонью по её волосам (ничего другого на ум не пришло), приговаривая:

— Рита, успокойтесь, всё будет хорошо! Вам нужно отдохнуть, позвольте, я отвезу вас домой.

Она подняла залитое слезами смуглое личико и с надеждой спросила:

— А вы останетесь со мной?

— Нет, но обещаю осмотреть квартиру. Уеду только когда буду убеждён, что вы в безопасности. Завтра я продолжу заниматься вашим делом, а сегодня оставлю визитную карточку одной охранный фирмы и...

— Охранной? — неуверенно переспросила актриса.

— Да, полагаю, вам сейчас больше нужен не детектив, а телохранитель. Там работают очень хорошие специалисты.

Судя по выражению лица, Маргарите предложение понравилось. Она благодарно кивнула и немного успокоившись, позволила Холмсу отвести себя к машине.

* * *

Антон сдержал слово и первым вошёл в квартиру Риты Майер, с облегчением отметив, что никаких парфюмерных запахов не ощущает. Ничего другого он, впрочем, не ожидал, но на всякий случай осмотрел всё: спальню, кухню, ванную, туалет и даже на лоджию выглянуть не поленился. Результат проверки был предсказуемым — нигде ничего подозрительного. Антон не замедлил уведомить об этом клиентку и, убедившись, что она окончательно успокоилась, поспешил откланяться. Его миссия была выполнена!

Маргарита вошла в прихожую, радуясь тому, что Антон догадался включить свет во всех

комнатах. Она и сама всегда так делала: страх отступал перед силой электричества. Девушка нащупала в кармане визитку охранного агентства и невольно улыбнулась, позволив себе расслабиться. Какая замечательная идея — нанять телохранителя. Это ведь так просто! Почему она сама не догадалась? Нужно завтра же этим заняться!

Маргарита, напевая, аккуратно очистила и порезала крупный сочный плод манго и направилась в спальню, собираясь полюбоваться на себя в очередной серии молодёжного мыла «Осторожно — блондинки». Сериал был так себе, но именно благодаря ему до оскомины надоевший титул «начинающая актриса» сменился вожделенным статусом восходящей звезды. Её стали узнавать на улицах, приглашать на помпезные светские тусовки. Появились поклонники, в том числе богатые и влиятельные, одним словом, жизнь стала налаживаться. Ах, если бы не эти пугающие странности...

А может Холмс прав, и кто-то просто глупо шутит? А что? Среди представителей так называемого бомонда иногда встречаются любители неординарных скандальных розыгрышей. Каждый развлекается, как может.

Маргарита взяла кусочек манго, с наслаждением вдохнула его аромат и... закричала от ужаса. Комнату быстро заполнял резкий сладковатый запах тех самых духов. А потом раздался голос ди-джея известной радиостанции, и девушка попятилась к окну, уронив тарелку с манго на пол. Она точно знала: в её доме нет никаких радиоприёмников!

Рита избавилась от них, едва началась эта музыкальная травля, но сейчас снова совершенно отчётливо слышала тот неопознанный голос, о котором говорила Антону. Некто попросил ди-джея поставить для Маргариты Майер песню группы «Падшие ангелы»: «Снежная королева». Через секунду небольшую однокомнатную квартиру помимо запаха неизвестных духов заполнила модная мелодия раскрученного хита.

Рита запаниковала и, потеряв способность мыслить логически, в ужасе заметалась по комнате, опрокидывая на бегу предметы мебели и обихода. В отчаянии она не заметила мелькнувшую серую тень, её привлёк только блеск отражённого в узком лезвии ножа света. Девушка закричала ещё громче и, чудом сориентировавшись, бросилась к выходу, но было уже поздно. Тень оказалась быстрее. Кинжал взмыл в воздух и стремительно опустился вниз, легко войдя в мягкую податливую плоть. Он взлетал и опускался ещё много раз, словно вторя ритму звучащей песни:

Яркий блеск короны на волосах,
Бриллианты-льдинки в её глазах.
Бьют часы декабрь, беду трубя,
Королева Снежная ждёт тебя.
Поцелует в губы, велев молчать,
Перестанет сердце твоё стучать.
Сказка — ложь и Герде не повезёт
Знай, тебя никто теперь не спасёт...

Глава 2

Ангелина Скворцова выбежала из метро, ругая себя. Она специально не стала вызывать такси, думала прогулка поможет успокоиться. Увы! пока до желаемого эффекта было далеко. Чтож, сама виновата: прекрасно знала — дома без предварительного звонка лучше не появляться. Ну как она могла забыть, что Новый Год отец всегда старается встретить семьей, к которой она, по его мнению, больше не относится. Правда, в этот раз он почему-то приехал раньше.

Ангелина остановилась. Медленно вдохнула холодный декабрьский воздух и постаралась взять себя в руки, но, вспомнив взгляд, которым одарил её Сергей Константинович, прежде чем демонстративно удалиться, почувствовала, как по щекам медленно поползли ручейки так долго сдерживаемых слёз. Уж лучше бы накричал или нагрубил! Нет, генерал Романов в совершенстве владеет собой и техникой морального уничтожения противника, которой усердно пользуется последние полгода. А то, что в роли противника — родная дочь, его, похоже, нисколько не смущает.

Ангелина, вытерла слёзы, размазывая дорогую польскую тушь. Господи, когда же это кончится?! Сколько ещё он будет наказывать её за то, что пошла наперекор его воле и впервые в жизни осмелилась принять решение сама за себя? Отец всегда хотел видеть её врачом и не смог простить того, что учёбе в медицинской академии и перспективе стабильной профессии дочь предпочла сомнительную карьеру певицы.

Ангелина всхлипнула и с удвоенной силой принялась корить себя за визит без предупреждения. Правда, она его вообще не планировала, всё получилось спонтанно. Кира Тимохина, с которой они вместе снимали квартиру, краснея, смущаясь и запинаясь, попросила подругу переночевать дома: у неё неожиданно наметилось романтическое свидание. Поскольку подобными просьбами девушка не злоупотребляла, Ангелина не видела причин для отказа. Она спокойно отправилась к тётке, а в итоге снова оказалась на улице без крыши над головой. На квартиру она решила не возвращаться, чтобы не портить людям удовольствие, в запасе оставался только один вариант — навестить подругу детства Люду Щукину. Та сама на днях предлагала устроить небольшой девичник, одна проблема — мобильник разрядился, и предупредить о своём визите у девушки не было возможности. И потому, глядя через дорогу на освещённые окна подруги, Ангелина колебалась — оказаться незваным гостем дважды за один вечер ей совсем не хотелось.

А тут ещё машина у подъезда показалась очень знакомой. Приглядевшись, девушка узнала «Бентли» Антона Холмса, и желание входить в дом пропало совсем. Ангелина отступила подальше в тень, вспомнив, как летом по воле судьбы и, кстати, не без вмешательства Щукиной целую неделю проработала в агентстве детектива уборщицей. За те несколько дней она успела разочароваться во многих, внушаемых с детства иллюзиях, и почти влюбилась в мужчину, у которого, как выяснилось, имелись более важные и несовместимые с её присутствием в его жизни дела. Сам Холмс об этой истории, скорее всего, не догадывался, и всё же девушка предпочла с ним не встречаться. Когда он уехал, Ангелина ещё какое-то время постояла в своём укрытии, отгоняя неприятные воспоминания, и только потом нерешительно направилась к подземному переходу.

Оглядевшись по сторонам, девушка заметила, как из подъезда Щукиной выскользнул человек в длинном тёмном плаще и быстро направился в её сторону. Они встретились на

середине слабо освещённого тоннеля перехода. Ангелина невольно обернулась вслед незнакомцу в чёрном, отреагировав на странный звук, раздавшийся с его стороны: звонил мобильный телефон. Оригинальный, редкий звонок, но, кажется, она его уже слышала раньше. Впрочем, дело было не только в этом. Ангелина оглядывалась ещё несколько раз, прежде чем поняла — её внимание привлёк довольно сильный запах парфюма исходящий от прохожего. Так пахли любимые духи её тёти «Snow Queen» — Снежная королева.

* * *

— У меня дежавю! — простонала Ангелина, когда подруга безапелляционно заявила, что та пришла не вовремя. — Я сегодня весь день не вовремя.

— Почему не позвонила? — ворчала Людмила, оглядываясь на закрытую дверь спальни. Подругу детства она пока держала в коридоре.

— Телефон разрядился — не успела. У тебя, Миша, наверное, — вспомнила девушка имя последнего возлюбленного Людмилы.

Та картинно закатила глаза и возмутилась слегка перефразированной цитатой из меняющего профессию «Ивана Васильевича»:

— Безобразие, это же надо до такой степени не интересоваться личной жизнью лучшей подруги! Сейчас у меня другой сердечный интерес, но знакомить вас, извини, пока не буду: он у меня ещё не прирученный.

— Наверное, процесс приручения был в самом разгаре, когда я пришла, — грустно усмехнулась Ангелина. — Извини, не хотела мешать. Пожалуй, стоит поискать какую-нибудь гостиницу, в метро ночевать не пускают.

— Не поняла, тебя, что из дому выгнали?

— Дома сейчас отец, решил встретить новогодние каникулы в кругу семьи. Как ты сама понимаешь, он был...гм...не слишком рад встрече.

— А как же...

— У Киры сегодня свидание...э... в нашей квартире. Поэтому я здесь, но у тебя тоже бурная личная жизнь.

— Да, бурная! — взвилась Людмила. — А у тебя вообще никакой — отсюда все проблемы! Нашла бы себе мужика с квартирой и не металась бы сейчас как сирота бесприютная!

Ангелина вспыхнула, недовольно буркнув:

— У меня нет на это времени.

— Ума у тебя нет, а не времени! — снисходительно отмахнулась Щукина. — Вроде не блондинка, а мозги не варят!

— Люда!

— Чего? Я двадцать два года Люда, а ты двадцать один — Ангелина и до сих пор в сказки веришь, да принца ждёшь. Ну, жди, жди, до пенсии время есть!

Скворцова хоть и обиделась, предпочла промолчать. Обсуждать свою личную жизнь она не собиралась даже с подругой.

— Ладно, я пойду, извини, что не вовремя. Успешного приручения!

— И куда пойдёшь, горе луковое? — вздохнула Люда. — Я же знаю у тебя в комплекте ни подруг, ни любовников, что крайне глупо с твоей внешностью и статусом восходящей

звезды эстрады!

Ангелина снова покраснела. Да, она заняла первое место на конкурсе «Звёздный шанс» и получила возможность войти в состав довольно известной группы, но звездой себя пока не ощущала.

— О моих невысоких умственных способностях ты уже упоминала — повторяешься.

— Повторение — мать учения. Может хоть так до тебя что-то дойдёт. Ладно, подожди секунду, я сейчас.

Людмила скрылась за дверь и действительно очень быстро вернулась.

— Этажом ниже живёт моя хорошая знакомая, кстати, известная актриса. Перекантуешься пока у неё. Ну, чего застыла, идём скорее.

— А она согласится пустить в дом постороннего человека?

— Конечно, согласится, это же ненадолго — максимум пара часов, а потом я выпроволю свой сердечный интерес и вернусь за тобой.

Ангелина невольно улыбнулась.

— Думаешь, за пару часов успеешь его приручить?

— Не всё сразу, даже у Экзюпери этот процесс проходил поэтапно.

Девушки остановились перед дверью семнадцатой квартиры, и Щукина, не теряя времени, нажала кнопку звонка.

— А вдруг у неё тоже свидание? — испуганно шепнула Ангелина.

— Это вряд ли, Рита кавалеров домой не водит, предпочитает встречаться на нейтральной территории. — Люда позвонила ещё раз. — Похоже, её нет дома, так даже лучше. Ключи у меня есть. Отдохнёшь здесь в гордом одиночестве, а потом опять дверь замкнём, и все будут довольны.

Ангелина хотела возразить, но Люда уже уверенно пристраивала ключ к замочной скважине.

— Что такое? Не поняла юмора, да здесь открыто. А где же Ритка? Наверное, в душе, — ответила она на свой же вопрос и решительно толкнула входную дверь.

Холод — это первое, что почувствовала Ангелина, войдя вслед за подругой в чужую квартиру. Во всех комнатах горел яркий свет, а дверь на лоджию была распахнута настежь, гостеприимно впуская в квартиру, лютую декабрьскую стужу.

— Господи, какая холодина! — поёжилась Щукина. — Не знала, что Ритка закаляется. Ладно, Геля, подожди здесь, я поищу её.

Люда скрылась в соседней комнате, громко позвав хозяйку квартиры по имени, а через секунду Ангелина услышала её истошный, полный какого-то животного ужаса крик. Стараясь не поддаваться панике, она метнулась вслед за подругой. Щукина медленно сползала по стене. В её расширившихся, остекленевших глазах отражалось распростёршееся на полу тело Маргариты Майер.

Ангелина вскрикнула и отшатнулась. Девушка провела большую часть своего детства с родителями в так называемых горячих точках, и уже тогда ей приходилось видеть смерть в самом неприглядном её виде, но даже раздробленные взрывом фрагменты тел не поражали так, как только что увиденное зрелище. Ужасало всё: и одежда актрисы, превращённая в сплошное кровавое месиво, и неестественные кукольные локоны парика, и нелепая серебристая диадема в виде короны на голове, и жирная чёрная мушка над верхней губой, зачем-то нарисованная на лице Маргариты.

— Ой, мама, мамочка! — утробно завывала Люда, раскачиваясь, словно китайский

болванчик. Она потеряла связь с реальностью и сейчас пребывала в глубоком шоке.

Ангелина была не в лучшем состоянии, но, собравшись с духом, заставила себя подойти к окровавленному телу и нащупать пульс. Бесплезно! Сердце актрисы остановилось навсегда. Склонившись над обезображенным трупом Риты, Ангелина вдруг отчётливо почувствовала лёгкий почти выветрившийся аромат духов, тех самых, которыми так сильно пахло от незнакомца, встреченного ею несколько минут назад в подземном переходе.

Следующий день Антон начал с изучения обещанной статьи, в которой Маргарита Майер оптимистично и бодро заявляла, что отныне спокойна за свою жизнь, поскольку доверила её настоящему профессионалу — детективу Антону Холмсу. Возможно, в другое время эта приторно-восторженная писанина даже польстила бы его самолюбию, но следом за ней незамедлительно последовало сообщение о смерти девушки, что, естественно, вызвало у мужчины совершенно противоположные чувства.

Разобраться в них не дал трудный, непродуктивный разговор с брюзжащим недовольным следователем Бруталовым. Тот предъявил показания свидетелей, видевших детектива вместе с погибшей в ночь убийства, причём постарался преподать сей факт, чуть ли не как обвинение в преступлении. Однако, к большому сожалению следователя те же свидетели уверяли, что детектив уехал буквально через пару минут, а значит, повесить на него убийство, увы, не представлялось возможным.

Антон и не отрицал того, что был последним, кто видел актрису живой, но помочь следствию при всём желании ничем не мог. Рассказ о духах и песнях, по-видимому, был не в счёт. Поколебавшись, детектив всё же поведал о навязчивых страхах своей клиентки, чем заслужил красноречивый взгляд следователя. Казалось, тот с трудом удержался от соблазна покрутить пальцем у виска. Антон его не осуждал, он ведь и сам отреагировал примерно так же, услышав рассказ Маргариты впервые, о чём теперь горько сожалел.

Распрошавшись с Бруталовым, Холмс испытал некоторое облегчение, но, покинув здание прокуратуры, остался один на один с вполне осознанным, тягостным чувством недовольства собой. Довольно непривычное ощущение для человека, привыкшего всегда и во всём быть лучшим.

Перед глазами стояло улыбающееся лицо Маргариты — такой он увидел её сегодня на страницах утренней прессы. В свете того, что именно его, Антона Холмса, девушка назначила своим ангелом-хранителем, не трудно догадаться какими заголовками будет пестреть вечерняя. В лучшем случае его обвинят в некомпетентности, а в худшем...

Детектив разозлился, представив себе цинично-обвинительные пасквили акул жёлтого пера, но через минуту понял, что злится в основном на себя. Профессионал, называется! И где же было его хвалёное всё той же прессой чутьё, когда он так легко и пренебрежительно отмахнулся от жалоб Риты. Сначала его смутил рассказ о запахах и песнях, потом актриса проговорила о посещении психолога по поводу навязчивых страхов, и детектив перестал принимать её слова всерьёз, разглядев в них последствия диагноза ему, кстати, неизвестного! В самом деле, почему он не поговорил с её врачом, да что там даже имени его не выяснил! Он просто сразу списал Риту со счетов адекватных клиентов, но деньги, тем не менее, взял и даже попытался провести абсолютное ненужное, по его мнению, расследование. А что в итоге?

Антон вспомнил жуткие фотографии мёртвого тела и лаконичное заключение судмедэксперта — девятнадцать ножевых ранений. Вот так погибла его бывшая клиентка. Стоп, а почему бывшая? Деньги заплачены вперёд, а поскольку со своей изначальной задачей он не справился...

Детектив глубоко вздохнул, стараясь собраться с мыслями. Всё так и есть, официально дело он не закрыл, Маргарита всё ещё его клиентка. Получается, тот, кто убил девушку,

бросил вызов ему самому. А, учитывая неизбежную реакцию пусть жёлтой, но самой читаемой прессы в мире, у него теперь есть только одна возможность заткнуть им рот — найти убийцу Риты первым. Да, пожалуй, иного выхода просто не существует. Он, Антон Холмс, слишком многое положил на алтарь своей безупречной репутации и теперь просто не мог ею рисковать!

* * *

— Чай, кофе или что-нибудь покрепче? — рассеянно предложила Щукина, оставшейся у неё на ночь подруге. — Пожалуй, в нашей ситуации лучше употребить последнее.

— Думаешь, поможет? — засомневалась Ангелина, потирая пульсирующие от боли виски. — Мне бы лучше «Цитромончика». После разговора с тем «милым» следователем голова просто раскалывается.

— Да уж, тот ещё милашка, — поморщилась Людмила. Она ополоснула в мойке пару бокалов и до краёв наполнила их крепким красным вином. — Тиран и зануда — терпеть не могу таких мужиков! Стоило три часа нас допрашивать, чтобы в итоге ни одному слову не поверить.

— Ты же не думаешь, что он нас считает, ну что это мы могли... — Скворцова невольно побледнела, заново переживая вчерашние впечатления. — Её же буквально превратили в дуршлаг, на такое разве что маньяк способен!

Люда вздрогнула и перекрестилась.

— Ужас, какой! Как представляю, что эта тварь была вчера в нашем доме! А если бы мы с тобой зашли к Ритке хоть на пять минут раньше...

— Она, возможно, была бы сейчас жива, — виновато кивнула Ангелина. — Ну почему я не пошла к тебе сразу?! Толклась под окнами, как дура, ждала неизвестно чего, а могла бы спасти человеку жизнь!

— Ты действительно дура! — возмущённо взвизгнула Щукина. — Да если бы ты пришла чуть раньше, мы бы сейчас лежали вместе с Риткой в морге на железном столе!

Ангелина на мгновение застыла, услышав версию подруги, а потом одним махом опустошила свой бокал. Наполнила его снова, повторила процедуру и, даже не поморщившись, пробормотала:

— Вино дрянь, давай чего-нибудь покрепче!

Вид абсолютно непьющей подруги лихо закладывающей за воротник, мгновенно отрезвил Людмилу, вернув способность мыслить более-менее спокойно, а главное практично.

— Скворцова, алкоголизм не спасает от действительности, а ты к тому же пить не умеешь! Тебе в этом деле даже до дилетантов далеко.

— Так научи меня, профессионалка!

— Не сейчас, мне нужна ясная голова: статью нужно закончить. Материал должен получиться отличный! Представляешь, репортаж с места преступления глазами очевидца! Э... ну в смысле почти очевидца.

Ангелине не понравился нездоровый энтузиазм, прозвучавший в голосе студентки-журналистки Щукиной.

— Люда, как ты можешь так говорить? — ужаснулась она. — Убили ведь не

постороннего человека, а твою хорошую знакомую!

— Это не я говорю, это во мне профессионал говорит, — не смутилась девушка. — Риту, конечно, жаль, но не понимаю, почему на правах хорошей знакомой я не могу написать статью? Завтра все только об этом и будут строчить, а у меня эксклюзив! Такой шанс нельзя упускать! Всё, пошла работать, а ты, смотри, не напивайся, а то буянить начнёшь. Я же не знаю на что ты пьяная способна.

Люда метнулась в спальню к гостеприимно мигающему монитору компьютера, но её остановил настойчивый звонок в дверь. Журналистка раздражённо вздохнула:

— Вот так всегда! Ну почему в разгар вдохновения обязательно кто-то припрётся и всё испортит?!

— А вдруг это твой сердечный интерес дальше приручаться пришёл, — пробормотала разомлевшая от вина и переживаний Ангелина.

Головная боль притупилась, но всё тело стало каким-то тяжёлым, горячим, чужим. Да и страшные воспоминания по-прежнему не отпускали. В общем пока в употреблении алкоголя девушка не нашла для себя ничего положительного, если не считать того, что, пожалуй, впервые за прошедшие сутки ей захотелось спать. Однако при виде вошедшего вслед за Людой посетителя, она мгновенно встрепенулась. Мозг включился, разорвав путы хмеля, и послал тревожный сигнал в каждую клеточку тела.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Антон Холмс, ненавязчиво разглядывая покрасневшую девушку.

— Это моя подруга, Ангелина, мы вместе обнаружили Риту, — излишне оживлённо отрапортовала Люда и повернулась к Скворцовой. — Ну а ты, конечно, узнала известного детектива Антона Леонидовича Холмса?

Ангелину гораздо больше интересовало, узнал ли Холмс её, но по безмятежному виду последнего определить это было невозможно.

— Людмила, Ангелина, рад знакомству, — галантно улыбнулся детектив. — Жаль, что оно состоялось при таких трагических обстоятельствах, но именно из-за них я вынужден обратиться к вам за помощью. Буду очень признателен, если вы согласитесь ответить на некоторые мои вопросы. Надеюсь, это вас не затруднит?

— А он всегда так странно выражается, как будто из восемнадцатого века явился? — наклонившись к уху подруги, шепнула удивлённая Щукина.

Ангелина рассеянно кивнула. Для Антона воспитанного в рамках дворянского этикета такой стиль изложения мыслей был если не естественным, то вполне допустимым.

— И чем мы можем вам помочь? — выдавила она, наконец. — Да вы садитесь куда-нибудь, Люда, где тут у тебя можно сесть?

— А, сейчас, сейчас! — Щукина резво вытряхнула кучу газет из большого кожаного кресла и чуть ли не силой впихнула в него детектива.

— Э...большое спасибо, — Антон, бросив взгляд на часы, решил больше не тратить время на лирические отступления и сразу же перешёл к делу. — Вы, наверное, знаете, что незадолго до смерти Маргарита Майер обратилась ко мне за помощью?

— Читали! — коротко кивнула Людмила. Осуждение, звенящее в её голосе сказало гораздо больше.

Антон понимающе усмехнулся:

— Увы, я проявил себя не с лучшей стороны, но Маргарита по-прежнему остаётся моей клиенткой, и я намерен найти её убийцу как можно скорее.

— Здорово! — искренне обрадовалась Щукина. — Значит можно вздохнуть спокойно, а то на этого жуткого следователя надежды никакой! Он нас с Гелькой уже сегодня готов был в камеру посадить, только потому, что на месте преступления оказались!

— Люда, не преувеличивай! — одёрнула подругу Ангелина. — Никто нас ни в чём не обвинял, но то, что расследованием займётесь вы, Антон Леонидович, действительно успокаивает. Разумеется, мы готовы ответить на любые ваши вопросы.

— Вот и хорошо, тогда просто расскажите в подробностях о событиях вчерашнего вечера. Понимаю, это болезненные воспоминания...

— Всё нормально, мы это уже сто раз повторили их следователю, так почему бы не повторить в сто первый. И, кстати, Антон Леонидович, я тут пишу статью об этих самых воспоминаниях, можно будет упомянуть, что вы берётесь расследовать смерть Риты?

Детектив нахмурился: свидетельница-журналистка — этого ему только не хватало! С другой стороны, эти стервятники на него и так вот-вот набросятся. В любом случае с прессой придётся общаться, так почему бы не начать прямо сейчас.

— Договорились, Людмила, — сдержанно кивнул он, — только я хотел бы увидеть эту статью до того, как она выйдет в печать!

— Здорово! — просила Щукина, игнорируя осуждающий взгляд Ангелины. — Это будет супер эксклюзив! Ой, простите, отвлеклась, так что, говорите, вас интересует?

Холмса интересовало всё: при каких обстоятельствах девушки оказались в квартире актрисы, была ли заперта дверь и что именно они там увидели. Он заставил подруг рассказывать эту историю несколько раз, причём каждую по отдельности, но ничего нового не узнал. Всё это мужчина уже слышал в кабинете следователя и теперь был явно разочарован.

— Хорошо, значит, ничего особенного вы не заметили и на лестнице ни с кем не встретились? — вздохнул детектив. — Ладно, давайте проясним другой момент. Людмила, насколько я понял, вы были близкой подругой Маргариты?

— Скорее хорошей знакомой или приятельницей, — помедлив, возразила журналистка. — У таких как Рита близких подруг не бывает, если вы понимаете, о чём я.

— Не совсем, надеюсь, вы поясните...

— Вы не подумайте, я ничего плохого о ней сказать не хочу, просто есть такой тип женщин, которым никто не нужен что ли... Мужчи́нами они вертят, как хотят, а на подруг не размениваются — просто не могут считаться с чьими-то чувствами кроме своих. Мы с Ритой познакомились четыре года назад, когда я переехала сюда, чтобы отделиться от предков. Она тогда выступала в каком-то танцевальном коллективе, много гастролировала и оставляла мне ключи: цветы поливать, рыбок кормить, собственно, на этом и строились наши отношения. Да, мы общались по-приятельски, но не слишком тесно, о мальчиках не секретничали, надеюсь, я ответила на вопрос?

— Более чем. Жаль, значит, о её знакомых и друзьях вы ничего не знаете?

— Да не было у неё друзей, а свою актёрскую тусовку она иначе, чем серпентарием не называла. И это понятно, вращалась Рита, естественно, не среди звёзд первой величины, а в кругу таких же начинающих как она, отчаянно завидующих более успешным коллегам. Подруг у неё, повторюсь, не было, она же флиртовала со всеми представителями мужского пола без исключения, ну какая подруга такое выдержит? Я сама старалась её со своими парнями не знакомить: от греха подальше, знаете ли.

Антон невольно смутился, услышав такие подробности о своей, как ему пока ещё

казалось, скромной и ранимой клиентке.

— Я не совсем понял, ей так нравилось мужское внимание? — неуверенно уточнил он. Лично к нему актриса не проявляла повышенного женского интереса, поэтому версия Люды звучала как-то неубедительно.

— Думаю, ей нравилось чувство собственного превосходства над мужчинами, нравилось ощущать себя королевой. Она обычно выжимала из поклонника всё, что могла в материальном плане, а потом просто выбрасывала его из своей жизни. Кстати, не мои слова, Рита сама мне это как-то говорила. Учила, так сказать, правильному обращению с мужчинами.

— Если это не просто слова, у её партнёров было мало оснований желать девушке добра, — покачал головой детектив. — А с кем Рита встречалась в последнее время, вы не в курсе?

Сам Антон во время короткой слежки за актрисой наличия постоянного кавалера не обнаружил, но она, зная о ведущемся наблюдении, могла просто не афишировать некоторые связи. Люда ненадолго задумалась, а потом отрицательно покачала головой.

— Не в курсе. Рита уверяла, что не создана для серьёзных отношений. Впрочем, за ней постоянно бегал этот жалкий тип Гребцов из «Будней и праздников». Журналист он более чем посредственный, не понимаю, что она в нём вообще нашла?! Кажется, у них было что-то вроде мимолётного романа, и вот с тех пор он ей проходу не давал. О других поклонниках мне неизвестно. После давнего скандала, устроенного женой одного из её ухажёров (я сама видела, как она ей чуть дверь не разбила), Рита перестала приводить мужчин к себе, предпочитала свидания на нейтральной территории.

— Вы сказали, что ей нравилось чувствовать себя королевой, — Антон нахмурился, пытаясь поймать ускользающую ассоциацию. — А ведь вчера она выглядела именно так! Этот парик и диадема, Рита могла надеть их сама, так сказать по настроению?

Людмила снова задумалась.

— Не знаю, чужая душа — потёмки, теоретически, наверное, могла. С другой стороны, зачем ей так наряжаться, да ещё дешёвую бижутерию на голову цеплять, нет, на Риту это не похоже! Ой! Пойдите, а вы думаете, это сделал убийца?!

Впечатлительная Ангелина ойкнула. Холмс попытался охладить пыл журналистки, но тщетно, её богатое воображение уже неслось впереди всех доводов разума и логики.

— Ну, разумеется, это сделал маньяк! Нацепил ей парик и корону, да ещё эту родинку кошмарную на лице нарисовал! Точно, сама бы она себя так уродовать не стала!

— Вот откуда ты знаешь?! — попыталась вмешаться Ангелина. — Сама ведь сказала: чужая душа — потёмки, а может, ей нравился стиль Снежной королевы? От неё даже духами такими пахло.

— Какими духами? — мгновенно насторожился детектив.

— «Snow Queen» называются, моя тётя ими раньше часто пользовалась, поэтому я их сразу узнала. Но вообще они не подходят молодым девушкам, и сейчас, кажется, уже не производятся.

«Опять эта Снежная королева! — мысленно чертыхнулся детектив. — Прямо наваждение какое-то!»

— А, вспомнила, это что-то вроде «Красной Москвы». Ерунда! Рита не стала бы пользоваться подобной дешёвкой! — безапелляционно заявила Щукина.

Антон со вздохом поднялся из гостеприимного кресла.

— Людмила, а запасные ключи от квартиры Маргариты всё ещё у вас?

— Да, у меня, — растерялась девушка, — а что?

— Я хотел бы осмотреть место преступления, пока его не опечатали. У оперативников сейчас видимо технический перерыв, и я собираюсь этим воспользоваться. Людмила, будьте любезны, принесите, пожалуйста, ключ.

В спокойном и уверенном голосе детектива прозвучали едва уловимые повелительные нотки, и Щукина, отбросив сомнения, кинулась в спальню. Ангелине всё это не понравилось:

— Тайное проникновение в почти опечатанную квартиру. Берёте пример со своего помощника Арбенина? — укоризненно спросила она.

Антон метнул в её сторону быстрый взгляд и ослепительно улыбнулся:

— Значит, я не ошибся и это действительно вы, моя прелестная уборщица? Впрочем, вы быстро сменили профессию, и, слышал, теперь поёте на большой сцене?

— В свободное от уборки время, — усмехнулась девушка, не вдаваясь в подробности размеров сцены, которые дошедшим до Холмса слухам явно не соответствовали.

Антон снова улыбнулся и попытался оправдаться:

— Понимаю, тайное вторжение выглядит не очень красиво, но мне необходимо осмотреть квартиру и, как знать, возможно, только я смогу найти убийцу.

Последняя фраза прозвучала несколько пафосно, но Ангелина, ранее уже наблюдавшая за работой детектива, приняла её как констатацию факта и успокоилась.

— Отлично! Вижу, мы поняли друг друга, — удовлетворённо кивнул Антон. — Что касается, моего бывшего помощника Арбенина, то я вас очень попрошу: никогда больше не упоминайте при мне имя этого предателя!

Ангелина вспыхнула и со вздохом пробормотала:

— А вы при мне!

Детектив удивлённо поднял светлые красиво изогнутые брови, но тактично промолчал, за что девушка была ему очень благодарна.

Как он сказал — бывший помощник? Получается, они больше не работают вместе, что ж всё к лучшему. Если бы он пришёл сейчас вместе с Холмсом, Ангелина точно захотела бы провалиться сквозь землю! Ведь после всего, что между ними было... Хотя, что там было — неловкие спонтанные объятия в ночь, когда он едва не погиб, а потом Май поспешил расставить все точки над I и доходчиво объяснил ей на что рассчитывать не стоит.

Получается, ничего и не было! Зачем тогда, уже вычеркнув девушку из своей жизни, он приехал проводить её в Юрмалу, сам по собственной инициативе, она его даже не ждала! Снова подал надежду и снова безжалостно её растоптал, теперь уже окончательно! К счастью, он больше не помощник детектива, а значит, они вряд ли когда-нибудь встретятся. Эта мысль, которая, казалось, должна была успокоить певицу, как ни странно вызвала лишь разочарование и грусть...

Антон впервые в жизни выступал в роли невольного взломщика и белые перчатки на руках лишь подчёркивали неприятное сходство. Раньше всем этим легко, непринуждённо и без зазрения совести занимался его помощник Май Арбенин, кстати, бывший следователь. Он играючи пользовался отмычками и не брезговал кражей необходимых улик. Теперь грязную работу переложить было не на кого, и Антон со вздохом вошёл в квартиру своей последней клиентки.

Он внимательно осмотрел прихожую, кухню, ванную комнату и, не найдя ничего заслуживающего внимания, перешёл в спальню Риты. В глаза сразу бросилось большое, слишком большое бурое пятно на нежно-голубом паласе и белый контур обведённого тела. Вот здесь всё и случилось...

Антон осторожно подошёл ближе и почувствовал, что к ботинку что-то пристало. Яркий рекламный флаер некой косметической фирмы лежал, судя по обводам, у ног убитой. Что ж, в этом тоже не было ничего особенного, в девичьих сумочках всегда полно подобных бумажек — вечная погоня за увядающей красотой. Кстати, о сумочках, не мешало бы в них покопаться!

Антон без труда отыскал целых двенадцать кожаных изделий всех форм, размеров и расцветок, но, увы, ничего полезного не обнаружил и здесь. Стандартный набор косметики, визитки столичных такси, сигареты, предметы личной гигиены, да перцовый баллончик — вот и весь нехитрый багаж начинающей актрисы.

Судя по всему, Маргарита не относилась к дотошным особам, собирающим визитки всех своих даже случайных знакомых и выписывающим их телефонные номера в записную книжку. А в памяти мобильного фигурировали лишь какие-то странные прозвища и невообразимые аббревиатуры, определить по которым паспортные данные адресата не представлялось возможным. Антон со вздохом отбросил надежду найти хотя бы номер психолога и снова погрузился в созерцание обстановки, гадая, где мог прятаться убийца, поджидая свою жертву. Он осмотрел тогда всю квартиру довольно тщательно и мог бы поклясться, что в помещении никого не было.

Скорее всего, у убийцы имелся дубликат ключей. Антон вспомнил жалобы Риты на запахи, периодически появляющиеся в квартире. Что ж, если у парня свои ключи — это многое объясняет, он мог свободно проникать внутрь и делать всё, что заблагорассудится. Стоп, а почему именно парень?! Девушка не была изнасилована, и убийца вполне может оказаться с женщиной. Пока неизвестен мотив, любая версия имеет право на существование.

Внимание детектива привлёк огромный музыкальный центр, расположенный на полу в коридоре между кухней и спальней. Антон секунду разглядывал его, а затем машинально включил таймер и почти не удивился, увидев, что время последнего проигрывания совпадает со временем смерти девушки, указанном в заключение патологоанатома. Мужчина, помедлив, нажал клавишу «плей» и комнату заполнил модный ритм нового хита «Падших ангелов»:

— Яркий лёд короны на волосах,
И подушка Герды опять в слезах!
Впереди жестокий неравный бой,
Но победа будет не за тобой....»

Это было последнее, что слышала Маргарита Майер перед смертью.

* * *

Вернув Щукиной ключ, Антон ещё раз напомнил, что об этом его «подвиге разведчика» в материале упоминать не нужно и поинтересовался не делилась ли с ней Рита своими страхами и опасениями.

— Типа, что её хотят убить? Да она об этом в каждом интервью трезвонила! — отмахнулась Люда. — Я лично писала последнее, ой!

Щукина испуганно прижала ладонь к губам:

— Получается, зря я ей не поверила!

— И не только вы, — вздохнул детектив. — Увы, запоздалым раскаянием здесь не поможешь. Людмила, постарайтесь вспомнить, Рита говорила вам о каких-нибудь конкретных угрозах в её адрес?

Люда ненадолго задумалась и отрицательно покачала головой.

— Нет, ничего такого не помню. Честно говоря, мы нормально уже месяца два не общались: она всё время на съёмках, а я учусь и работаю. Так, здоровались на бегу, вот и все разговоры, а во время интервью она ничего нового не сказала.

— Жаль.

Студентка-журналистка приуныла:

— Да, жаль, что я ничем не могу помочь. Надо было внимательнее прислушиваться к её словам, но кто же знал?! Ой, подождите! Я вспомнила, Ритка посещала какого-то крутого психолога, очень его нахваливала! Вот он, наверняка, сможет рассказать что-нибудь полезное!

Детектив внутренне возликовал, услышав подтверждение собственных мыслей! Да он просто жаждет пообщаться с этим «крутым психологом», неужели сейчас и адресок подскажут?

— Людочка, дорогая, а вы случайно не знаете, что это за чудо-доктор и где его найти? Я был бы вам очень признателен за помощь!

— К сожалению, не знаю. — Люда нахмурилась, но, бросив взгляд на загрустившую подружку, просияла: — О! Точно! Гелька знает!

— Я?! Откуда?! — поразилась Ангелина, мигом очнувшись от оцепенения.

— От верблюда! Помнишь, когда у тебя депрессия была, ну из-за семейных разборок, я тебе визитку психоаналитика давала. Так мне его, вникнув в проблему, Ритка порекомендовала как классного специалиста. Говорила, что к нему в основном знаменитости обращаются.

Ангелине не понравилось, что подруга обсуждала её проблемы с посторонними людьми, к тому же единственное посещение «классного специалиста» приятных впечатлений не оставило, но момент для выяснения отношений был неподходящим.

— Его фамилия Рюмин, зовут, кажется, Виталий Павлович, офис находится на Остоженке. Больше сказать ничего не могу — я там была всего один раз и очень недолго.

— Спасибо, Ангелина! Теперь я его обязательно найду! — просиял Антон, сделал пометку в блокноте и попрощался с девушками.

Позвонив своему помощнику — компьютерному гению Алику Белкину, детектив уже

через пару минут получил точный адрес психолога и поспешил немедленно нанести ему визит.

* * *

В приёмной Рюмина сладко пахло мандаринами, и празднично переливалась огнями небольшая пушистая ёлочка на столе секретарши, ничуть не уступающей ей блеском украшений. Антон невольно бросил взгляд на календарь: через две недели Новый год! Надо бы сказать Римме, пусть тоже понемногу начинает украшать агентство.

Секретарша, продолжая сиять в унисон с ёлкой, придирчиво осмотрела дорогую одежду детектива и объяснила, что свет-Виталий Павлович принимает посетителей исключительно по записи, а запись ведётся уже на март! Антон с неохотой достал удостоверение детектива, упомянул, не вдаваясь в подробности, что речь идёт об убийстве, и после десятиминутных переговоров секретарши с шефом был допущен к светилу отечественной психологии.

«Светилом» оказался невысокий румяный дяденька лет сорока пяти с усиками аля Эркюль Пуаро и по-детски ясным восторженным взглядом. Он с нескрываемым интересом разглядывал Холмса, которого сразу узнал, а тот в свою очередь посматривал на визави с некоторой опаской, гадая, не является ли эта излишняя восторженность побочным эффектом ежедневного общения с эмоционально неуравновешенными личностями.

Наконец Антон решил прервать затянувшееся молчание и представился, Виталий Павлович радостно закивал:

— Конечно! Конечно! Я вас сразу узнал, Антон Леонидович! Я ведь вас давно жду, всё гадал, когда же вы ко мне обратитесь?!

— Э...неожиданно, — озадачено признался детектив. — Отчего же давно — всё случилось прошлой ночью, и я практически сразу вас нашёл.

— Не знаю, что там случилось прошлой ночью, я имею в виду, что ждал вас в качестве пациента или клиента, как вам будет угодно! — с прежним энтузиазмом объяснил Рюмин, чем поверг Холмса в состояние лёгкого ступора.

— Меня, в качестве пациента?! В смысле по вашему профилю?

— Разумеется. Согласитесь, было бы странно обращаться ко мне, скажем, с переломом руки.

— Но вы ведь психолог!

— В том числе, вообще — психотерапевт. Психологом пришлось стать гораздо позже — дань моде, почему-то люди предпочитают обращаться именно к этим специалистам.

Детектив уже не пытался скрыть возмущение:

— Тем более! Какое отношение я имею к вашим пациентам?!

Виталий Павлович продолжал излучать восторг каждой клеточкой своего в меру упитанного тела.

— Вы нервничаете! — почти радостно констатировал он. — Вот об этом я и говорил: ваша специфическая профессия в сочетании с издержками бремени славы — это очень тяжёлая, если не сказать, непосильная ноша!

— Ничего, я справляюсь, — проворчал детектив. — А к вам обратился исключительно по делу, может, мы можем, наконец, к нему перейти?

Рюмин вздохнул, не скрывая сожаления:

— Конечно, как вам будет угодно! Но всё же не стоит переоценивать силы своего организма. Перегрузить психику — ничего не стоит, а вот...

— Виталий Павлович, речь пойдёт об одной вашей пациентке — Маргарите Майер. знаете такую?

— Маргарита, конечно знаю! Хорошо бы я был, если бы не помнил своих клиентов. Кстати, это ведь я посоветовал ей обратиться к вам.

— Вы?! — удивился Антон.

— Да, я. Вы присядьте или прилягте, как вам будет удобнее. — Психолог радушно кивнул на нереально-белую мягкую кушетку, но детектив, с опаской покосившись на неё, предпочёл расположиться в традиционном кресле.

— У Риты было что-то вроде мании преследования, вот я и посоветовал ей обратиться к частному детективу, это должно было её отвлечь и успокоить.

Холмс нахмурился, заметив:

— Что-то вроде мании преследования? Для диагноза это звучит слишком неопределённо.

— Извините, Антон Леонидович, но говорить о диагнозах своих пациентов я не могу даже с вами. Как профессионал, профессионала вы должны меня понять.

— Виталий Павлович, я ведь не из любопытства интересуюсь. Рита Майер была жестоко убита прошлой ночью, и как профессионал профессионала, прошу вас помочь мне разобраться, кому и зачем могла быть выгодна эта смерть.

Розовощёкий психолог мгновенно побледнел и перестал, наконец, излучать волны восторженной эйфории.

— Риту убили?!

— Да, поэтому тема врачебной этики сейчас не актуальна! Надеюсь, это вы понимаете?

Поникший Рюмин кивнул и спросил, как погибла девушка. Антон рассказал, не опуская деталей, не забыл упомянуть также о парике, диадеме и диске в музыкальном центре. В конце рассказа к психологу вернулись и прежний румянец и энтузиазм.

— Не может быть! Значит, говорите, корона и парик? И умерла она именно под ту самую песню?! — уточнил он, чуть ли не потирая руки.

— Да, а вас это, похоже, радует! — осуждающе заметил детектив.

— Как можно? Не радует, Антон Леонидович, а интересуется! А духи, они тоже присутствовали?

— Вроде да, — нахмурился Антон, вспомнив слова Ангелины. Ну почему он отвлекся и не расспросил девушку более подробно?!

— Отчего именно умерла Маргарита?

— Я ведь уже сказал — её девятнадцать раз ударили ножом! — нетерпеливо ответил Холмс, начиная терять терпение. Он сюда пришёл задавать свои вопросы, а не отвечать на чужие.

— Девятнадцать, а в сердце сколько? — взволнованно уточнил Виталий Павлович.

Антон задумался, вспомнив странную деталь, на которую обратил внимание при чтении заключения.

— В сердце? Нет, в сердце — ни одного удара, — растеряно признался он. — А почему вы....

— А я вам могу объяснить — почему! Вы эту песню-то сами слышали:

Кинжал в руках сжимаешь неумело,

А выюга усмехается в ответ:

«Не целься в сердце Снежной королевы -

У Снежной королевы сердца нет!» — торжествующе процитировал Рюмин.

— Э...простите, и что это, по-вашему, значит? — не понял детектив.

— Ну как же вы не понимаете! — горячился психолог. — Это значит, что некто убивал не Маргариту, а Снежную королеву! А точнее девушка ассоциировалась у него именно с этим образом!

— Допустим, а зачем вся эта прелюдия с духами и песнями?

— Могу предположить, что это ритуал подготовки к самому действию, рождающий, так сказать, настроение. Похоже, тот, кто это сделал — мой потенциальный пациент!

— Это с самого начала было ясно, — кивнул Антон и вдруг оживился: — Кстати, возможно он и состоит на учёте у кого-то из ваших коллег, нужно обязательно это проверить! Виталий Павлович, как думаете, какими характерными чертами отличается человек, совершивший такое?

Рюмин удручённо развёл руками:

— Не могу вот так с ходу сказать — информации мало. Пока ясно одно, судя по проведённой подготовке и отсутствию улик — этот человек, чтобы там не творилось у него в мозгах, прекрасно владеет собой. То есть он, скорее всего, живёт и действует как самый обычный, нормальный среднестатистический гражданин, а значит, на учёте у моих коллег может не состоять. Хотя есть вероятность, что он обращался именно за психологической помощью. Антон, давайте сделаем так: у меня есть некоторые связи в этой сфере и я постараюсь их задействовать. О результатах сообщу вам, а вы в свою очередь, будете держать меня в курсе расследования. Договорились?

— А вам это зачем? — удивился детектив.

Рюмин немного смущённо улыбнулся:

— Пишу диссертацию, а этот случай обещает быть интересным. С точки зрения медицины, разумеется!

— Договорились. Виталий Павлович, расскажите о Маргарите всё, что знаете.

— Это не так уж много. Девушка обратилась ко мне примерно три месяца назад. Рите казалось, что её кто-то преследует.

— Три месяца? А мне она сказала, что всё началось не больше месяца назад! — удивился детектив.

— Всё правильно, тогда это был просто навязчивый страх, от которого ей с моей помощью удалось избавиться без особого труда! — не без самодовольства заметил «светило психологии».

— Что значит «просто навязчивый страх», вы имеете в виду беспричинный? Ей никто не угрожал?

— Да, на физическом уровне ей никто не угрожал. Но беспричинных страхов не бывает а, причины, как правило, лежат на дне океана подсознания — самого глубоко океана во вселенной. — философски заметил Рюмин.

— Виталий Павлович, я несколько не сомневаюсь в вашей компетенции, но не могли бы вы выразаться конкретнее. Что происходило с Ритой?

— Да ничего особенного, опять же с точки зрения медицины. Маргарита — натура творческая, ранимая, эмоциональная и мнительная. Детство и юность проходила в облиии гадкого утёнка со всеми вытекающими отсюда последствиями: кавалеры не обращали

внимания, а если и прельщались ненадолго, вскоре предпочитали общество более красивых подружек. Через пару лет ситуация изменилась: девушка похорошела и стала нравиться парням, один даже сделал предложение. Несмотря на достаточно юный возраст она согласилась и была счастлива целых две недели, а потом жених ушёл к старшей сестре, и сказка кончилась. Рита тяжело переживала разочарование, но жизнь продолжалась. Она окончила театральное училище и ещё больше расцвела, появились поклонники, в том числе состоятельные, но девушка больше не впускала мужчин в свою жизнь, она их теперь лишь использовала. Встречалась исключительно с перспективными поклонниками, старалась выжать из них по максимуму в материальном плане, а потом бросала без лишних церемоний. Лишь бы кавалер не успел уйти первым, теперь это была её привилегия! Ей нравилось ощущение превосходства и контроля над ситуацией, однако не всех ухажёров устраивал подобный расклад. Однажды она связалась с человеком по прозвищу Воланд и поступила с ним согласно отработанному сценарию, а он её жестоко избил, пообещав прислать киллера. Наёмник, правда, так и не появился, а вот страх остался. А тут ещё через месяц на девушку напали, ограбили и снова избили. Она решила, что это и был тот самый киллер, но поскольку дело не закончил — вернётся обязательно. Отсюда все её страхи, обостряющиеся при малейшем намёке на любую, пусть даже мифическую угрозу. Поэтому рассказы о запахах и песнях я, признаюсь, принял за обострение прежних фобий.

— А кто на неё напал на самом деле?

— Откуда же мне знать, Антон Леонидович?! История об этом умалчивает, в полицию ведь наша общая клиентка обратиться побоялась. Теперь это придётся выяснять вам!

— Придётся, — вздохнул Антон. — Только как? Рита упоминала имена своих э... поклонников?

— Нет, для неё они были безмянными игрушками. — Виталий Павлович сверился с компьютерными данными. — Никаких имён. Парня, угрожающего киллером она знала, как я уже упоминал, под кличкой Воланд, а познакомились они в его собственном магазине косметики. Где он находится, увы, не знаю. К сожалению, это вся известная мне информация.

— Жаль, — Антон сделал очередную пометку в блокноте. — Хотя Воланд, владеющий магазином, — уже кое-что. Значит, психологический портрет преступника вы даже приблизительно не набросаете?

— Не могу взять на себя такую ответственность. Возможно, в следующий раз убийца больше проявит себя в почерке или каких-либо мелких деталях. Вот тогда и посмотрим, — безмятежно сказал Рюмин, полностью восстановивший прежнюю детскую восторженность взгляда.

— В следующий раз?! — испуганно повторил детектив. — Вы думаете о том же, о чём и я? — уточнил он с тяжёлым вздохом.

— Полагаю, да, — всё также безмятежно заверил психолог. — Это начало серии. Ждите труп очередной Снежной королевы.

Антон позвонил Алику, озадачив его просьбой разыскать владельца косметического магазина, из паспортных данных которого известна только кличка — Воланд. Не густо, но Белкин отличный специалист — самое позднее к вечеру получит нужную информацию, а вот что делать сейчас, пока ничего неизвестно? Обдумывая последние слова Рюмина, Антон машинально притормозил возле киоска, в котором, судя по вывеске, торговали лицензионными дисками, и попросил у молоденькой круглолицей продавщицы последний альбом «Падших ангелов».

— А здесь есть «Снежная королева»? — уточнил детектив, подозрительно разглядывая мрачное оформление диска: никаких традиционных фотографий солистов, только пугающие чёрно-белые рисунки в готическом стиле.

— Конечно! Это ж последний писк! — лениво заверила девица, ритмично пережёвывая жевательную резинку. — Здесь даже клип есть? Ой, а я вас знаю!

Она вдруг широко раскрыла глаза и, забыв о жвачке, захлопала ладоши.

Антон, проклиная жёлтую прессу, тем не менее, нацепил дежурную улыбку и приготовился дать автограф очередной поклоннице. Ох уж это бремя славы! Прямо хоть из дому без тёмных очков не выходи, но, к сожалению, в декабре они смотрятся, мягко говоря, неуместно.

— Точно, я вас узнала! Это ведь вы рекламируете тот новый шампунь от перхоти! — продолжала радостно верещать девица и, наклонившись к оторопевшему Холмсу, доверительно сообщила: — Похоже, он и вправду помогает: неплохо выглядите и костюмчик чистый, а то в рекламе с вас перхоть прям снегопадом сыпалась!

Антон на мгновение потерявший дар членораздельной речи, мрачно кивнул в ответ, положил на прилавок купюру и, жестом дав понять, что сдача не требуется, поспешно ретировался к машине.

— Надо же! Шампунь от перхоти! Неплохо выгляжу! — возмущённо повторил детектив, нетерпеливо вставляя диск в DVD проигрыватель. Заиграла знакомая музыка, сопровождаемая завыванием вьюги, и Антон мгновенно позабыл о шампуне, как впрочем, и о многом другом, когда узнал в одной из солисток, исполняющих «Королеву» свою бывшую уборщицу — Ангелину Скворцову!

* * *

Римма, секретарша Холмса, с тоской смотрела на часы и вздыхала: до конца рабочего дня ещё целых три часа, а ей просто необходимо было успеть освежить причёску и маникюр перед предстоящим свиданием. Может, отпроситься пораньше? Только у кого — Антон в агентстве с утра не появлялся и неизвестно появится ли вообще, а беспокоить его по мобильному девушка не решалась. Алик сказал, что тот, похоже, занят очередным расследованием. Интересно каким? Новых клиентов перед Новым годом не наблюдалось, а все текущие дела на данный момент закрыты.

Тоненько скрипнула входная дверь, деликатно прерывая размышления Риммы, и в приёмной появился Холмс в обнимку с большой коробкой из-под телевизора.

— Ой, что это? — удивлённо пискнула секретарша. — Ещё один телевизор, зачем он нам?

Антон тяжело дышал — таскать пусть даже небольшие тяжести было для него слишком непривычным занятием.

— Это не телевизор, а работа для вас, Римма.

Детектив поставил коробку на стол и не спеша вытащил из неё с десятков небольших радиоприёмников.

— Работа для меня?!

— Да, сейчас объясню. Мы устанавливаем все эти приёмники здесь и настраиваем их на самые популярные радиостанции, а вы, Римма, будете отслеживать заказы песни «Падших ангелов» «Снежная королева».

— П...простите, я не совсем поняла, как это? — бледнея уточнила секретарша, мысленно представив себе объём работы, получалось, она ни то, что в парикмахерскую — и на само свидание не попадёт! — Да эту песню сейчас постоянно заказывают! Всё отследить нереально!

— Всё и не нужно, записывайте только анонимные заказы: когда человек себя не называет, а просто просит поставить эту песню для кого-то, кстати, обязательно записывайте для кого. Понятно? Приступайте немедленно!

— Но я...

Дверь снова издала тихий отчётливый звук, впуская долговязого длинноволосого детину в толстой коричневой дублёнке.

— О! Антон Леонидович, здарсьте! Я к вам! — радостно заявил он, увидев Холмса, который этой радости отнюдь не разделял.

— Здравствуйте, но мы с вами о встрече не договаривались, а я сейчас посетителей не принимаю. Извините, занят.

— Позвольте представиться! — игнорирую деликатный от ворот поворот, продолжил общение незнакомец. — Глеб Воронцов — газета «Московские ночи».

— Я ведь уже сказал — никого не принимаю! — нахмурился Холмс. — Журналистов это тоже касается.

— Из любого правила есть исключения! И сейчас, поверьте, как раз тот самый случай, — белозубо улыбнулся Воронцов. — У меня для вас письмо! Пришло на адрес редакции с просьбой предать детективу Антону Холмсу, вот я и решил поработать почтальоном. Оцените инициативу!

— Письмо для меня на адрес редакции — что за глупость?! — удивился детектив. — Моя почта приходит на мой адрес, остальная меня не интересует! Вам, конечно, спасибо за инициативу, но...

— Антон Леонидович, я бы не торопился с этим «но», — вкрадчиво заговорил Глеб, с неудовольствием покосившись на прислушивающуюся к разговору Римму. — По крайней мере, до тех пор, пока не увидите, что в конверте!

— Как я понимаю, вы это уже видели, — усмехнулся неволью заинтригованный детектив.

В ответной улыбке Воронцова не промелькнул и намёк на смущение.

— Разумеется! Одна из моих обязанностей — работа с письмами читателей, и начинается она с проверки этих самых писем на вшивость. А тут — послание известному человеку! Вот я и заглянул, нет ли в нём чего оскорбительного или того хуже — розовых

соплей влюблённых поклонниц. Поверьте, по этому поводу я не стал бы вас беспокоить. Здесь дело посерьёзнее будет, может, пообщаемся тет-а-тет, не пожалеете!

— Не уверен. Извините, молодой человек, у меня действительно мало времени и я...

— Не уверены? Хорошо, тогда я вам кое-что покажу, посмотрим, что вы на это скажете.

Глеб, вытащил из барсетки большой прорезиненный конверт и, подойдя к детективу почти вплотную, предъявил пару фотографий с изображением убитой актрисы. Антону стало душно и страшно, как в детстве, когда, начитавшись фантазий Стивена Кинга, он не мог войти в комнату, не включив предварительно свет. На первой фотографии, истекающая кровью Рита, была ещё жива — в мёртвых глазах просто не могут отражаться ТАКАЯ боль и ТАКОЙ ужас, к тому же на девушке не было ни парика, ни короны. А на втором фото, она была уже мертва и «коронована». Точно такую фотографию ему утром показывал следователь, но первую — мог сделать только убийца!

* * *

— А теперь, потрудитесь объяснить, откуда у вас это? — угрожающе потребовал детектив, когда они с Воронцовым уединились в его кабинете. Журналист удивлённо вскинул кустистые, как у Брежнева, брови и ответил:

— Так я ведь уже объяснил, Антон Леонидович, или с памятью у вас проблемы? Письмо пришло на адрес редакции.

— Как пришло, ногами? Здесь нет почтового штампа!

— Я заметил, значит, некто лично бросил его в наш ящик. Он висит на улице возле входной двери, а посему сделать это мог кто угодно.

— Бред! Почему же этот, как вы изволили выразиться, некто не принёс конверт в агентство?

— А вы сами то, как думаете? — неприятным елейно-вкрадчивым тоном полюбопытствовал сотрудник «Московских ночей». — Только с ответом не торопитесь, Антон Леонидович, посмотрите сначала остальные фотки.

Антон молча взял конверт и расположился за своим рабочим столом, не предлагая присесть посетителю. Тот, несколько не смутившись, плюхнулся в кресло напротив, с живым интересом наблюдая за реакцией Антона. К его глубокому сожалению, лицо детектива оставалось непроницаемым. Он внимательно изучил все фотографии. В основном это были снимки уже мёртвого тела во всевозможных ракурсах и с фиксацией мельчайших деталей: парик, корона, мушка над верхней губой. В объектив попал даже рекламный флаер, небрежно лежащий у ног девушки. Но особенно долго Антон изучал последнее фото, на котором они с Ритой, выходили из его машины, припаркованной у дома актрисы!

Получается, всё это время убийца следил за ними! Он дождался пока детектив уедет, и совершил своё чёрное дело!

— Ну как вам фото-презентация, Антон Леонидович, впечатляет? — всё тем же тоном поинтересовался Воронцов.

— И больше ничего? Никакой записки?

— Нет, это всё. А к чему записки, Антон Леонидович? По-моему, здесь и так всё предельно ясно!

— И что же вам ясно, господин Воронцов? — нахмурившись, уточнил детектив.

Сам он пока решил воздержаться от поиска ответа на вопрос почему именно он назван в качестве адресата — обстановка, а точнее общество не располагало к логическим умозаключениям.

— Во-первых, снимки прислал сам убивец, во-вторых, он бросает вам вызов! Понимаете, именно вам, а ни кому-то другому! А газету подключил для огласки, чтобы быть в центре внимания! Психи это любят! Здорово, что конверт попал именно ко мне, представляю, какой убойный материал получится.

— Вот именно — убойный! Только писать вам его придётся из следственного изолятора! — с трудом сдерживаясь, предупредил Холмс. — Как вы собираетесь доказывать свою непричастность? На этом конверте повсюду ваши отпечатки. Никто не видел, как его бросали в ящик, следовательно, вы теперь — главный подозреваемый! И на месте правоохранительных органов я запер бы вас на пару суток до выяснения обстоятельств!

Металл, прозвучавший в голосе детектива, не произвёл на журналиста никакого впечатления.

— Стоп, машина! Вам ничего не удастся на меня повесить: имеется железное алиби. Вчерашний вечер, начиная с 19–30, я провел в компании двух очаровательных крошек, очень милые близняшки — рекомендую! Расстались мы лишь под утро — они это подтвердят. А конвертик на отпечатки, конечно, проверьте, вдруг чего интересного найдёте. Эх, Антон Леонидович, зачем вы так, я же к вам по-хорошему!

— Боюсь, у нас с вами разные представления о хорошем, — недовольно проворчал Антон. — Адрес близняшек дайте, будьте любезны!

— Хотите навестить? — хохотнул Глеб, но под сердитым взглядом собеседника замолчал и поднял руки вверх, признавая неуместность шутки.

— Хочу уточнить ваше алиби. Кстати, теоретически, вы могли быть сообщником.

— Теоретически мог! — с готовностью закивал Воронцов. — Но за теорию ещё никого не сажали! Интересуетесь моим алиби, стало быть, берётесь за расследование, Антон Леонидович? Значит, принимаете вызов? Так и напишем!

— Я вас проверю от и до! — угрожающе предупредил детектив и тяжело вздохнул, заметив, как в нахальном взгляде журналиста отразилась восторженность, ранее сопровождающая комментарии психотерапевта Рюмина.

— Замечательно! Я согласен! Проверяйте, только дайте добро на статейку, впрочем, я её в любом случае напишу...

— Кто бы сомневался!

— Антон Леонидович, ну давайте жить дружно! Зачем ссориться, когда есть перспективы взаимовыгодного сотрудничества?

— Что вы имеете в виду? Лично для себя я здесь никакой выгоды не вижу!

— Ну как же, а возможность реабилитироваться? С Маргаритой Майер вы ведь признайте, прокололись! Теперь понятно — это входило в план убийцы, он рассчитывал втянуть вас в эту историю и помериться силами, но победит, как говорится, сильнейший!

— Значит, преступник разработал гениальный план, а я как слепой котёнок пошёл у него на поводу — хороша реабилитация. Под статью вашей извращённой фантазии, вам бы не статейки, а книжки писать, Воронцов!

— Зачем мне такое счастье? Писатель в нашей стране — не профессия, они же копейки получают. Меня статейки вполне устраивают, а вас я обязуюсь представить в лучшем свете! Согласны? Ну не отказывайтесь: такой блестящий материал намечается! А с фотографиями

— это будет просто бомба! — восторгался журналист, сопровождая свой призыв бурной жестикуляцией.

— Нет, фотографии я забираю! — Антон решительно спрятал конверт в стол. Воронцов ответил насмешливым взглядом.

— Да и забирайте, вам ведь прислали, а себе я копии сделал!

— Кто бы сомневался, — усмехнулся детектив, подумав, что такие вот ярые охотники за сенсацией немногим лучше маньяков. — А публикацию фотографий вы обсудите со следователем.

— С каким ещё следователем? — насторожился Воронцов.

— С Бруталовым, который ведёт дело об убийстве, к нему и поедем. Чего застыли, Воронцов? Вам ведь бояться нечего, разве не так? А конверт с фотографиями — это улики, мы не вправе скрывать их от следствия. Мне проблемы с полицией не нужны.

— А я...

— А вы — свидетель! — Антон насмешливо наблюдал за растерявшим всю свою дерзость журналистом. — В чём дело, господин Воронцов, неужели следователя боитесь? С чего бы это — вы же ни в чём не виноваты! Или я что-то неправильно понял?

Глеб, наконец, взял себя в руки и выдавил кривую улыбку.

— Разумеется, мне нечего бояться. Просто не хочется время терять — материал нужно срочно готовить. Но если вы так настаиваете.

— Не настаиваю, можете писать свои статейки, я сам отвезу конверт. Но вы же понимаете, что в связи с этим событием, вам в любом случае придётся общаться с доблестными представителями ОВД. И, мой вам совет, это лучше сделать добровольно, а то ведь они обычно не церемонятся. Могут прямо в редакцию явиться и, взяв под белы ручки, увести на допрос, который вот сейчас, на данном этапе, пока ещё можно заменить обычной доверительной беседой. Так что вы выбираете?

— А как насчёт подсказки, типа, звонок другу или помощь зала? — мрачно пошутил журналист. — Ладно, умеете вы уговаривать, едем к вашему следователю.

— Отлично, спускайтесь вниз, а я...сейчас приду.

Антон дождался, пока за недовольным репортёром закроется дверь, и вытащил спрятанный конверт, собираясь последовать его же примеру. Фотографии Бруталов, конечно, изымет, необходимо сделать копии для собственного расследования. О том, что его теперь точно не миновать красноречиво свидетельствовал имевший место инцидент. Похоже, журналист прав, и убийца, кем бы он ни был, действительно бросил детективу вызов. Но почему именно ему? Видимо, этот вопрос ещё долго будет оставаться открытым!

Глава 6

От следователя Антон, взмокший и раздражённый, вышел только через полтора часа. Экзекуция Воронцова ещё продолжалась, но Холмс и не думал ему сочувствовать, напротив, надеялся, что железная хватка Бруталова отобьёт у того охоту афишировать смерть Риты во всём её кровавом ужасе. А если эти фото увидят родители девушки или просто впечатлительные сердобольные люди, склонные к инфарктам и инсультам? Сам он не может запретить Воронцову использовать снимки, вся надежда на следователя. Лично из него тот уже выжал все соки, пытая детектива вопросом, который он неоднократно задавал себе сам: почему именно он? Да откуда же ему знать!? Кто разберёт, что творится в голове у психически неуравновешенного человека? Впрочем, кое-кто может попробовать...

* * *

Виталий Павлович Рюмин встретил его с прежним восторженно эйфорическим настроением и снимки убитой девушки его отнюдь не испортили, скорее наоборот.

— Посмотрим что тут у нас, о, как интересно! Получается, это существо за вами следило! — оживлённо заключил он.

— Да, это существо... зачем ему это, можете объяснить? Уже понятно — он или она, в общем, оно, в смысле существо следило за Ритой, но почему снимки прислали именно мне?! Чего он от меня хочет?!

— Давайте попробуем рассуждать логически...

— Думаете, в данном случае это уместно?

— Уместно, поскольку в поступках убийцы логика как раз присутствует, это доказывает поэтапность его действий. Сначала подготавливается почва: странный аромат, возникающий словно неоткуда, песни на радио, само убийство, сопровождающееся всеми вышеперечисленными атрибутами и, наконец, конверт адресованный вам. Всё логично.

Антон так не считал, но спорить не стал, хотелось одного — понять.

— Хорошо, допустим. И что же, по-вашему, он хотел мне сказать этими фотографиями? Зачем понадобилось посылать их в газету? Это же стопроцентная огласка! А может быть, он хочет остановиться?

— У некоторых преступников на подсознательном уровне действительно присутствует подобное желание, — кивнул Рюмин. — Но наш убийца скорее уверен в обратном: слишком дерзок. Что касается связи с вами — возможно, здесь имеется личный мотив.

— Вы намекаете, что я каким-то образом связан с этим типом?! — взвился детектив.

— Успокойтесь, Антон Леонидович! Понимаю, работа у вас нервная, но нельзя же так реагировать. Психику побережь надо — уж больно хрупкая вещь, — мягко запричитал «душевед». — Хотите валерьянки?

Детектив раздражённо мотнул головой.

— Спасибо, я спокоен! Просто объясните, какой личный мотив, вы имели в виду?

— Да какой угодно, это ведь только предположение. Возьмём, например, банальную зависть: ваше лицо частенько мелькает в прессе и на ТВ, сам недавно наблюдал вас в шоу «Битва детективов», кстати, поздравляю с победой! Многие, неудовлетворённые своей

серенькой жизнью, личности мечтают оказаться на вашем месте. А тут такая возможность — и на девушке отыграться, и зарвавшемуся детективу показать, кто здесь самый умный. Потому и фотографии прислал — мол, посмотри, я всегда на шаг впереди тебя!

Антон недовольно поморщился:

— Ещё версии есть?

Рюмин с лёгким вздохом развёл руками.

— Я не привык выдвигать версии, а тем более ставить диагнозы на основании скурых немногочисленных фактов. Пока ясно одно: у человека, совершившего преступление, был уникальный шанс вас подставить. Он видел, как вы вошли, знал, когда уехали, ему достаточно было подбросить вам оружие убийства или другие обличающие улики, но он этого не сделал, значит, его интересует не месть.

— Звучит обнадеживающе, а что же его интересует — азарт игрока? Возможность испытать чувство превосходства в соревновании со мной и почувствовать себя королём над трупом королевы?

Виталий Павлович загадочно улыбнулся:

— Вполне возможно, только с чего вы взяли, что речь идёт о короле, то есть о мужчине, любезнейший?

— Почему нет? Впрочем, насчёт короля я преувеличил, просто какой-нибудь озверевший Кай мстит своей ледяной госпоже! — горько усмехнулся Холмс, устало откинувшись в удобном мягком кресле.

— Или Герда, — с прежней улыбкой добавил психолог-психотерапевт. — Согласитесь, у неё тоже был повод не желать Снежной королеве добра и здоровья.

* * *

Антон вошёл в собственную приёмную и замер, оглушённый навалившейся на него чудовищной смесью звуков. Все десять приёмников добросовестно вещали на разных частотах и уловить что либо в этом шуме было практически невозможно, но, как выяснилось, у Риммы сие получалось довольно сносно. Она поспешила отчитаться перед Холмсом (в течение трёх часов песню заказывали 18 раз, но анонимов среди дозвонившихся не было) и жалобно напомнила, что рабочий день уже пять минут как закончен.

Антон со вздохом отпустил секретаршу, отметив про себя, что за те немалые деньги, которые он им платит, его сотрудники могли бы проявлять большее усердие в работе. А впрочем, Римма ведь давняя знакомая Арбенина, именно тот устроил её в агентство, так чего ожидать от подруги предателя? Хотя, надо признать, сам Май умел работать эффективно, и Антон в глубине души не раз пожалел об их разрыве, но что сделано, то сделано, тем более его вины в этом нет.

Отпустив секретаршу, Антон направился к Алику, мечтая получить хоть какую-нибудь полезную информацию. Мужчина не привык терять время впустую, а сегодня только этим и занимался. Белкин со вздохом признался, что найти загадочного Воланда пока не удалось, слишком много в Москве подобных магазинов.

— Такое впечатление, что все бросились продавать косметику! — посетовал парень, в отчаянье, разводя руками.

— Косметика! — повторил Антон, озарённый внезапной догадкой, точнее

воспоминанием. — Подожди, я сейчас!

Он метнулся в свой кабинет и ещё раз пересмотрел копии фотографий принесённых Воронцовым. Сейчас его интересовал исключительно флаер — яркая рекламная листовка, расписывающая достоинства некой косметической фирмы. Вот именно — косметической, как же он сразу об этом не подумал! Вернувшись к помощнику, Антон попросил его поискать связь Воланда с фирмой «Элен», и уже через несколько минут, Алик, сияя, возвестил:

— Нашёл! Есть такой — Воланд Артур Романович! Директор сети магазинов принадлежащих этой самой фирме!

— Значит, директор, а девушке врал, что владелец, — проворчал детектив, обрадованный результатом поисков. — Молодец, Алик! Найди его домашний адрес, пора познакомиться с этим Воландом поближе.

— Боюсь, не получится, — полистав виртуальные документы, протянул Белкин. — Он умер ещё в начале октября — попал в аварию. Вот статья и некролог, распечатать?

— Давай, — мрачно кивнул Антон. Он прочитал материал и с грустью констатировал, что следствие зашло в тупик.

— Что можешь сказать о самой фирме?

— Много чего. Фирма «Элен» специализируется на выпуске косметических средств на основе трав и лечебной глины, на рынке они уже почти десять лет, имеются филиалы в разных странах. Словом это большой, прибыльный и легальный бизнес.

— Большой и прибыльный бизнес за редким исключением легальным быть не может, — машинально заметил Антон. — И кто владеет всем этим царством вечной молодости?

— Официальными владельцами считаются двое основателей фирмы: Шамхалов Руслан Романович и Салимханов Марат Рустамович. Подробные биографии нужны?

— Нет, спасибо, эти имена мне ни о чём не говорят, — снова вздохнул детектив, не зная, что предпринять дальше.

— А здесь, в Москве дела ведёт их доверенное лицо и генеральный зам Воропаев Геннадий Викторович.

— Воропаев Геннадий Викторович?! — удивлённо переспросил детектив, услышав знакомое имя. — 1956 года рождения, проживающий на Пушкинской?

— Да, он самый, а вы его знаете?

— К моему огромному сожалению! — буркнул детектив, быстро выходя из кабинета.

Надо же! Снова Воропаев! Несколько месяцев назад, разыскивая доказательства очередной супружеской измены, Антон обнаружил в любовниках жены известного режиссёра, некого Воропаева Геннадия Викторовича. Копнув чуть глубже, выяснил, что тот, мягко говоря, далеко не положительный персонаж и имеет прямое отношение к убийству одного своего подчинённого. Он даже собрал доказательства, которые в суде обеспечили бы Геннадию Викторовичу небо в клеточку, как минимум, на десять лет. Вот только что делать с этими доказательствами, детектив не знал, точнее, просто боялся пустить их в ход. Воропаев — птица большого полёта и с высоты этого самого полёта мог раздавить его как букашку, не смотря на все родственные связи Антона, ведь у таких людей, как правило, имеются другие связи — родственным не чета.

В этом он убедился, когда Воропаев вместе с двумя здоровенными бугаями-охранниками лично ворвался в офис Холмса, требуя отдать компромат, и только

вмешательство Арбенина спасло его от жестокой расправы. Но на следующий день улики словно испарились, а из компьютера исчезли все данные, имеющие отношение к гражданину Воропаеву.

Призванный к ответу Май (только он имел доступ к пропавшим материалам) и не думал отпираться. Без малейшего намёка на раскаяние он сообщил, что уничтожил улики, а сам увольняется, поскольку нашёл более выгодную работу. Вакансию, естественно, предложил Воропаев в обмен на оказанную услугу. Для Антона это был удар в спину. Он кричал, возмущался, называл помощника предателем, а тот, дождавшись, когда начальнику надоест шуметь, спокойно объяснил, что может сделать такой большой босс как Воропаев с таким маленьким детективом как Холмс.

— Считайте, что я вас спас, Антон Леонидович, но благодарности не нужно, — усмехнулся Май на прощание, и больше Антон его не видел. Даже Римме и Алику запретил при нём упоминать имя предателя, но в глубине души детектив не мог не признать правоту Арбенина — исчезновение улик избавило его от больших проблем.

Холмс вздохнул, как всегда, не придя к согласию с сами собой по поводу поступка бывшего помощника, и позвонил в редакцию газеты «Будни и праздники», желая поговорить с бывшим кавалером Риты Максимом Гребцовым. Там ему сообщили, что Гребцова не видели со вчерашнего дня, на работу он сегодня не вышел, а на телефонные звонки отвечать не изволит. Антон, посмотрев на часы, решил лично навестить парня. Адрес он знал: по просьбе Риты несколько раз незаметно следил за передвижениями Гребцова и, между прочим, ничего подозрительного не обнаружил.

* * *

— О! Геля, слышишь, опять вашу песню крутят! — Кира Тимохина включила радио громче, но Ангелина, поморщившись, попросила выключить приёмник.

— Слышать её уже не могу, — отмахнулась она, — а вечером в клубе снова петь придётся!

Кира только вздохнула, глядя на подругу, пребывающую в глубокой депрессии. В таком состоянии она её ещё не видела. Девушка прекрасно понимала, что Ангелина, мечтающая исполнять собственные песни с по-настоящему большой сцены, не может быть удовлетворена ролью второй солистки в примитивной группе с готическим имиджем и низким уровнем навязываемых продюсером текстов. Не об этом она когда-то мечтала, не для этого ушла из семьи и фактически порвала с отцом. Кстати, даже тогда она не выглядела такой подавленной. Видимо жила надеждами на радужное и непременно звёздное будущее, которое, увы, по-прежнему далеко. Вот ей, Кире, участнице последнего реалити-шоу «Рождение звезды» в этом отношении повезло намного больше. В глубине души Тимохина чувствовала себя виноватой, вспоминая свой первый, мгновенно разлетевшийся альбом и недавнее вручение «Золотого Микрофона».

— Геля, не расстраивайся, всё будет хорошо, знаешь, многие знаменитости начинают так же — в малоизвестных группах, а потом уходят в свободное плаванье! Да, мне повезло с продюсером и вообще, но...

— Кир, ну при чём здесь это?! — искренне удивилась Скворцова. — Я ту актрису забыть не могу. Её тело, точнее то, что от него осталось всё время перед глазами стоит!

Представляешь, жил себе человек, работал, грустил, радовался, как все, а потом появился другой, заметь, такой же ЧЕЛОВЕК и вот так запросто отнял чужую жизнь! Нет, не просто отнял — вырвал, вырезал! Мне и раньше приходилось видеть смерть, но то, что случилось прошлой ночью — не просто убийство и не просто жестокость, это... зверство какое-то!

— Значит, преступник не был человеком в полном смысле этого слова, он, скорее всего, психически нездоров. — Справедливо заметила Кира, заботливо укутывая дрожащие плечи подруги мягким пледом. — Постарайся успокоиться, сама ведь говорила — за дело взялся Холмс, а он обязательно найдёт убийцу.

— Найдёт, только Маргарита от этого живее не станет!

В дверь нетерпеливо позвонили, а потом, не дожидаясь, когда хозяева соизволят встретить, в комнату влетела раскрасневшаяся и возбуждённая Щукина.

— Вы чего двери не запираете?! По городу маньяк бродит! Тьфу, чёрт, чего это я — уже не бродит! Поймали его!

— Как? Когда? — хором спросили поражённые певицы, никто не ожидал развязки так быстро.

— А вот так! — Люда с разбега плюхнулась в кресло. — Блин, жалко статья уже ушла в набор: сразу бы столько сенсаций выдала! Ну и ладно, будет, что на завтра поставить, а то главред вечно орёт, что нормальных материалов нет!

— Люда, опять ты со своими материалами! Говори, кто он? — потребовала Ангелина.

— Гребцов! — скривилась Щукина. — Недаром мне этот неудачник никогда не нравился!

— Журналист?!

— Ага, тот сморчок, с которым Ритка когда-то амурничала, вот и доамурничалась! Непонятно на что позарилась, там же кроме роста ну ничего выдающегося!

— Люда! Хватит уже, говори по делу! — снова возмутилась Скворцова, мгновенно позабыв о депрессии.

— Так я и говорю, чего перебиваешь! Мне только что Катька Морозова позвонила из «Будней и праздников» и такое рассказала! Короче, этот Гребцов сегодня на работе не появлялся, на звонки не отвечал, а сам материал срочный не сдал, вот и отрядил редактор Катьку к нему домой съездить — писанину забрать. А по-другому его статейки не назовёшь! Вы бы их почитали, не понимаю как его вообще в приличной газете...

— Люда! — хором крикнули девушки, и Щукина со вздохом вернулась к интересующей их теме: — Катька приехала, у него двери нараспашку, а сам в стельку пьяный на полу валяется прямо в куртке и джинсах, а джинсы-то все в крови! Тут она вспомнила, как он вчера полдня Рите названивал — в гости напрашивался. Она его, судя по реакции, послала на хутор бабочек ловить, а он крикнул, что всё равно придёт и выскочил куда-то, больше его в редакции не видели. Катька быстро сообразила, что к чему и ментов вызвала, они его и повязали, вот! — торжествующе закончила Люда.

— И что это действительно он убил Маргариту? — засомневалась Ангелина. — Почему? Он ведь её любил!

Щукина закатила глаза:

— Опять ты, Скворцова, со своим книжным мировоззрением! Да потому и убил, что она об него ноги вытирала, унижала постоянно — какая ж любовь такое выдержит? Вот Максимка и озверел — с мужиками нельзя одним кнутом, нужно время от времени и пряником подкармливать!

— Его вину ещё доказать нужно, — рассудительно сказала Кира. — Мало ли откуда кровь взялась, может он с кем-то подрался. В общем, рано расслабляться.

— Вот именно, — кивнула Ангелина. — Его что официально арестовали?

— Ну, не знаю, Катька говорит — просто затолкали в машину и увезли. Он в таком состоянии был, что и наручники не потребовались. Да ну вас с вашими сомнениями! — рассердилась вдруг Люда. — Я им такую новость принесла, а они опять недовольны! Ну и киснете дальше, а я побегу материал писать!

Обиженная Щукина, не попрощавшись, выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью. Девушки переглянулись.

— Жаль, у меня в милиции знакомых нет — не у кого уточнить информацию, — посетовала Кира. — Послушай, Геля, а может, Холмсу позвонишь, он должен быть в курсе происходящего!

— Он-то в курсе, только у меня его номера нет, — вздохнула Ангелина.

У неё был лишь номер Арбенина: 11 цифр, которые она давно знала наизусть, но никогда не набирала. Девушка почему-то так и не решилась удалить их из памяти телефона.

Хмурый и рассерженный Холмс в сотый раз прошёлся по знакомому коридору и вернулся к двери Бруталова. Два часа назад следователь просто выставил его из кабинета и, нужно отметить, сделал это не без удовольствия. Заявил, что не вправе разглашать тайну следствия и не позволил присутствовать при допросе Гребцова. Что ж, сам виноват! Когда Антон приехал по известному адресу, журналиста, по словам соседей, уже увезли представители доблестной полиции. Ну почему он не догадался навестить парня раньше?!

— Антон Леонидович, добрый вечер! — услышал детектив знакомый голос и, обернувшись, узнал Элеонору Кулешову — последнюю пассию Арбенина. Насколько Антону было известно, она работала старшим следователем в одном из ОВД, и нередко помогала Маю получить конфиденциальную информацию.

— Элеонора, очень рад вас видеть! В последний раз мы встречались ещё летом! А вы здесь по делу?

Молодая женщина невольно смутилась при упоминании о её частых в недавнем прошлом визитах в агентство.

— Я теперь здесь работаю, недавно перевелась, а вы?

— Хотел побеседовать с господином Бруталовым по поводу смерти Риты Майер, слышали, наверное?

Элеонора кивнула: жестокое убийство молодой актрисы сейчас обсуждали в каждом кабинете.

— А он не хочет со мной говорить. Мне бы только узнать, что там с Гребцовым, есть ли основания...

— Есть, — Кулешова понизила голос и, оглянувшись на дверь Бруталова, торопливо прошептала: — его отпечатки обнаружены в квартире убитой, а на одежде — её кровь, только я вам ничего не говорила!

— Разумеется, — кивнул Антон скорее озадаченный, чем обрадованный полученной информацией. — Спасибо, Элеонора, выручили, рад был вас снова увидеть.

Детектив попрощавшись, не спеша побрёл к выходу, но его остановил тихий голос Кулешовой:

— Антон, извините, а вы случайно не знаете где сейчас... Май?

Детектив удивлённо поднял светлые брови, уловив в её тоне почти умоляющие нотки.

— Увы, минуту назад мелькнула крамольная мысль спросить вас о том же самом, — честно признался он. — Значит, и вы с ним давно не виделись?

Элла вздохнула, уже пожалев, что затронула эту тему:

— Давно, в последний раз месяца четыре назад.

— Аналогично, — кивнул детектив, невольно задавшись вопросом, а жив ли его бывший помощник? Ведь человек, с которым Май тогда так опрометчиво связался далеко не ангел, он скорее полная противоположность крылатой сущности.

Может у Риммы поинтересоваться? Они ведь знакомы с детства, да и живут по соседству. Впрочем, она как-то упоминала, что Май квартиру то ли сдал, то ли продал, к тому же он лично запретил секретарше упоминать имя помощника.

Вскоре мысли детектива переключились на Гребцова и в душе вновь всколыхнулись сомнения: неужели это хлюпик и есть тот грозный маньяк, которым его успел напугать

Рюмин? Да его же на каждом шагу ветром сносит, а на лице словно написано — мямля и неудачник! Правда, Чикатило тоже не был суперменом, так что всё может быть. Одно плохо, если Гребцов действительно убийца, он, Антон, опоздал. Бруталов пришёл к финишу первым и пресса, конечно, не упустит случая позлорадствовать на эту тему.

Холмс глубоко вздохнул, включил радио и чуть не потерял управление, когда чей-то невнятный глухой голос, не удосужившись представиться, попросил ди-джея поставить песню «Снежная королева» для некой Елены Невезухиной.

Антон понятия не имел, кто эта дама и где её искать, пока было ясно одно: Невезухиной крупно не повезло!

* * *

Следующее утро началось для детектива с головной боли, последовавшей за изучением свежих газет. Столько грязи на него ещё никогда не выливали! Вернее это даже не грязь, а настоящие помои и хуже всех была писанина Воронцова, того самого, который пообещал выставить его в лучшем свете! И фотографии он в номер всё-таки тиснул, благо не все, только те две, что показал Антону первыми, но они-то и были самыми жуткими. Похоже, прокуратура прессе не указ!

Детектив брезгливо отложил газеты в сторону и, обхватив голову руками, задумался над тем, как исправить ситуацию. Если подтвердиться, что Риту убил Гребцов — ему, Холмсу, ещё долго придётся плавать в таких вот помоях! Что же делать? Он вспомнил вчерашнее сообщение в радио эфире, стараясь прикинуть, какова вероятность того, что убийца Риты всё ещё на свободе и теперь начал охоту за некой Еленой Невезухиной. Увы, формула вероятности не складывалась: информации не хватало. Тот звонок мог быть простой случайностью — не все ведь успевают представиться. С трудом прорвавшись в раскалённый от звонков эфир, многие в буквальном смысле забывают, как их зовут — просто теряются и спешат поскорее сказать о главном.

Подумав, Антон всё же вызвал Алика и попросил раздобыть через базу данных список всех Елен Невезухиных, проживающих в Москве и Московской области. Римма получила строгий наказ не отходить от приёмников и не терять бдительности, выполняя прежнее задание, а сам детектив решил ещё раз навестить Бруталова. Но визит пришлось отложить — в приёмную стремительно вошла Ангелина Скворцова. Девушка выглядела не лучшим образом: лицо бледное, осунувшееся, без признаков косметики, под глазами голубоватые тени.

— Здравствуйте, Антон Леонидович, как хорошо, что я вас застала!

— Ангелина, доброе утро. — Антон был слишком хорошо воспитан, чтобы сообщить девушке, что в данный момент занят. — Вы хотели что-то мне сказать?

— Да, точнее спросить. — Ангелина покосилась на без стеснения разглядывающую её секретаршу. Видимо, это и есть та самая Римма, из-за отсутствия которой она летом вынуждена была работать с Арбениным. Антон перехватил этот взгляд и, вежливо напомнив секретарше о её обязанностях, повёл посетительницу в кабинет.

— Это насчёт Гребцова, — заговорила девушка, не дожидаясь приглашения сесть. — Риту убил он?

— Если бы я знал! — вздохнул Антон. — Вы присаживайтесь, Ангелина, хотите что-

нибудь: минеральной воды, кофе?

— Нет, спасибо, а его фотографии у вас случайно нет?

— Чьей? Гребцова? Нет, хотя, пожалуй, есть. Маргарита просила меня последить за ним пару дней, так что снимки должны быть, а вам они зачем?

— Хочу убедиться, что видела именно его, то есть я в этом не уверена, но возможно...

— Когда видели? Ангелина, успокойтесь, может, всё-таки воды?

— Нет, спасибо, я спокойна, почти. Понимаете, я видела кого-то в ту ночь, когда убили Риту, но почему-то вспомнила об этом лишь сейчас, наверное, просто значения не придавала. Я тогда не сразу вошла в дом — несколько минут стояла на противоположной стороне улицы, видела как вы уехали, а через некоторое время из того же подъезда вышел человек. Я встретилась с ним в подземном переходе и обратила внимание только из-за запаха: от него пахло любимыми духами моей тёти «Snow Queen».

— Вы его хорошо разглядели? — спросил взволнованный детектив. — Как он выглядел? Ангелина смутилась.

— Меня слишком долго учили не разглядывать незнакомых людей, к тому же он был в длинном тёмном плаще, а лицо оставалось в тени капюшона. Нет, я не могу его описать, но, возможно, увидев фотографию...

Антон сел к компьютеру и повернул монитор к девушке.

— Сейчас найду, у меня всё здесь. Вы уверены, что это был мужчина?

Ангелина задумалась.

— Не знаю, я тогда почему-то так подумала, но человек был в длинном плаще, да и духи женские... Правда, не знаю, похоже, ценного свидетеля из меня не получится.

— Хорошо, — разочарованно вздохнул Антон, — вот нашёл, смотрите, Максим Гребцов собственной персоной.

Ангелина посмотрела на фото и уточнила:

— Он высокий?

— Да, очень высокий и очень худой.

— Тогда я видела не его, тот человек был обычного среднего роста — чуть выше меня.

— Может он сутулился? — уточнил детектив.

Скворцова снова задумалась, потом неуверенно покачала головой:

— Вроде бы нет, и он не показался мне таким уж худощавым, скорее всего, я видела не Гребцова.

— «Возможно убийцу» — мысленно подытожил Антон, а вслух спросил:

— Ангелина, постарайтесь сосредоточиться и вспомнить все подробности вашей встречи, может, вы ещё что-нибудь видели или слышали?

— Да! — встрепенулась певица. — У него телефон зазвонил, и мне показалось, что я уже где-то слышала такой звонок.

— Вряд ли это поможет, сейчас все пользуются стандартными рингтонами.

— В том то и дело — он не из стандартного набора! Это был громкий лошадиный топот, как будто целая конница несётся, я сначала даже испугалась.

— Гм... оригинально и где вы его слышали раньше?

Ангелина ответила беспомощным немного виноватым взглядом.

— Честное слово, не помню! Наверное, в каком-нибудь общественном людном месте...

— Ладно, с этим разобрались. — Антон сделал пометку в блокноте и немного смущённо спросил:

— Вы ведь поёте в «Падших Ангелах»?

— Да, а что?

— Ничего, просто ваша последняя песня пользуется большим успехом.

— Для меня совершенно необъяснимым, — вздохнула девушка. — Но молодёжи нравится.

— А кто её написал, не вы случайно?

Ангелина погрустнела.

— Что вы! Нам не разрешают исполнять авторские песни. А «Королеву» принёс наш продюсер, он же музыкальный директор Василий Светлов, кто автор — не знаю.

* * *

Проводив Ангелину, Антон получил от Алика список с запрошенной информацией и ужаснулся: в нём было аж 15 дам, отзывающихся на имя Елена Невезухина.

— Это я ещё по Загсам не шарил, — вздохнул Алик, заметив выражение лица шефа. — А то бы список был гораздо длиннее: многие ведь меняют девичью фамилию.

Антон не успел ничего ответить, в кабинет ворвалась торжествующая Римма со своим, к счастью, более коротким списком.

— Антон Леонидович, есть! Есть два анонима: «Королеву» попросила поставить для Константина Безрогова какая-то глупо хихикающая девица!

— А второй кто?

— Как кто? Тоже аноним, — резонно заметила удивлённая Римма. — Некто поздравил с наступающим Новым Годом Невезухину Елену и заказал для неё хит «Падших ангелов».

— Всё-таки Невезухина, — нахмурился Антон, почти убеждённый в невинности Гребцова. — Ладно, Алик, пройдишь и по Загсам тоже. Спасибо Римма, продолжайте следить за эфиром.

Детектив не зная, что предпринять, решил снова навеститься к Бруталову. Правда, он не был уверен, что вчерашняя история не повторится, к счастью, беседовать с упёртым следователем ему не пришлось. На пороге прокуратуры он увидел бледного, измождённого, но совершенно свободного Гребцова, а встреченная следом Элеонора Кулешова объяснила: парня отпустили под подписку, так как он неисправимый левша, а убийца, судя по характеру нанесения ран, был правой.

Побеседовав с журналистом, Антон не узнал ничего нового. Когда Гребцов пришёл к актрисе, она была уже убита. Он в панике опустился рядом на пол, пытаясь привести её в сознание (отсюда кровь на одежде), потом услышал чьи-то голоса и в ужасе убежал. Дома, находясь в полушоковом состоянии, напился и очнулся только на следующий день в следственном изоляторе.

Холмс поздравил себя с возможностью реванша. Он отдавал себе отчёт в важности взятых на себя обязательств. Всё было действительно серьёзно, настолько серьёзно, что, пожалуй, впервые в жизни он, непобедимый Антон Холмс, решился обратиться за помощью.

Глава 8

Антон с любопытством разглядывал новенькое многоэтажное здание головного офиса фирмы «Элен», зрелище впечатляло!

«А может бросить частный сыск и тоже заняться производством косметики — вон какое прибыльное дело!» — не без сарказма подумал детектив и вошёл в здание, где его немедленно остановил огромный длинноволосый охранник в чёрной униформе.

— Добрый день, позвольте ваш пропуск?

— Добрый день, к сожалению, у меня его нет.

— Вы записаны на приём?

— Нет, я просто...

— Извините, тогда ничем не могу помочь, — вежливо, но категорично заявил мужчина. — Сюда без пропуска нельзя.

— Послушайте... — Антон бросил взгляд на пластиковый бейдж с именем, — Александр Валерьевич, я ищу одного вашего сотрудника — Мая Арбенина. Мне нужно с ним поговорить, поверьте, это не займёт много времени.

Охранник окинул Холмса равнодушным взглядом и тем же категорично-вежливым тоном повторил:

— Ничем не могу помочь, Арбенин сейчас на смене и не имеет права покидать пост.

— Он что, кремлевский часовой? — усмехнулся Антон.

— Нет, тоже охранник, но у нас строгие правила.

— А если подумать? 0 Холмс отсчитал несколько купюр и протянул мужчине.

Тот бросил на деньги взгляд полный сожаления и решительно возразил:

— Нельзя! Правила существуют для всех, если я их нарушу — плохо придётся и мне, и вашему Арбенину. Приходите вечером — он сменится в девять часов!

Антон признал поражение и со вздохом поехал в агентство.

* * *

Ангелина катастрофически опаздывала на репетицию. После бессонной от нервного напряжения ночи и визита к Антону, девушка сама не заметила, как забылась беспокойным, но крепким сном и проснулась лишь от настойчивого звонка Мадлен Чёрной, с которой пела в «Ангелах». Теперь нетерпеливая напарница названивала каждые пять минут, и певицу это ужасно раздражало:

— Лен, ну чего ты без конца трезвонишь?! — возмутилась она, сойдя на очередной остановке. — Я же на метро еду, а не на самолёте лечу, скоро буду! Ой, не ворчи, Лена! Что? Ах да, Мадлен, ну извини, что назвала родным именем, кстати, если снова позвонишь, я и фамилию вспомню!

На следующей станции телефон зазвонил снова, Ангелина не выдержала и крикнула в трубку:

— Невезухина, сколько можно! Достала уже! Что? Ой, Кира, это ты, извини, не узнала...

В 20–50 Антон уже дежурил на автостоянке сотрудников фирмы, высматривая бывшего помощника, но полчаса томительного ожидания не увенчались успехом. Раздосадованный, он уже собрался снова наведаться в «главный штаб», когда услышал за спиной знакомый насмешливый голос, цитирующий Баскова:

— Ба! Натуральный блондин — на всю страну такой один! Сам мистер Холмс собственной персоной, знать не всё спокойно на Бейкер-стрит.

— Май! — Антон вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, увидел улыбающегося Арбенина. Губы сами расползлись в ответной улыбке, он и не ожидал, что будет так рад этой встрече. — Зачем подкрадываешься как злоумышленник?

— От злоумышленника слышу, — насмешливо парировал Май. — Это не я прячусь за чужими машинами, высматривая неизвестно что. Кстати, конспиратор из вас хреновый, уж не обижайтесь!

Антон всё-таки обиделся:

— Я и не прятался! Тебя, между прочим, ждал! Разговор есть.

— На тему? — зевая, уточнил Арбенин. — А то я устал — долгих нравоучительных бесед не выдержу.

— Мне сейчас не до нравоучений! — с досадой отмахнулся Антон. — Где мы можем поговорить?

Май широким пригласительным жестом распахнул дверцу новенького серебристого «Вольво».

— Милости прошу, располагайтесь.

— Твоя?

— Моя.

— Что ж, вижу, в зарплате ты не прогадал. Вон, какие машины покупаешь!

— А кто-то обещал без нравоучений, — устало напомнил Май. — Так зачем я понадобился светилу частного сыска?

— Не кривляйся! — поморщился Антон.

— Это не я, честное слово в какой-то газетёнке вычитал: цитата дословная!

— А утренние газетёнки случайно не читал?

— Нет, а зачем? Меня в них только сканворды интересуют.

— Май, не паясничай! Я к тебе вообще-то за помощью, — с тяжёлым вздохом признался детектив.

Арбенин недоверчиво вскинул брови и присвистнул:

— Супер-пупер детективу нужна моя помощь? Это что-то новенькое!

— Ты дашь мне сказать?

— Я весь внимание, вот только обещать ничего не могу.

— Послушай сначала, а лучше почитай! — Антон сунул Арбенину несколько газет и коротко ввёл в курс дела. Тот слушал молча, одновременно просматривая тексты, потом вернул их Антону со словами:

— Основное я понял — кое-кто богатый и знаменитый вляпался в кучу дерьма. Но это не смертельно, смысл и пошёл дальше.

— Ага! Только вонь осталась! Хуже всего, что меня преследуют не только журналисты,

с ними бы я справился. Почему этот маньяк выбрал в качестве козла отпущения именно меня?! Зачем прислал мне те снимки, да ещё в редакцию беспринципной жёлтой газетёнки, ведь теперь об этом известно всем! Понимаешь, мы с ним войдём, точнее уже вошли в историю вместе! Проклятье! Даже дипломированный психотерапевт считает, что я каким-то образом связан с убийцей! Вот это действительно дерьмо и его так просто не отмоешь! Я обязан найти его как можно скорее, понимаешь?!

Арбенин слушал Холмса, открыв рот: никогда ещё его бывший, идеально воспитанный босс не позволял себе подобных выражений! Похоже, всё и впрямь серьёзно.

— Кстати, Рюмин обещает серию, а все трупы будут на мне! — тяжело вздохнул детектив и пристально посмотрев на Мая, тихо спросил: — ты мне поможешь из этого выпутаться?

Май задумчиво разглядывал вечерний пейзаж за окном.

— Значит, серийник работает. Изнасилование?

— Нет, девятнадцать колотых ран, дурацкий парик вкупе с копеечной диадемой и никаких признаков сопротивления. Видимо Рита была слишком напугана или просто не успела вцепиться ему в физиономию — под ногтями чисто.

— Или они были знакомы. Свидетелей, разумеется, нет.

— Даже не знаю. Есть девушка, которая видела, как кто-то выходил из подъезда Маргариты примерно во время убийства, но лица она не разглядела и с полом тоже определиться не может.

— У неё проблемы со зрением?

— Скорее с воспитанием, — невольно улыбнулся Антон. — Похоже, ей с детства внушали, что разглядывать незнакомых людей на улице — верх неприличия.

— Ох уж мне эти приличные девушки! Никакого от них толку, — устало зевнул Май. — Она ещё что-нибудь видела?

— Нет. Зато узнала довольно редкий телефонный звонок — громкий конский топот, вроде бы она слышала его раньше, только не помнит где.

— Так пусть вспоминает. Надави на неё! — неожиданно перешёл на ты Арбенин, но Антон не обратил внимания на допущенную фамильярность.

— Как? Я не могу давить на женщин! Может, сам попробуешь? Вы, кстати, знакомы. Помнишь, летом у нас недолго работала такая забавная длинноволосая девчушка — Ангелина Скворцова, так вот это она.

Май отвернулся и принялся изучать унылую панораму автостоянки теперь уже через боковое стекло.

— Это вся информация? Что ты там говорил о прелюдии?

— Перед тем как расправиться с Ритой, убийца систематически заказывал для неё песню «Снежная королева». Может, слышал, её сейчас часто крутят.

Арбенин удивлённо присвистнул и уточнил:

— А то, что её поёт эта самая Скворцова — простое совпадение?

— Думаю, да. А с каких пор ты так хорошо разбираешься в современной музыке? — насмешливо поинтересовался Антон. — Раньше даже радио не слушал.

— Я и сейчас не слушаю, просто видел клип пару раз, — отмахнулся бывший помощник, думая о чём-то своём.

— Так вот, теперь эту песню кто-то заказывает для некой Елены Невезухиной. Боюсь, у неё есть все шансы стать второй мёртвой королевой! Я составил подробный список всех

местных дам с таким именем и...

— И что ты собираешься делать? Запрёшь их в агентстве и будешь охранять? — теперь насмешка звучала в голосе бывшего помощника. — Спорю, их набралось десятка два!

— Угадал, — мрачно кивнул Антон. — Но, думаю, пожилых дам можно не принимать в расчёт, хотя... Чёрт! Май, я действительно не знаю, что делать! Ужасно ощущать полное бессилие.

— А конверт с фотографиями проверяли на отпечатки?

— Да, всё чисто. Кстати, спасибо твоей... гм подруге Элле Кулешовой за оперативную информацию. Она теперь в прокуратуре трудится.

— Рад за неё, — Май снова зевнул. — Ладно, чёрт с ним со звонком — не такая уж это редкость, в интернете что угодно можно скачать. Поработай пока со списком, поговори ещё раз с Рюминым и постарайся найти автора «Королевы».

— Что мне это даст?

— Станный вопрос, а кто учил меня тщательно проверять все версии, даже самые бредовые?! У психолога поинтересуйся, не было ли среди его клиентов Невезухиной. Если это серия — между жертвами должна быть какая-то связь: общее сходство или общие знакомые, сам знаешь. А автор... даже не знаю, просто нужно проверить, куда уходят корни его бурной фантазии и почему его имя не пишут, когда крутят песню?

— Действительно странно — нарушение авторских прав. Ангелина сказала, что песню принёс их продюсер, хорошо я это проверю, а что будешь делать ты?

— Поеду отсыпаться — мне завтра дежурить.

— Значит, не будешь помогать! — обиделся Антон.

— Я не могу всё бросить.

— Из-за денег? Сколько тебе здесь платят? Я дам больше!

Май устало вздохнул и, закрыв глаза, потёр переносицу.

— Спокойной ночи, Антон Леонидович, рад был повидаться.

— Неужели тебе всё равно?! А если завтра этот ублюдок нападёт на кого-нибудь из твоих близких, что ты тогда скажешь?!

— Не убедили, Антон Леонидович, — криво усмехнулся Май. — У меня — ни жены, ни сестры, ни матери — терять нечего.

— Ладно, пусть это будет на твоей совести! Вот, посмотри на досуге «весёлые картинки»! — Антон бросил на сидение копии фотографий, принесённых Воронцовым, и поспешил выбраться из машины.

Арбенин проводил его задумчивым взглядом и со вздохом потянулся за снимками.

* * *

Виталий Павлович встретил детектива как близкого родственника, разве что обнимать не кинулся и живым интересом выслушал последние новости.

— Невезухина, Невезухина, — задумчиво повторил он. — Нет, клиентов с такой фамилией у меня, кажется, не было, сейчас проверю.

Рюмин устроился за компьютером и, порывшись в электронных отчётах, со вздохом констатировал:

— Увы, ничем не могу помочь! Елена Невезухина ко мне никогда не обращалась! А что,

должна была?

Теперь вздохнул Антон:

— Нет, просто решил проверить. У меня 19 адресов и есть ли среди них та самая Невезухина — неизвестно! Как я её узнаю?!

— Вы считаете, что убийца начал охоту на неё? А что думает следователь?

— А следователь, по всей видимости, считает меня одним из ваших пациентов, и слышать ничего не хочет о связи песен с убийством!

— Жаль, следователь не должен мыслить узко, — укоризненно покачал головой Виталий Павлович.

— Ладно, извините за беспокойство, мне уже пора.

Антон поднялся из гостеприимного кресла и, кивнув психологу, направился к выходу. Рюмин окликнул его уже у самой двери:

— Антон, подождите, я много думал о случившемся. Конечно, могу ошибиться, но думаю, потенциальную жертву следует искать среди молодых, красивых и, скорее всего, известных женщин, которым присущи некоторые черты уничтожаемого образа.

— То есть Снежной королевы? — уточнил Антон. — Это какие же, напомните, я сказку давно не смотрел.

— Дело не в сказке, а устойчивом стереотипе, который стоит за этим образом. Что ассоциируется с ним прежде всего — холодность, бездушие и даже жестокость. Маргарита, например, не лучшим образом поступала со своими кавалерами. Вела себя с ними беспринципно, а порой жестоко, что вполне могло сыграть решающую роль в глазах маньяка. Попробуйте поискать в своём списке даму, подходящую под это описание.

— Попробую, спасибо, Виталий Павлович, вы мне очень помогли!

Антон почти бегом покинул приёмную Рюмина, желая проверить его версию как можно скорее, других ведь всё равно не было.

Виталий Павлович смотрел из окна как детектив садится в машину и хмурился. Дверь приоткрылась, впуская Дениса Маркина — его ассистента, такого же пухлого и румяного как сам Рюмин. Виталий Павлович не обернулся, узнав его по характерному покашливанию.

— Что-то зачастил к нам знаменитый мистер Холмс! Что ему нужно? — фамильярно поинтересовался ассистент.

— Не твоё дело! — не оборачиваясь, проворчал Рюмин.

— Наверное, спрашивал, где вы были в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое?

— Не спрашивал! Отстань! — угрюмо буркнул Виталий Павлович.

— Что? Даже не поинтересовался, откуда взялась кровь на одежде, которую вы так тщательно застирывали в ночь убийства одной актрисы? Ну, разумеется, он ведь об этом не знает, а вы поскромничали — не сообщили! — насмешливо покачал головой Маркин. — А я, знаете ли, в гостях был, а потом выяснилось, что ключи на работе оставил, вернулся, а тут вы внеплановую стирку устроили. Я решил не мешать ведь чистота — залог здоровья!

— Так это был ты?! А я думал — показалось.

Рюмин, повернувшись, не спеша направился к ассистенту. Сейчас в этом человеке с ледяным жёстким взглядом и мрачным выражением лица, Антон вряд ли узнал бы прежнего восторженного «душеведа». Он подошёл к невольно отступившему Денису вплотную, и с ненавистью глядя на ассистента, холодно отчеканил:

— Запомни, щенок, это был кетчуп! А если ты, хоть слово кому-нибудь выкнешь — вылетишь отсюда с волчьим билетом и не сможешь найти работу даже в самой глухой

Тмутаракани! Уж об этом я позабочусь!

Когда на следующее утро Арбенина вызвал к себе сам Воропаев, Май нисколько не удивился. После беседы с Холмсом он ожидал чего-то в этом роде. Для него не было секретом, что за каждым новым сотрудником «присматривают» пока не переведут в ранг «заслуживающих доверия». Он был в этом кабинете лишь однажды, сразу после своего трудоустройства и как тогда невольно восхитился его размерами и оформлением. Огромное снежно-голубое, залитое ослепительно белым светом помещение. Стол для переговоров цвета чистейшего белого снега был бесконечно длинным, и казалось, терялся в окружающем пространстве, а сидящий за ним Воропаев на фоне всего этого бескрайнего бело-голубого великолепия смотрелся не меньше, чем Господом Богом, восседающим на облаках. Наверное, так и было задумано.

— Вызывали?

— Да, присядь, есть пара вопросов, — Воропаев говорил негромко, но благодаря прекрасной акустике его слова звучали более чем отчётливо.

Май отметил, что провинившимся сотрудникам присесть обычно не предлагалось, они выслушивали обвинения стоя и, как правило, больше не возвращались на рабочие места, а значит, он пока не в чёрном списке.

— Чего хотел Холмс? — без перехода спокойно поинтересовался Геннадий Викторович.

— Просил помочь в расследовании, — в тон ему ответил Май.

— С чего бы это? Четыре месяца прекрасно обходился без тебя, а тут вдруг вспомнил.

— Дело сложное, затрагивает его личные интересы, — пожав плечами, объяснил Арбенин. — На карту поставлено слишком много. Да вы газеты почитайте, если интересно, там всё подробно изложено — неприятная история.

— Почитаю. И что ты ему ответил?

Май спокойно выдержал пристальный цепкий взгляд Воропаева.

— Правду — у меня уже есть работа, которая меня полностью устраивает, и рисковать ею я не хочу.

— Ты снова сделал правильный выбор и скоро в этом убедишься, — кивнул Геннадий Викторович. — Я умею ценить преданных сотрудников. Пока возвращайся на свой пост, но скоро, думаю, для тебя найдётся местечко получше.

Май просиял, широко и белозубо улыбнувшись начальнику, но благодарить не стал — Воропаев не выносил раболепства подчинённых, равно как и их дерзости. Бывший помощник детектива вышел из бело-голубого кабинета, мысленно поздравив себя с тем, что его наполеоновские планы, похоже, осуществляются даже раньше, чем он рассчитывал.

* * *

Антон Холмс с тоской посмотрел на часы и с тем же выражением уставился на прозрачные, вращающиеся двери модельного агентства. За последние три часа их открывали и закрывали все кому не лень, кроме той, кто его действительно интересовал. Елена

Невезухина, внесённая в список под номером семь, несмотря на поздний час, рабочее место покидать не спешила.

Антон вздохнул и в сотый раз задался вопросом, а не теряет ли он время зря, гоняясь за никому неизвестной моделькой. Правда, она единственная из тех 19, кто более-менее подходил под описание Рюмина, да и то с натяжкой. Пока единственным достижением девушки было то, что она дважды засветилась на обложках не самых многотиражных и уважаемых читающей публикой журналов, да и к мужчинам относилась более чем лояльно. Антон выяснил, что у девушки одновременно имелось три достаточно обеспеченных любовника — она никого не обижала вниманием. Впрочем, это тоже может послужить мотивом, но по его наблюдениям, мужчины либо не догадывались о существовании друг друга, либо были вполне удовлетворены подобным раскладом, поскольку все трое имели статус женатых и добропорядочных отцов семейства.

Антон ещё раз сверился со списком: пятерых женщин он так и не смог отыскать — две дамы сейчас находились за границей, а ещё трое Невезухиных, покинув место прописки и регистрации, просто растворились в огромном мегаполисе и где их теперь искать детектив не имел представления. Оставшиеся Елены маньяка вряд ли могли заинтересовать, поскольку давно получали назначенную государством пенсию по причине соответствующего возраста. Посему, если Рюмин прав, у этой Елены больше шансов быть коронованной посмертно, а если не прав? На этот вопрос у Антона ответа не было, он снова бросил грустный взгляд на часы и со вздохом откинулся на сиденье, настраиваясь на длительное ожидание.

* * *

Май неторопливо прохаживался среди быстро заполняющей помещение солидной, эксклюзивно одетой и разнообразно, но неизменно дорого пахнущей публики. Ежегодные презентации косметики «Элен» всегда собирали именно таких посетителей: богатых, известных, стильных, присыпанных словно пряники ванилью, гламуром, сияющих безукоризненными глянцевыми улыбками. Сегодня по ряду причин приглашённых было вдвое больше обычного и его задача — следить за порядком, ненавязчиво сглаживая намечающиеся неприятности и конфликты, усложнялась. Впрочем, кроме Мая в зале присутствовали ещё пятеро охранников, по распоряжению начальства одетых в штатское, чтобы не напрягать присутствующих официозом униформы.

Ведь люди пришли сюда приятно провести время: женщины — похвастать подаренными на днях драгоценностями, мужчины — завести полезные знакомства и наладить нужные контакты, а разгуливающие среди них «люди в чёрном» отнюдь не способствовали поддержанию непринуждённой и праздничной атмосферы. В униформе оставалась лишь «стража» на входе — фейс-контроль, пропускающий избранных в элитный косметический рай.

Убедившись, что всё в порядке, Май опёрся о колонну, щедро увитую искусственной, но с виду безупречно натуральной зеленью, и, оказавшись в её тени, не без интереса посмотрел на сцену. Он знал, что группа «Падшие ангелы» включена в программу торжества, (уж очень удачно, по мнению Воропаева, вписывалась в концепцию презентации их песня «Тушь, румяна, тени, пудра») и в принципе не имел ничего против. Ему даже интересно было снова

увидеть ту забавную и трогательную в своей невероятной наивности девчонку.

Прошло полгода, она теперь певица, как и мечтала, о нём, конечно, не вспоминает. Во всяком случае, он на это очень рассчитывал. В душе почему-то остался смутный осадок вины и раздражал как накипь на стенках новенького чайника.

Но как же она изменилась за эти месяцы! Мужчина невольно нахмурился, разглядывая эту новую Ангелину Скворцову. Нелепый чёрный наряд и вызывающий макияж ей абсолютно не шли, она казалась сейчас такой взрослой и искушённой! Куда делась романтически настроенная тургеневская барышня, одевающаяся только в платья и жарко краснеющая при малейшем упоминании чего-либо, по её мнению, неприличного. Май усмехнулся, вспомнив как она, оскорблённая его дерзкими шутками и придирками, швыряла в книги. Как, смущаясь, заливалась горячим румянцем, как старательно мазала ему зелёнкой поцарапанный лоб, а потом их лица оказались вдруг совсем близко...

Приятные, ни к чему не обязывающие воспоминания, от которых теплело на душе. Не так уж много было в его жизни таких воспоминаний и совсем не хотелось омрачать их сравнением с текущей реальностью. Скорее всего, новая Ангелина уже не имеет ничего общего с той, прежней, а впрочем, его это не интересовало: заветная цель была совсем близко, и Май не собирался рисковать, размениваясь на мимолётные порывы.

* * *

— Слава богу, всё закончилось! — простонала Ангелина, распуская стянутые чёрными лентами волосы и стаскивая длинные узкие сапоги на огромной платформе.

— Да, обмундирование у нас без особых удобств, зато это круто и жутко сексуально! — не согласилась Мадлен, люблюсь коротким чёрным платьицем, обтягивающим каждую пору кожи.

Ангелина поморщилась, она не разделяла оптимистичных взглядов напарницы, но предпочла промолчать. Спорить не хотелось, хотелось поскорее домой — к Кире и телевизору. Поставить какую-нибудь старую добрую, пусть даже глупую комедию или романтический фильм с непременно счастливым концом и чтобы ни о чём не думать, вообще ни о чём! Она быстро переделалась и вызвала такси.

— А ты разве не останешься на презентации? — удивилась Мадлен. — Здесь круто! А мужиков видела? Все толстосумы как на подбор!

Нет, Ангелина никого не видела, она всегда старалась не смотреть в глаза зрителям — ей было стыдно за то, что видели они. Девушку смущала и непривычно вызывающая одежда и примитивные, а порой и просто глупые тексты песен, которые приходилось петь, но делать нечего — контракт подписан на целый год и подписала она его добровольно.

Победа в конкурсе «Звёздный шанс» обеспечила Ангелине лишь съёмку одного единственного клипа, который покрутившись несколько раз на музыкальных каналах, вскоре бесследно исчез, так и не сумев привлечь ни всенародной славы, ни внимания продюсеров. Денег, полученных в качестве дополнения к первому призу, едва хватило, чтобы оплатить съёмную квартиру на полгода вперёд. А тут ещё отец постоянно напоминал, что осенью ей придётся приступить к учёбе в ненавистной медицинской академии, вот и пришлось соглашаться на первое попавшееся предложение, к тому же других всё равно не последовало.

— Нет, спасибо, у меня что-то голова разболелась, пойду, пожалуй, домой.

Мадлен презрительно поджала губы.

— Ой, какие мы нежные! Что-то часто у тебя голова болит. Иди, иди — так всю жизнь и будешь по кабакам плясать, а я такую возможность ни за что не упущу! Здесь сегодня столько богатеньких папиков собралось! Подцеплю кого-нибудь и буду жить припеваючи!

— Желаю удачи, — слабо улыбнулась Ангелина и, взяв сумочку, вышла из гримёрки.

Мадлен скорчила ей вслед недовольную гримасу и, напевая, достала из шкафчика заранее приготовленный наряд. Чёрное мини, конечно, классика и ей очень идёт, но, во-первых, Мадлен в нём уже видели, а во-вторых, имелось кое-что получше! Певица развернула полупрозрачную золотистую тунику, полюбовалась фирменным лейблом, гарантирующим эксклюзив, и невольно отпрянула, уловив незнакомый резкий аромат.

— Какого чёрта?! Что это за дрянь!? — возмущённо взвизгнула девушка, брезгливо сморщив аккуратный носик — она ни за что ни стала бы пользоваться подобной мерзостью. — Какой кретин это сделал?!

Певица яростно отшвырнула испорченный наряд в сторону и бросилась к двери, заподозрив в содеянном одного из гитаристов: после того, как девушка дала ему от ворот поворот, тот не упускал случая усложнить ей жизнь. Но дверь вдруг открылась сама, без стука и приглашения впустив человека в чёрном. Неизвестно откуда полилась знакомая музыка, в руках незваного посетителя неожиданно блеснуло лезвие ножа и Мадлен Чёрная, по паспорту Елена Невезухина, не успев опомниться и как-то отреагировать, погибла под звуки исполняемой ею же «Снежной королевы»!

* * *

Ангелина не смогла уехать так быстро как планировала, певицу перехватила Анна Райская, участвовавшая вместе с ней «Звёздном шансе» и занявшая второе место. Правда, в отличие от Скворцовой Анне повезло больше: она имела возможность выступать сольно и петь свои собственные песни, которые пользовались успехом. Несмотря на некоторую долю зависти, Ангелине нравилась Райская и она охотно с ней пообщалась. Потом её задержал звонок Гоши Киселёва — друг детства заканчивал военное училище и напрашивался в гости, планируя ближайшее увольнение. Девушка не имела ничего против — ей просто необходимо было хоть немного отвлечься. Но через несколько минут мирный ход беседы нарушил громкий крик больше напоминающий вой — так странно и страшно он звучал.

Ангелина, едва не выронила телефон, испытал острое ощущение дежавю: совсем недавно она уже слышала точно такой же крик, точнее такой же была интонация. Так кричала Люда Щукина, обнаружив тело Риты Майер.

Увидев бледного, натянуто улыбающегося посетителям начальника охраны, кивком призывающего его подойти, Май понял — случилось что-то серьёзное. Он вышел вслед за ним, сохраняя непринужденность и естественность поведения — пугать уважаемую публику пока ни к чему, но возможно придётся. Всегда суровый и невозмутимый Цыблин, пожалуй, впервые в жизни выглядел растерянным и жалким, а подобную реакцию могли вызвать лишь о-о-очень большие проблемы.

— Что случилось? — тихо спросил Арбенин.

— Полный аут! — простонал Цыблин. — У нас убийство! Воропаев рвёт и мечет, короче мы по уши в дерьме!

— Кто убит? Кто-то из гостей? — быстро уточнил Май.

— Нет, певичку какую-то порезали, кажется из «Ангелов», — засомневался Цыблин. На мероприятии выступали четыре группы и три солистки, а он их постоянно путал, поскольку не интересовался современной музыкой.

— Какую?! — рявкнул Май так, что Цыблин испуганно вздрогнул и в изумлении уставился на сотрудника.

— Не знаю, да какая разница одну или другую — в любом случае мы в полном дерьме и надо как-то выпутываться! Воропаев велел...

— Где она? — нетерпеливо перебил его Арбенин.

— В гримёрке, её прямо там порезали, а наш официант нашёл. Воропаев велел нам молчать до конца презентации, а полицию потом вызовем, ну как будто тело только что обнаружили!

Май, уже не слушая его, резко развернулся и поспешил в сторону грим-уборных. Он запретил себе думать о том, что может увидеть хотя бы до тех пор, пока этого не произошло, так было проще держать себя в руках. И обычно ему это удавалось, но сейчас, в голове, игнорируя все запреты разума, металась одна единственная мысль «только бы не она!»

Он и сам не знал, почему так испугался за эту, в сущности малознакомую девчонку. Они общались всего неделю, и по большому счёту их ничего не связывало, но почему-то мир без неё, его мир, пусть даже она всегда оставалась за его пределами, представлялся ещё чернее и безрадостнее, чем обычно.

Ангелину он увидел почти сразу живую и невредимую. Невероятно бледная, с потухшим ничего не выражающим взглядом она замерла возле дверей как в старой детской игре «море волнуется раз» и, казалось, ничего вокруг не замечала. Рядом, не решаясь войти внутрь, толпились несколько сотрудников-фирмы, один из них бледно-зелёный и судорожно хватаящий воздух ртом был тем самым официантом обнаружившим труп. Вздохнув с облегчением, Май подошёл к застывшей певице и тихо позвал по имени. Она никак не отреагировала, продолжая смотреть в одну точку.

— Ангелина! — Май тронул её за руку и девушка, наконец, очнулась. Несколько секунд она смотрела на него всё тем же ничего не выражающим взглядом, потом вздрогнула, словно проснулась в середине страшного сна и, прошептав его имя, обняла, дав волю душившим слезам.

Май снова вздохнул и неловко погладил её по волосам. Он понятия не имел, как утешать женщин, а девушка, судя по всему, пребывала в глубоком шоке, но через секунду она

сама отстранилась и бросилась к гримёрке, повторяя:

— Скорее! Нужно проверить, может, Лена ещё жива!

Май снова поймал её за руку и, осторожно развернув к себе, с несвойственной ему мягкостью сказал:

— Успокойся, Ангелёныш, я сам всё проверю, а ты, останься здесь, договорились?

Она долго смотрела на него, потом молча кивнула и отступила, по щекам непрерывно стекали прозрачные капли, но она и не думала их вытирать. Май вздохнул в третий раз и, достав платок, осторожно сделал это сам. Потом отстранил бестолково толкущихся в дверях коллег и вошёл в гримёрку, ставшую последним пристанищем молодой певицы.

Тело лежало на полу в неестественной позе, и представляло собой кровавое месиво, с которым резко контрастировали белоснежные волосы парика и новенькая диадема-корона — совсем как на фотографиях, оставленных Холмсом. Как человек, неоднократно имевший дело с насильственной смертью, Май сразу понял — девушка мертва, но Ангелина наверняка наблюдала за ним и он, склонившись, попытался нащупать пульс, которого, разумеется, не было. Зато нашлось кое-что другое! Май долго разглядывал знакомый рекламный флаер, подробно расписывающий достоинства продукции фирмы «Элен», затем быстрым незаметным движением спрятал его в карман пиджака. В раковине он обнаружил кровавые разводы и пару тёмных ниток, видимо убийца застирывал одежду. Надо бы осторожненько осмотреть посетителя, на предмет непросохших туалетов. Впрочем, здесь совсем рядом чёрный ход...

— Май, ну что там? — сдержанно спросил подоспевший Воропаев.

— Похоже на продолжение истории рассказанной Холмсом. Полиция, как я понимаю, будет позже?

— Правильно понимаешь, девушке уже всё равно не помочь, а я не хочу скандала и паники на презентации. Закончится всё — тогда пусть и работают. Официант скажет, что нашёл тело, когда убирал посуду из помещений. А вот на счёт этой красавицы, я не уверен, — Воропаев нахмурился, разглядывая Ангелину, снова впадшую в бессознательное состояние.

— Девушка в шоке, во времени вряд ли ориентируются, к тому же мы немного знакомы, я с ней поговорю, — спокойно заверил Май. — Меня больше беспокоит другое.

Воропаев вопросительно поднял брови, Арбенин отвёл его в сторону и показал спрятанный флаер.

— Это лежало возле тела.

— И что? Мы на презентации, здесь сегодня все получили по пачке таких бумажек!

— Во-первых, не таких — это, видимо, старый образец, посмотрите сами, он отличается от новых реклам. А во-вторых, точно такая бумажка валялась возле первой убитой подобным образом девушки. На совпадение мало похоже. Я взял на себя смелость изъять улику, а то попадёт в газеты, начнут проводить параллели. Ну вы знаете, как это бывает — у журналистов бурная фантазия.

— Ты думаешь...

— Да, я думаю, что этот флаер не случайно оказывается на месте убийства второй раз подряд. Существует какая-то связь между ним и действиями маньяка.

Воропаев несколько секунд сверлил Мая пристальным цепким взглядом, словно стараясь прочесть его мысли, потом со вздохом уточнил:

— Этим делом занимается Холмс?

— Параллельно с прокуратурой.

— К чёрту прокуратуру! Огласка мне ни к чему. Он вроде бы неплохой детектив?

— Вроде бы, — кивнул Май, краем глаза наблюдая за Скворцовой, которая по-прежнему смотрела в одну точку.

— И просил тебя помочь именно в этом расследовании?

— Так точно.

— Ну так помоги, — усмехнулся Воропаев. — Заодно приглядишь за мистером Холмсом, и если вдруг действительно обнаружится какая-то связь с «Элен», не позволишь сделать её достоянием гласности. Как это сделать — сам знаешь, опыт у тебя имеется.

Май сдержанно кивнул, он не ожидал подобного предложения, хотя и не особенно ему удивился.

— Почему я?

Не задавай идиотских вопросов: Холмс тебе доверяет, раз обратился за помощью! Можешь начинать прямо сейчас!

— Как скажете, а начал бы я с ненавязчивого осмотра гостей.

Геннадий Викторович сердито сдвинул брови.

— Ты же не думаешь, что кто-то из них способен на такое?! Большинство — наши давние партнёры и я не собираюсь портить с ними отношения! — он понизил голос. — Более того, если выяснится, что кто-то из них замешан нужно будет принять все меры, чтобы... Ну ты понял, мне скандал не нужен.

— Вот поэтому мне и надо знать, кто замешан, — Май спокойно выдержал его взгляд и начальник махнул рукой, проворчав:

— Хорошо, я направлю к тебе Цыблина, проинструктируешь его — пусть осмотрится в зале, а ты разберись здесь и не забудь девчонку обработать! — Воропаев кивнул в сторону Ангелины и вернулся к ничего не подозревающим гостям.

Май быстро замкнул гримёрку и огляделся — после появления Воропаева сотрудники-зевачи испарились, остались только Скворцова и несчастный официант, незнающий куда себя девать и что делать.

— Кто этот человек и почему он не разрешает вызвать полицию? — вдруг тихо, но отчётливо спросила Ангелина.

Май удивлённо уставился на певицу. Он был уверен, что она пребывала в полном ступоре и ничего не слышала.

— Э...ты неправильно поняла, он всего лишь попросил сделать это чуть позже, когда гости разойдутся. Сегодня здесь важное мероприятие, зачем портить людям настроение?

— Но ведь убийца, возможно, среди них! — нахмурилась Ангелина. — Он уже убил Лену и Риту, а вы его просто возьмёте и отпустите?! Пусть себе убивает дальше!

— Да, тише ты! — Май удивлялся всё больше — девчонка не только пришла в себя, но и находится в полной боевой готовности, похоже, переубедить её будет не просто! — Иди-ка сюда!

Он схватил её за руку и втащил в соседнее пустующее помещение.

— Во-первых, здравствуй, всё-таки полгода не виделись. Во-вторых, лишний час здесь роли не сыграет, твоя подруга, прими мои соболезнования, мертвее мёртвого. А убийцу мы с Холмсом всё равно найдём, это я тебе гарантирую!

— Да, если только он не окажется кем-то из давних партнёров, кажется, так выразился тот человек, — презрительно процитировала Ангелина. — А если окажется, что тогда?!

Пусть убивает дальше?!

— Эй, так не честно! Ты же была в отключке и не должна была ничего запомнить! — возмутился Май и, приблизившись к девушке вплотную, тихо добавил: — Забудь всё, что слышала, так будет лучше для всех.

— Для кого именно?

— Прежде всего для тебя, ну и для меня тоже. Я вроде как поручился, что ты будешь молчать!

— А если не буду, что тогда? Опять шантажировать начнёте? — с вызовом спросила девушка, вспомнив, с чего началось их знакомство.

— Не хотелось бы, — честно признался Арбенин, тоже заглянув в прошлое. — Просто у нас с тобой будут большие неприятности, но я, пожалуй, выкручусь, а вот насчёт тебя не уверен.

Ангелина отвернулась, прижав холодные ладони, к пылающим щекам и сделала несколько шагов туда и обратно.

— Господи, откуда вы вообще взялись?!

— Я здесь работаю.

— Боюсь даже спрашивать кем! — в синих глазах вспыхнули золотистые искорки гнева. — Следователь называется! Как вы можете покрывать преступление?! Полицию нужно вызывать сейчас, потом будет поздно!

— Я — бывший следователь, разницу чувствуешь? А насчёт...

— Май, ты здесь? — в двери просунулся взлохмаченный Цыблин. — Что делать будем, Воропаев сказал — ты теперь за главного.

В голосе начальника охраны отчётливо прозвучала досада, и Май невольно усмехнулся:

— Только в том, что касается расследования, а ваша должность, Михаил Борисович, по-прежнему при вас.

— А это кто? — Цыблин насторожено мотнул головой в сторону продолжающей хмуриться Ангелины.

— Свидетельница.

— Чего видела?

— Как и полагается образцовому свидетелю — ничего. Чёрный ход проверяли?

— Да, сам же знаешь — он запирается изнутри вручную, так какая-то круглая хреновина защёлкивается, а с улицы дверь достаточно захлопнуть и она будет заперта. Так вот она заперта, а выходил через неё кто-то или нет — неизвестно.

— Кто из охраны у нас был на этом секторе?

— Иван Лешаков, я с ним уже говорил — он ничего подозрительного не заметил.

— Значит, скорее всего, убийца уже покинул здание, но осмотреться всё же стоит.

Арбенин вышел в коридор, где всё ещё по стойке смирно стоял официант и, проинструктив Цыблина как себя вести и на что обращать внимание в большом зале, повернулся к молодому человеку.

— Ну что, — он бросил быстрый взгляд на бейдж с именем, — Алексей, Алёшенька, сынок, вот и до тебя очередь дошла.

— А я что?! Я ничего не видел! Совсем ничего! — испуганно затараторил парнишка. — Я напитки разносил, заглянул, а она там вся в крови! Вот и всё!

— Вот об этом и поговорим, проходи! — Май завёл парнишку в соседнюю гримёрную и, увидев Ангелину, говорящую по телефону, чертыхаясь, бросился к ней и отнял мобильник.

— Эй! Вы что себе позволяете?! — возмущилась оскорблённая девушка, тщетно пытаясь забрать телефон.

— Кому звонила? В милицию?! Я ведь тебя предупреждал!

— Отдайте, вы не имеете права отнимать частную собственность!

Май, отмахнувшись, проверил последний исходящий номер и нахмурился:

— С Холмсом беседовала, ну и что ты ему рассказала?

— Правду! — с вызовом ответила девушка. — Он сейчас приедет!

— Ну, Скворцова! Кто тебя просил, зачем?!

— Затем, чтобы здесь был хоть один беспристрастный и неподкупный человек, — тихо проворчала девушка, невольно съёжившись под тяжёлым взглядом Арбенина.

— А я уже и забыл, какой ты можешь быть язвой! — мрачно заметил Май. — Ещё раз чётко и подробно — что ты сказала Холмсу?

— Да ничего! Сначала у него было занято, а когда дозвонилась, успела только поздороваться. — Ангелина, наконец, забрала у него телефон. — И не надо на меня так смотреть, лучше расследованием займитесь, полчаса ругаемся, а вы даже не спросили, что я видела!

— А что ты видела? — заинтересовался Арбенин.

— Ничего, я пошла домой примерно в начале десятого, а Лена осталась, она собиралась переодеться и остаться на презентации.

— Так я и думал, спасибо за ценные сведения, — съязвил Арбенин и повернулся к молчаливому Алексею.

— Итак, помнится, мы с тобой остановились на напитках. Их кто-то заказал?

— Да, музыканты из их группы, — парень кивнул на Ангелину. — Они были в гримёрке напротив. Я принёс пиво и колы, получил чаевые. Потом парни ушли: кто-то домой, кто-то в общий зал, а я решил спросить, не нужно ли чего, ну и постучал к ним, — снова кивок в сторону Скворцовой.

— Дальше.

— Мне никто не ответил, тогда я решил посмотреть нет ли грязной посуды ну и увидел её, ту, другую...

— Лена, её звали Лена, — сдавленно всхлипнув, напомнила Ангелина. Май перевёл взгляд на неё:

— Получается, ты последняя кто видел её живой.

— Получается...

— Ладно, Алексей, ты пока погуляй, позже с тобой поговорят представители нашей доблестной полиции, ты помнишь, как должен отвечать? Когда обнаружил тело?

— В половине двенадцатого!

— Молодец! Скворцова, тебя это тоже касается, повтори!

Девушка смерила его осуждающим взглядом и молча отвернулась к окну.

— Я могу идти? — с надеждой проблеял официант.

— Да, иди уже, иди. Скворцова, ты тоже свободна, с ментами завтра побеседуешь — от них не убудет.

— А вы что будете делать?

— Работать, для начала осмотрю ещё раз место преступления и...

— Я с вами! — решительно заявила Ангелина.

— Зачем? — удивился Май. — Ты там что-то забыла?

— Нет, хочу убедиться, что вы больше не будете прятать улики! — не смущаясь, заявила девушка.

Тёмные брови Арбенина грозно сошлись на переносице, а в голосе зазвучал металл:

— Ты забываешься, девочка! Не думай, что на правах нашего мимолётного знакомства, я закрою глаза на оскорбление!

Ангелина вспыхнула: мимолётное знакомство — вот значит как! И те, как ей казалось, нежные объятия, и её неуклюжие, заставляющие сторать от смущения и неловкости, безуспешные попытки назначить ему свидание: всё это для него не более чем мимолётное знакомство?! Что ж, ладно, пусть тогда тоже на снисхождение не рассчитывает!

— С каких пор правда стала оскорблением? Я сама видела, как вы сегодня уже спрятали какую-то вещь, а потом показывали её тому мужчине!

Арбенин удивлённо захлопал длинными ресницами, невольно позабавив девушку как когда-то летом, сходством с куклой Барби.

— Скворцова, ты была в предобморочном состоянии и не могла ничего такого видеть! — по-детски возмутился он.

— Ну, извините, так уж получилось! Так кто из нас забывается? Разве сокрытие улик — не уголовно-наказуемое деяние?

Арбенин скривился:

— О! Какие мы теперь словечки знаем! Откуда, интересно, ты же детективы не читаешь?! — Он шагнул к ней, наклонился так близко, что девушка почувствовала его дыхание на своей щеке и, понизив голос, жёстко сказал: — Ты даже не представляешь, во что вляпалась, я имею ввиду не убийство, но раз уж так получилось — забудь всё что видела и слышала, молчи в тряпочку, сиди тише воды ниже травы. И тогда, может быть, больших неприятностей удастся избежать!

— Моя самая большая неприятность — это вы! — с горечью призналась уязвлённая Ангелина. — И не надо меня запугивать!

— Я ещё и не начинал, просто предупредил!

Ангелина вдруг перестала возмущаться и, глядя ему прямо в глаза, тихо спросила:

— Этот человек он...вы что связались с мафией?!

— А ты «Спрута» насмотрелась! — вяло возмутился Арбенин, не зная какую тактику убеждения избрать. Он уже успел позабыть, какие залежи упрямства скрыты в этой с виду хрупкой особе. Зато, вероятно, полностью отсутствует инстинкт самосохранения: говорить такое в этом здании! Нужно заставить её замолчать и как можно скорее!

— Тогда почему я должна молчать и не высовываться? — настойчиво повторила Ангелина, и Май окончательно потерял терпение, грозно прошипев:

— Потому что это не твоё дело! Неужели так сложно хоть раз в жизни просто сделать то, что говорят без этих твоих вечных «зачем» и «почему»? Всё забудь и помалкивай — это последнее предупреждение, следующий этап — запугивание!

Ангелина отшатнулась как от удара и, неестественно побледнев, тихо сказала:

— И чем запугивать будете после всего, что я сейчас видела?! Отлучением от сцены — не страшно! Я ненавижу эти жуткие песни и нелепую чёрную одежду, которую по контракту должна носить везде, чтобы не портить имидж! А ещё эти корпоративны и приват заказы, где все мужчины смотрят так, как будто я им что-то должна! Семьёй — так у меня нет семьи! Отец выставил за двери родного дома, и не хочет меня видеть только потому, что отказалась жить по его правилам и поступила по-своему! Жизнью? А вы спросите сначала

— нужна мне такая жизнь?

Арбенин не выдержав её взгляда, поспешно отвёл глаза и тихо выругался — уж лучше бы кричала, как обычно, или даже ударила — это она тоже может!

— Какого чёрта ты сразу не уехала? — вздохнул он, пристально разглядывая узоры на голубом натяжном потолке.

— Я не успела — Гоша позвонил.

— Гоша ей позвонил, — недовольно передразнил Май, вспомнив друга детства, который летом приглашал её в кино. — Вот и скажи спасибо своему Гоше! Если бы не он — сидела бы сейчас возле телевизора! И мне бы проще жилось! Я спрятал рекламную листовку фирмы, в которой работаю. — Помолчав, неохотно признался он. — Сегодня здесь такие всем раздавали. Но если её найдут на месте преступления, журналисты могут запросто сочинить какую-нибудь грязную историю, что может отразиться на репутации фирмы. А насчёт давних партнёров — речь не о том, чтобы покрывать убийцу, этого никто делать не собирается. Нужно всего лишь проконтролировать, чтобы это не навредило фирме, вот и всё. Не переживай, Антону я эту бумажку покажу обязательно, можешь потом проконтролировать и спросить у него.

— Спрошу обязательно! — пообещала Ангелина, покраснев под пристальным взглядом Арбенина. — А почему его нельзя позвать, если полицию не хотите?

— Соскучилась? Или сомневаешься в моей компетенции? — с неизменной усмешкой уточнил Май.

— Я сомневаюсь в вашей объективности, — Ангелина хоть и продолжала краснеть, сдаваться не собиралась. — Так почему его нельзя вызвать прямо сейчас?

— По той же самой причине: здесь сегодня полно журналистов, а Холмс личность слишком приметная — даже если войдёт с чёрного хода незамеченным не останется. А когда станет известно об убийстве, эти события обязательно свяжут вместе. Теперь, надеюсь, допрос окончен, ты удовлетворена? Мир, дружба, жвачка?

Девушка неуверенно кивнула.

— Отлично! Я могу, наконец, поработать или ты по-прежнему собираешься меня контролировать? — улыбнулся Май. — А впрочем, было бы неплохо проверить, не пропало ли что-нибудь? Справишься? Понимаю, зрелище не для женщин и детей, но...

Ангелина вздрогнула, но постаралась взять себя в руки — вдруг это действительно поможет остановить человека-монстра!

— Я... да, справлюсь.

— Вот и умница, идём! Обещаю, это недолго!

У дверей гримёрки, девушка всё же остановилась и, словно нащупывая путь к отступлению, неуверенно спросила:

— А как же наши отпечатки? Их ведь здесь найду!

— Разумеется, найдут! Это ведь твоя гримёрка, как же здесь не быть твоим отпечаткам? А я — охранник, проверял все помещения перед презентацией — всё по сценарию.

Май открыл дверь, и девушка невольно зажмурилась, уловив тяжёлый терпкий запах крови, но другой, едва уловимый аромат заставил её вздрогнуть снова.

— Что такое? Тебе плохо? — быстро спросил Май, подхватив покачнувшуюся девушку.

— Этот запах! Тётины духи! Точно так же пахло от Маргариты Майер!

Через три часа, Арбенин звонил в дверь Холмса, рассудив, что подождать до утра было бы гуманно, но не в его стиле, поскольку избытком этого бесспорно прекрасного человеческого качества бывший помощник детектива не отличался. У него выдался очень тяжёлый вечер, так почему бы не испортить его другим? Задумка видимо удалась, потому что открывший дверь Антон был ну просто воплощением недовольства! А его взъерошенный, абсолютно не соответствующий статусу и этикету вид, вызвал у Мая удовлетворённую ухмылку.

— Вау! Мистер Холмс в неглиже — ради этого стоило не поспать!

— Какого...?! Три часа ночи, что ты здесь делаешь?!

— Как что? Вы ж сами меня приглашали!

— Куда? — не понял сонный детектив.

— Не куда, а зачем — в расследовании поучаствовать.

— Ты передумал? Замечательно, но неужели нельзя было подождать до утра?! — Продолжал возмущаться Антон.

— Не смог, так спешил вас осчастливить.

— Считай, что я счастлив! — поморщился Холмс. — И перестань выкать, мы вроде бы на ты перешли. Но о расследовании давай завтра в агентстве побеседуем, сейчас не совсем удобно — не один, — признался он немного смутившись.

— Алина? — понимающе кивнул Май, вспомнив длинноногую подругу Холмса — модного дизайнера и светскую львицу Алину Волконскую.

— Что за бестактный вопрос?! — предательски покраснев, возмутился Антон. — Это не твоё дело!

Май насмешливо поднял брови:

— Понятно: ещё одна сказка о лебединой верности разбилась вдребезги!

Антон покраснел ещё больше, совсем как Ангелина несколько часов назад и бурно запротестовал:

— Это не то, о чём ты подумал! Я просто...э...охраняю потенциальную жертву маньяка!

— Я так и понял: телом закрываешь, — хмыкнул Май. — Жаль не ту: его потенциальная жертва сегодня, а точнее уже вчера перестала быть потенциальной, став очередной.

— Как это? — побледнел детектив.

— А вот так: пару часов назад была убита и «коронована» певица Мадлен Чёрная, в быту Елена Невезухина. Ты всё ещё хочешь перенести нашу беседу?

— Нет...я, чёрт! Свидетели, улики?

— Мечтать не вредно — всё чисто, сам увидишь — есть фотки, может, я уже войду?

— Нет, подожди минуту, я оденусь, в машине поговорим.

— К чему такая конспирация? — удивился Май.

— Не могу же я девушку среди ночи на улицу выставить?!

Арбенин только головой покачал — лично для него это никогда не было проблемой.

— А одну оставлять? Не боишься, что обворует?

— Как ты можешь?! Она порядочная девушка! — искренне возмутился Антон.

Май отвернулся, скрывая смех, в некоторых ситуациях знаменитый детектив был прямо как Скворцова — образчик непробиваемой наивности.

— Ладно, истинный джентльмен, иди, натягивай портки, да поторопись!

* * *

Май ждал Антона в машине, ещё раз прокручивая в мыслях план предстоящего диалога. С некоторых пор контролировать каждое слово вошло у него в привычку. Производственная необходимость — за ним до сих пор «присматривали», а теперь наверняка будут ещё и прослушивать, так что «следить за базаром» в его интересах. Что ж, он будет вести себя безупречно раз это необходимо для достижения желанной цели. Вотрётся в доверие, если получится, а не получится — найдётся другой способ. Главное, он находится в нужном месте, а в нужное время, то есть уже совсем скоро, случится то, ради чего он жил все эти десять лет.

Холмс спустился через две минуты безупречно одетый и безукоризненно причёсанный — словно модель с обложки модного журнала, плюхнулся на сидение рядом и выдохнул:

— Рассказывай!

Май небрежно бросил ему папку с фотографиями, и пока Антон изучал снимки, ввёл его в курс дела:

— Убийство произошло на презентации продукции фирмы «Элен». Да, да, той самой, в которой работаю я. Список присутствующих гостей прилагается. Случилось это грустное событие примерно в начале одиннадцатого. Жертва — солистка группы «Падшие ангелы», погибла в собственной гримёрке.

— Что?! — всполошился детектив. — Это же та самая группа...

— Та самая, которая исполняет злополучную «Снежную королеву», и в ней же поёт Скворцова — твоя ценная свидетельница, которая ничего стоящего не видела и не слышала, зато снова оказалась на месте преступления.

Бедная девочка! Она такая впечатлительная, — вздохнул Антон.

Май промычал нечто нечленораздельное, вспомнив как ловко «впечатлительная девочка» припёрла его к стенке.

— Это она обнаружила тело?

— Обнаружил официант, а она примчалась на его крики.

— Чёрт! Как же я мог так ошибиться?! Почему в моём списке не было этой Невезухиной?

— Скорее всего, была, но давно не проживала по месту регистрации, а столичной прописки у неё отродясь не бывало — покорять Москву девушка приехала из Иркутска. Так вот, вернёмся к нашим баранам, следов и улик на месте преступления, естественно нет, зато есть: парик, диадема и нарисованная мушка, как и в случае с первой жертвой. А ещё Скворцова узнала запах духов — угадай каких!

— «Snow Queen», — мрачно произнёс Антон. — А раньше убитая не жаловалась, что её преследовал этот запах?

— Не знаю, девчонка была на взводе, я не стал её подробно расспрашивать, это можно сделать позже.

— Да, но лучше не затягивать. Вторая жертва убита тем же способом?

— Да, раны нанесены острым колющим предметом, предположительно ножом, их не меньше пятнадцати, точнее сказать не могу — не считал.

— А сердце?

— Чисто, ни одной раны.

— Значит, Рюмин прав, всё строго по инструкции, то есть по песне: «не целясь в сердце Снежной королевы, у Снежной королевы сердца нет».

— Кстати, о песне, узнал кто автор?

— Автор неизвестен, а песня довольна старая. Последний раз лет тридцать назад её пела малоизвестная певица Галина Перова. Её карьера не сложилась, собственно таковой и не было. Что с ней стало и где её искать — никто не знает. Да и зачем? Вряд ли это имеет отношение к нашей ситуации.

— Может и не имеет, но проверить стоит.

— Проверю. А почему ты мне сразу не позвонил, я бы сам осмотрел место преступления!

— Во-первых, у тебя телефон был отключён, во-вторых, место преступления осмотрел я. Или ты сомневаешься в моей компетентности?

— Дело касается моих интересов и хотелось бы всё проверить лично.

— Боюсь, не выйдет, гримёрка опечатана.

Антон кивнул и пристально посмотрел на помощника.

— А теперь главный вопрос: что ты здесь делаешь?

— Не понял? — Май не слишком старался изобразил удивление.

— Да всё ты понял! — проворчал Антон. — Когда я просил тебя о помощи ты отказался, а теперь вдруг примчался, виляя хвостом. В чём дело? Только не надо говорить о чувстве солидарности и жажде справедливости — ни то, ни другое тебе несвойственно.

— Всё очень просто. Хвостом, как ты изволил выразиться, я теперь виляю перед новым боссом, он меня сюда и направил. Дело в том, что возле трупа новой «королевы» лежал рекламный буклет нашей фирмы. Пустячок, конечно, на презентации их всем давали...

— Да, но в первый раз он тоже присутствовал! — нахмурился Антон. — Не многовато ли совпадений?

— Вот это мне надо выяснить. Зачем кому-то понадобилось бросать тень на солидную фирму?

— А что если «патрошитель» кто-то из сотрудников твоей солидной фирмы? — прищурившись, спросил Холмс.

— У нас психов не держат, но проверить стоит. В любом стаде может завестись паршивая овца, — спокойно заметил Май. — Так как насчёт взаимовыгодного сотрудничества?

— Так уж и взаимовыгодного? Думаешь, я забыл, с кем имею дело? Твой Воропаев — преступник!

— Его моральный облик к делу отношения не имеет. А сотрудничество действительно может стать взаимовыгодным: интересы у нас, не спорю, разные, но цель одна.

— Ладно, поработаем вместе, — помолчав, ответил Холмс. — С чего начнём?

— С начала. Вот список приглашённых, а вот — отсутствующих.

— Тех, кто не смог прийти? А зачем он мне?

— Не совсем так. Я смотрел запись видео наблюдения, к сожалению, оно ведётся только в большом зале, и записал, кто из гостей отсутствовал там в интересующее нас время. Таких немного — всего девять человек. Увы, охранник на входе не может точно сказать, кто и когда покинул мероприятие.

— Жаль, но всё равно неплохо — есть с чем работать! — одобрил Антон, вглядываясь в список. — О! Знакомые всё лица, в смысле фамилии — Рюмин Виталий Павлович — любимый душевед знаменитостей!

— Ага, а среди аккредитованных журналюг — твой новый знакомый Воронцов. Кстати, тоже ушёл до закрытия.

— У него вроде алиби есть! — напомнил Антон и нахмурился: — Ох! Что ж я его до сих пор не проверил?

— А действительно, что ж ты так? — укорил Май. — Ладно, проверим. Этим я сам займусь, а ты навести Скворцову и расспроси, как следует.

— Давай лучше вместе, — предложил детектив.

— С чего вдруг? Девчонку боишься или мне не доверяешь? — насмешливо уточнил Май. По ряду причин, о которых он старался не думать, встречаться с Ангелиной не хотелось. Хотя надо бы проверить, что она там наговорила полиции, да и закрепить вчерашнее напутствие не помешает.

— Просто вы оба были на презентации, вот и постараемся восстановить картину событий с помощью очевидцев.

— Позволь напомнить, очевидец это тот, кто что-то видел, а мы таковыми не являемся. Впрочем, как скажешь, попробуем.

— А из здания, где проходила презентация, можно выйти только одним способом? Я имею в виду...

— Я понял. В гримёрке есть большое окно, но на нём решётки — не пролезешь, а вот через чёрный ход наш убийца вполне мог выбраться. — Май бесцеремонно потянулся и зевнул. — Скорее всего, он так и сделал. На одежде стопроцентно осталась кровь. Он как мог её застирал, о чём свидетельствуют следы на раковине, оставаться в таком виде не привлекая внимания сложно. В этой ситуации самое лучшее — смыться незаметно.

— Здесь ты прав, будем работать со спискам, покинувших «бал» до полуночи.

Телефон Антона настойчиво зазвенел — никаких модных рингтонов, официально-скучное дзинь-дзинь, выдающее делового человека. Детектив с недоумением посмотрел на высветившийся номер:

— Ало, Виталий Павлович, нет, не сплю. Да, уже в курсе...что?! Вы уверены? Ладно спасибо за информацию утром увидимся.

Антон отключил телефон, и устало откинулся в кресле.

— Звонил Рюмин: Мадлен Чёрная тоже была его клиенткой, только знал он её исключительно под псевдонимом, а не как Невезухину.

— А вот и первое связующее звено между жертвами — психолог! — подытожил Май.

— Второе, — поправил детектив. — Первое — твоя злополучная фирма, забыл сказать — последний ухажёр Риты Майер имел к ней непосредственное отношение.

* * *

Звонок у дверей был выкорчеван почти полостью: видимо подростки-акселераты не нашли другого более рационального применения своей энергии. Май постучал в дверь, но от нажима она вдруг гостеприимно распахнулась сама. Арбенин нахмурился недовольный беспечностью хозяев — придётся прочитать нравоучительную лекцию! Он шагнул в

прихожую и остановился оглушённый свистящим рёвом пылесоса.

Ангелина металась с ним по квартире, буквально вдавливая щётку в пол, словно надеялась, что вместе пылью исчезнут и мучительные воспоминания. Это Май понимал: когда на душе темнота, дождь и слякоть нужно срочно чем-нибудь заняться, чтобы элементарно не сойти с ума. Он огляделся и, заметив шнур, выдернул его из розетки. Ангелина резко обернулась.

— Привет! Почему дверь открыта? Заходи, бери что хочешь, грабь, насилуй и убивай? Ключи потеряла?

Девушка невольно поёжилась:

— Кира только ушла, я просто не успела закрыть. А где Холмс?

— Вынужден тебя разочаровать — Антон общается с другим свидетелем, так что побеседуем тет-а-тет, не возражаешь?

Скворцова смущённо зарумянилась, и Май невольно улыбнулся — надо же, она до сих пор не научилась краснеть по пустякам!

— Вы, конечно, пришли убедиться, что я не сболтнула лишнего? Что ж, можете спать спокойно!

— Ай, спасибо, а то бессонница замучила! Молодчина, сделала правильный выбор!

Она поморщилась:

— Вот уж не уверена! А вы говорили с Антоном?

— Ты всё-таки мне не доверяешь?

— Я просто спросила, — продолжая краснеть под его насмешливым взглядом, она невольно одёрнула короткое — до колен — ситцевое платье, стараясь натянуть его как можно ниже.

— Не переживай, мы с ним теперь партнёры, по крайней мере, в этом деле. Так и будешь держать меня в дверях или предложишь присесть?

— Ну, присаживайтесь.

— Спасибо, что не отказала. — Май вошёл в гостиную и, оглядевшись, расположился на диване. — Ты тоже садись, чего застыла?

Девушка постаралась расположиться как можно дальше — на другом конце дивана, старательно прикрывая оголившиеся колени ладошками.

— А чего так далеко? — усмехнулся Май. — Боишься, что укушу? Не стоит, я не ем маленьких девочек на завтрак — зелёные.

Девушка нахмурилась, задетая его небрежно-равнодушным тоном.

— Вижу, вы по-прежнему предпочитаете плоские шутки! Боюсь, сейчас, как впрочем и всегда, они неуместны. Давайте сразу к делу, о чём вы хотели спросить?

Май удивлённо вскинул брови.

— Ладно, можно и к делу. Насколько хорошо ты знала погибшую?

— Мы пять месяцев выступали вместе, особо не дружили, общались в основном по работе.

— Что ты вообще о ней знаешь: где живёт, с кем? Семья, жених, любовник?

Ангелина задумалась:

— Мы эту тему не обсуждали, жениха у Лены, насколько мне известно, не было. Она и вчера после выступления осталась, чтобы, как она выразилась, найти кого-нибудь подходящего.

— В каком смысле подходящего?

Певица снова залилась румянцем.

— Думаю, она интересовалась богатыми и влиятельными мужчинами.

— А ты? — вопрос к делу отношения не имел, но вырвался как-то произвольно.

Ангелина удивлённо посмотрела на бывшего начальника:

— Что? При чём здесь я?

— Ни при чём, просто интересно, — признался Арбенин, наблюдая, как её и без того алые щёки становятся пунцовыми.

— Если так интересно, спрашивайте не на допросе! — подняв голову негромко, но твёрдо заявила девушка.

— А где? На свидании? — Май понял, что разговор принимает опасный оттенок и поспешил сменить тему: — С кем она жила?

— Одна, снимала квартиру в районе Крылатских холмов, мы с ребятами-музыкантами были у неё пару раз в гостях. Из родственников у неё только мать, но они не общались.

— Почему?

— Лена говорила, она пьёт или что-то в этом роде.

— У неё были враги, недоброжелатели? Может, жаловалась на кого-то?

— Нет, только на Мишу, это наш гитарист, она ему нравилась, он ей — нет.

— Он ей угрожал?

— Нет, просто подкалывал постоянно, мог мышь в сумку засунуть или кнопку подложить, не больше. К тому же, когда я, расставшись с Леной, пошла в общий зал, он был там, и когда звонил Гоша, я его тоже видела.

— Хорошо. Во сколько ты вышла из гримёрки?

— В десять двенадцать.

— Откуда такая точность? — удивился Май.

— Посмотрела на часы, когда вызывала такси. А в прокуратуре постоянно щипала себя за руку, чтобы не назвать эту цифру.

— Бруталов замучил?

Девушка недоверчиво покосилась на собеседника, уловив в его голосе неожиданное сочувствие, и промолчала.

— Возле гримёрки никого не встретила? Никто не шёл тебе навстречу?

— Нет, я бы ещё вчера вам сказала.

— Помнишь тот запах духов? Лена не жаловалась, что он её преследует?

— Нет, никогда ничего такого не говорила.

— А теперь вернёмся к Маргарите Майер. Антон упоминал, что ты, возможно, видела убийцу?

Девушке вздрогнула и обняла себя за плечи, словно пытаясь согреться.

— Я видела человека в длинном тёмном плаще, от которого пахло теми самыми духами. Лица не разглядела и вообще ничего не запомнила.

«Главное, чтобы он не запомнил тебя и не счёл опасным свидетелем!» — мелькнула тревожная мысль, но Май предпочёл её не озвучивать, девчонка и так напугана, вон, вся дрожит.

— Только звонок телефона?

— Да. Но я никак не могу вспомнить, где его слышала! Я очень старалась, но ничего не получается, как будто там что-то заблокировано! Только хуже становится. — девушка вымучено улыбнулась.

Она с трудом сдерживалась, разговаривать не хотелось, хотелось сжаться в комочек и по-детски громко, никого не стыдясь разреветься. Потому что страшно! Потому что Лены и Риты больше нет! Потому что никто не застрахован от того, чтобы у него вот так, жестоко и безжалостно отняли жизнь! Потому что Май сейчас так близко и одновременно далеко! потому что она тосковала по нему целых полгода, а он сейчас снова уйдёт из её жизни, ни о чём не жалея!

Арбенин вздохнул, заметив её состояние. Рука сама потянулась к девушке в естественном желании обнять, успокоить, которое, впрочем, возникало у него крайне редко, но, повинаясь голосу разума, безвольно упала обратно. Нельзя — поймёт неправильно, да и ему сбой в эмоциях ни к чему, а учитывая почти стопроцентную вероятность прослушки... В общем нужно держать себя в руках, а руки подальше от неё как бы там ни хотелось чего-то другого.

— Ладно, не буду больше тебя мучить, отдыхай. Вспомнишь, позвони мне или Антону.

— Антону! — с вызовом заявила упрямица, и Май улыбнулся:

— Разумеется, Антону, я даже не сомневался, так, на всякий случай сказал. Ну, я пойду.

Она кивнула, не глядя в его сторону — предательские слёзы уже щипали глаза и в любой момент могли хлынуть ниагарским водопадом.

— Только двери обязательно замкни!

Она снова кивнула, чувствуя, как первая слезинка уже медленно сползает по щеке.

Арбенин постоял ещё немного и вышел. Разговор с Ангелиной ничего не прояснил в плане расследования, лишь усилил прежнее почти невесомое чувство вины и недовольства собой, доведя до вполне ощутимых размеров. Увы, девчонка не изменилась — всё та же упрямая наивная дурочка и вот это хуже всего! Как ни старался, он не мог вести себя с ней как с посторонней, а просто вычеркнуть из своей жизни как тогда, летом, сейчас не получится. По крайней мере, до конца расследования. Май с досадой пнул ногой консервную банку, мирно лежащую на асфальте. Чёрт бы побрал этого Холмса! К Рюмину он, видите ли, поехал! Вот в следующий раз пускай сам с ней разбирается!

— Ужасно! Ужасно! — с трудом подавляя рвущийся наружу энтузиазм, заключил Рюмин, посмотрев снимки новой «королевы». — А ведь Леночку я мог бы спасти, если бы вас предупредил, но, клянусь, я понятия не имел, как её зовут. Многие мои клиенты предпочитают называться сценическими псевдонимами, им так комфортнее, а я не возражаю. Зачем давить на человека бюрократической волокитой? Моё дело — вернуть ему покой, устранив разлад души и разума.

— Я вас понял! — нетерпеливо перебил его Антон. — Скажите, есть ли что-то общее в психологических портретах жертв? Ведь вы знали обеих.

— Да, всё как я вам говорил: молодые, довольно известные девушки, отличающиеся некоторой жестокостью в обращении с окружающими. Пока всё сходится.

Антон покорило это «пока», оно наводило на мысли о неизбежном продолжении «сериала».

— И в чём проявлялась жестокость Невезухиной?

— Она увела мужа у родной матери, то бишь своего отчима, а через несколько месяцев бросила. Мать его обратно не приняла, тот спился, да и несчастную женщину, по-моему, постигла та же участь.

— Неужели девушка сама вам об этом рассказала? — не поверил Антон.

— Мне рассказывают больше, чем исповеднику в церкви, — самодовольно улыбнулся Виталий Павлович. — Иногда такого наслушаешься! А Лена вовсе не считала свой поступок ужасным. По её мнению, мать неправильно распорядилась деньгами отчима, вернее фактически не имела к ним доступа, вот девятнадцатилетняя девица и нашла способ, получить к ним доступ лично.

— Девушки могут быть жестоки.

— Все мы можем быть жестоки в определённых обстоятельствах, — мягко поправил психолог. — Это заложено в нашей генетической памяти — наследство от предков воинов и охотников.

— Гм... ну вам виднее, а по какому поводу она вообще к вам обратилась? Совесть замучила?

Рюмин грустно улыбнулся:

— Нет, болезнь под названием «угрызения совести» Елену никогда не беспокоила, а обратилась она ко мне просто потому, что в круге её общения это считалось данью моды.

— Посещение психолога? — удивился Антон.

— Элитного дорогостоящего психоаналитика, — с достоинством поправил Валерий Павлович. — В Америке — это давно стало нормой, а у нас только входит в моду, да и то в определённых кругах.

Антон не стал спорить, вспомнив, что его мать тоже периодически «отдаёт дань моде».

— Валерий Павлович, во сколько вы вчера ушли с презентации?

— Не помню, — удивился психолог, — примерно в половине одиннадцатого, я обещал жене вернуться не поздно — она приболела и не смогла пойти со мной. А почему вы спрашиваете?

— Работа у меня такая, у вас своя специфика, у меня — своя.

Брови психолога удивлённо поползли вверх.

— Вы меня подозреваете? Неожиданно! Но, знаете, это даже интересно! А какой материал для моей диссертации!

Антон только головой покачал.

— Вы, несокрушимый оптимист, доктор!

— А как же иначе, только тем и спасаюсь. Позитивный взгляд, знаете ли, здорово облегчает существование!

— Верю на слово. Валерий Павлович, мне понадобится список всех ваших клиентов, подходящих под описание жертв маньяка и как можно скорее. За час управитесь?

Психолог растерянно развёл руками.

— Я не могу этого сделать, просто не имею права! Понимаю, обе девушки побывали у меня на приёме — но это досадное совпадение не более!

— А если нет? Вы укажите в своей диссертации, что могли бы спасти очередную жертву, но отказались? Я же не интересуюсь психологическими проблемами ваших клиентов, мне нужны только имена или что там у вас — псевдонимы! Поймите, возможно, именно от вашего решения сейчас зависит жизнь ещё одной девушки!

— Ух, как вы всё повернули! Я не отказываюсь просто... Хорошо, через час список будет готов, а какой период времени вас интересует, я ведь практикую здесь без малого пять лет?

Антон задумался.

— Полагаю, посещений этого года будет достаточно.

— Ладно, сделаю. Кстати, насчёт вашей просьбы. Я пообщался кое с кем знающим в наших узкоспециализированных кругах — увы, ничего утешительного. Никто с психологическими чертами, напоминающими нашего маньяка ни на учёте, ни даже просто на приёме у специалистов не отметился.

— Жаль, — разочарованно вздохнул детектив.

Он вдруг замер уловив странный звук по ту сторону двери — как будто где-то в отдалении проскакала вся конница Будённого. Звонок! Точно такой же слышала Ангелина!

— Увидимся через час! — быстро сказал Антон и, на мгновение позабыв о приличиях, бегом выскочил в приёмную, в которой столкнулся с Глебом Воронцовым... разговаривающим по мобильному.

Тот, узнав детектива, насмешливо кивнул ему в знак приветствия и без стука вошёл в кабинет Рюмина.

* * *

Май бесшумно проскользнул в приёмную детективного агентства и, теперь, прислонившись к стене, с улыбкой наблюдал за возившейся возле шкафа Риммой. Бывшие соседи не виделись больше четырёх месяцев, и он вдруг с удивлением обнаружил, что, пожалуй, даже скучал по девушке. Они больше пятнадцати лет жили на одной лестничной площадке. Её мама — процедурная медсестра делала деду уколы — он был диабетиком, а когда задерживалась на работе, просила Мая забрать Римму, которая была на шесть лет младше, из школы. Отсюда и пошли их ровные фактически родственные отношения. Секретарша, наконец, навела порядок на стеллажах и, обернувшись, увидела потерянного соседа.

— Май! — она радостно взвизгнула и бросилась ему на шею, а, отстранившись, грозно заявила: — Арбенин, ты — свинья!

— Спасибо, я тоже рад тебя видеть!

— Как ты мог вот так надолго исчезнуть и ничего мне не сказать!

— Неправда, я тебе говорил, что уезжаю.

— Ага, на пару недель, а сам пропал без вести! Хоть бы позвонил я, между прочим, переживаю

— Я собирался, ну знаешь, то батарейка садится, то деньги заканчиваются, прямо злой рок какой-то! — с серьёзным видом покаялся Май.

Римма хмыкнула:

— Ну, точно — свинья!

— Согласен, только не бей, Холмс у себя?

— Да, даже на обед не пошёл. Но он тебя видеть не захочет, представляешь, запретил упоминать твоё имя, прямо как в романах, — почему-то шёпотом сообщила Римма.

— Даже так? — засмеялся Май. — Не переживай прошлой ночью наши отношения перешли на новый уровень.

Он подмигнул девушке и скрылся в кабинете Антона.

— И чем это они занимались прошлой ночью? — удивлённо проворчала секретарша и, тяжело вздохнув, снова включила приёмники. Обеденный перерыв подошёл к концу — пора приниматься за работу: отслеживать анонимных заказчиков «Снежной королевы».

Увидев помощника, Антон взволнованно сказал:

— Я проверил алиби Воронцова — оно довольно шаткое. Девушки-близнецы действительно существуют, они...э...работают, в общем, принимают мужчин за деньги, ну ты понял. Даже запись ведут. В ночь убийства Воронцов действительно был записан на приём, принёс дорогой коньяк, шампанское и вся компания напилась так, что почти до полудня спала беспробудным сном. То есть спали девушки, а чем там занимался журналист они, естественно, не знают.

— Значит алиби под вопросом.

— Да, но это ещё не всё! Я сейчас встретил Воронцова в офисе Рюмина, он говорил по телефону! И угадай, какой звонок у него стоит на входящих — конский топот! — торжествующе заявил детектив.

— О как! — Май озадачено почесал затылок. — Тот самый звонок? Конечно, в век Лексусов и БМВ лошадки популярностью не пользуются, но этот звонок не такая уж редкость, такой звук можно из любого советского фильма вырезать.

— Я знаю, и всё же вероятность отследить по нему убийцу имеется. Нужно спросить у Ангелины не встречалась ли она с Воронцовым.

— О'кей только спроси, пожалуйста, сам. Я её, похоже, нервирую.

— Она ничего нового не сказала?

— Ничего, память отказывается выдавать информацию — такое иногда случается.

— Послушай, а может отвести её к психологу вроде Рюмина, они ведь могут выудить информацию под гипнозом.

Май нахмурился, представив себе картину «выуживания».

— Давай не будем с этим торопиться, я прослежу за Рюминым и Воронцовым, надо бы выяснить, что их связывает. Вряд ли журналист приходил на приём.

— Я спросил об этом у секретарши, она сначала заявила, что не имеет права выдавать

подобную информацию, а потом призналась, что видит его впервые. Проследи за ним и чем скорее, тем лучше! Я пока поработаю со списком «отсутствующих на балу» в момент убийства, а когда поеду к Рюмину поинтересуюсь целью визита Воронцова.

* * *

От психолога журналист вышел не скоро и в весьма дурном расположении духа. Мая особенно заинтересовал большой конверт, который тот с досадой бросил на сиденье автомобиля. Неужто снова почтальоном подрабатывает? Интересно, что в нём на этот раз? Конверт журналист оставил дома, а потом поехал в редакцию, где, видимо, планировал просидеть до вечера. Подождав около часа, Арбенин решил навеститься в холостяцкую берлогу сотрудника «Московских ночей». Когда-то ещё подростком он попал в шайку домушников и научился довольно ловко взламывать замки, теперь эти навыки весьмагодились. Легко и незаметно пробравшись в квартиру, Май почти сразу нашёл интересующий его конверт, он лежал в ящике компьютерного стола, заваленный бумагами и газетными вырезками. Мужчина нетерпеливо заглянул в него и громко присвистнул, обнаружив фотографии Рюмина целующегося с первой жертвой маньяка — Ритой Майер! Ещё один весьма пикантный снимок не оставлял сомнений в истинном характере их отношений.

* * *

Антон, взволнованный звонком Мая, выскочил из кабинета, собираясь нанести визит двуличному психологу, и едва не сбил с ног Римму, направляющуюся в его сторону.

— Римма, простите, я вас не ударил? Извините, пожалуйста, просто очень тороплюсь. Вы в порядке?

— В полном, — поморщилась девушка, потирая ушибленный локоть. — Антон Леонидович, вам тут просили передать.

Она протянула ему бирюзовую лаковую папку, запечатанную и подписанную как бандероль, но без почтовых штампов.

— Что это, Римма? Я ведь просил вас принимать только официальную почту! Где вы это взяли?

— Мальчик какой-то принёс, — смутилась секретарша. — Он так быстро убежал, что я не успела... Мне это выбросить?

— В следующий раз не принимайте таких вещей, — вздохнул Антон и неохотно взял папку.

Он догадывался о её содержимом и сознательно оттягивал момент вскрытия, словно боялся чего-то. Впрочем, он знал чего именно — необъяснимой связи между ним и убийцей. О том, что она действительно существовала, свидетельствовало это послание, уже второе и теперь адресованное лично ему.

Вернувшись в кабинет, Антон вскрыл папку и обнаружил там, как и предполагал, фотографии убитой Невезухиной. О том, кто мог их сделать гадать не приходилось.

К психологу детектив поехал только через пару часов, хорошенько всё обдумав и

настроившись на долгий непростой разговор.

Виталий Павлович встретил его прежней доброжелательной и жизнерадостной улыбкой.

— Антон Леонидович! А вы не торопились, списочек давно готов!

— Вот только не знаю насколько ему, то есть вам можно верить, — без лирических отступлений заявил детектив.

Рюмин престал улыбаться и удивлённо поинтересовался, чем заслужил подобное недоверие. В его безмятежном взгляде молниеносно мелькнула тень беспокойства. Мелькнула и исчезла бесследно, но детектив успел заметить эту почти неуловимую смену эмоциональных оттенков.

— Вы с самого начала не были со мной откровенны разве не так?

— Например?

— Например, почему вы не сказали, что с Маргаритой Майер вас связывали не только профессиональные отношения?

Виталий Павлович побледнел, но, надо отдать ему должное, довольно быстро взял себя в руки и почти спокойно сказал:

— Это вам тот жалкий писака рассказал? Я так и знал! Нашли кому верить, Антон Леонидович, да таких снимков в фотошопе можно сколько угодно сделать!

— Можно, только эти были сделаны не компьютерной программой, а самой обычной фотокамерой, я бы даже сказал не слишком дорогой и качественной. Один из моих помощников специализируется на компьютерных технологиях, впрочем, если вы сомневаетесь в его квалификации, можем передать снимки в прокуратуру — пусть ещё там проверят! — жёстко сказал Антон.

Рюмин побледнел ещё больше, а добродушное выражение лица мгновенно сменилось холодной злой маской

— А вам то что нужно? Тоже деньги? Сколько?! — грубо спросил он.

— Тоже? — уточнил Антон. — Воронцов вас шантажировал?

— Да! Этот ублюдок требует двести тысяч долларов! Совсем охренел, откуда у меня такие деньги?! Я психолог, а не олигарх! Ну, спал я с этой шлюхой и что с того? Да она за серебряное колечко любому отдавалась! И если бы не это убийство — плевать я хотел на все ваши угрозы! А теперь конечно и меня сюда приплетут: спал — значит, виноват! — горячился Виталий Павлович, ничем не напомилавший сейчас прежнего восторженного доктора.

— Виталий Павлович, успокойтесь! Сами говорили — психику беречь нужно, глотните валерианочки и давайте спокойно поговорим. Воронцов угрожал передать снимки в прокуратуру?

— Да, и напечатать в своей паршивой газетёнке, если не расплачусь, — Рюмин достал из кармана халата носовой платок и промокнул покрывшийся испариной лоб. — Пришлось пообещать, только времени попросил хотя бы неделю, а он стал орать, что деньги срочно нужны.

— Не переживайте, снимки и негативы теперь у меня, если конечно, это всё, что у него было. Одного не понимаю: зачем платить шантажисту, если вы не убивали девушку?

— Господи, конечно не убивал! Неужели, по-вашему, я способен на такое! — снова взвился психолог. — Но попробуй теперь докажи, что не верблюд, алиби ведь у меня нет, а тут ещё чёртов Маркин...

— Кто такой Маркин? Возьмите себя в руки и давайте по порядку.

Рюмин презрительно прищурился.

— А почему, собственно, любезнейший я должен вам что-то рассказывать? Чем вы лучше Воронцова? Вы, может быть, ещё хуже! Ему нужны лишь деньги, а вам — собственноручно пойманный убийца, чтобы реабилитироваться в глазах прессы и поклонников, так почему бы не сделать меня козлом отпущения? А что — подхожу идеально!

Антон спокойно выдержал его гневную тираду и невозмутимо заметил:

— Как профессионал, вы бы должны лучше разбираться в людях, Виталий Павлович. Если вы действительно невиновны, то, что мне даст ваша поимка, кроме очередной волны насмешек, когда появятся новые трупы из серии «Снежная королева»? Я дорожу своей репутацией, не меньше чем вы своей. К тому же у меня к этому... гм... существу есть пара личных вопросов. Сегодня я снова получил конверт со снимками убитой Невезухиной и меня очень интересует — какого чёрта он, она или оно дышит мне в затылок? Не кому-то другому, а именно мне? Я не собираюсь делать из вас козла отпущения, как вы изволили выразиться, но и утаивать информацию не позволю! Я понятно излагаю?

— Вполне, — заметно успокоившись, кивнул психолог. — Но я никакой информации не утаиваю, а если что-то и скрыл, то никакого отношения к убийству это не имеет.

— Позвольте мне самому судить. Присаживайтесь, Виталий Павлович, в ногах правды нет, или, вон, прилягте, — Антон кивнул на белоснежную кушетку. — Расслабьтесь, а то вы что-то сильно напряжены, разговор нам с вами предстоит долгий.

— Хорошо, — вздохнул Рюмин. — Рассказывать особо нечего, с Ритой у меня было небольшое приключение, по-другому не назовёшь, любовью там и не пахло, но мой сын каким-то образом узнал об этом и принял ситуацию слишком близко к сердцу. Он очень переживал, боялся, что я брошу его и мать, обещал разделаться с Ритой.

— Разделаться? — осторожно уточнил Антон.

— Мальчику восемнадцать — он очень импульсивен, но совершенно безобиден! — поспешил заверить психолог. — Он устроил мне грандиозный скандал, угрожал, а потом просто убежал куда-то. Я решил дать ему время успокоиться и остался ночевать в офисе. А ночью он ввалился ко мне в ужасном состоянии: абсолютно пьяный, невменяемый, в окровавленной одежде! Он почти сразу уснул на моём диване, так ничего и не объяснив. Представляете, как я испугался, учитывая его состояние и недавние угрозы!

— Вы решили, что он мог навредить Рите?

— Да, — вздохнул Рюмин. — Видимо специалист из меня действительно не важный — в родном сыне усомнился! Я попытался дозвониться Рите — не смог и тогда просто так, на всякий случай застирал одежду! А что мне было делать — звонить в полицию? За этим занятием меня застал неизвестно откуда взявшийся Маркин — мой ассистент, чтоб ему споткнуться! А утром я узнал о смерти Риты и вот тогда испугался по-настоящему!

— Виталий Павлович, ваш сын...

— Мой сын не имеет к этой истории никакого отношения! — категорично заявил психолог. — Оказывается, в тот вечер он просто подрался с кем-то из ровесников, его друзья это подтвердили. К тому же потасовка произошла в небольшом кафе — свидетелей нашлось много, вы сами проверьте, если мне не верите.

— Обязательно проверю, дайте координаты кафе и приятелей вашего сына. Больше ничего добавить не хотите?

— Так нечего добавлять, — развёл руками Виталий Павлович. — Это вся история, надеюсь, она останется между нами?

— Только в том случае, если полностью подтвердится, — сухо заметил Холмс, давая понять, что полное доверие ещё не восстановлено. — Список клиенток, пожалуйста.

— Вот, я его давно приготовил, постарался учесть все, о чём мы говорили. — Рюмин передал Антону бумагу. — Но на вашем месте, Антон Леонидович, я составил бы другой список.

— Какой? — насторожился детектив.

— Личный: люди из вашего прошлого и настоящего, ближайшее окружение, друзья семьи и так далее, — устало объяснил психолог. — Это второе послание убийцы, адресованное лично вам, говорит о том, что в его игре вы — ключевая фигура и, похоже, это доставляет ему не меньшее удовлетворение, чем убийства!

Геннадий Викторович Воропаев нервничал, что случилось с ним крайне редко, а за годы работы в «Элен» — никогда! Просто поводов не было: система прекрасно отлажена, работает чётко, без сбоев, всё схвачено, всё включено — ему оставалось лишь контролировать процесс и потирать руки, наблюдая, как растёт прибыль.

А теперь всё это под угрозой! У них на хвосте люди из... лучше даже не думать откуда, точнее пока только один человек, но достаточно влиятельный и опасный противник. Подкупить не получится, попытка закончилась полным провалом, убрать — слишком большой риск, это привлечёт внимание. Остаётся лишь один, зато почти беспроегрышный вариант — шантаж. Всё что нужно — найти его самое уязвимое место и зацепить, вот только с поиском возникли проблемы! Мужчина набрал номер мобильного и, услышав знакомый голос, в который раз потребовал отчёт о результатах этого самого поиска. Ответ был прежним.

— Так ищи лучше! — рявкнул Воропаев. — Люди — не гуси-лебеди, чтобы без документов обретаться! Всё равно должны быть какие-то бумажки — о рождении, о смерти, да о чём угодно, чёрт возьми! Ищи соседей, одноклассников, однофамильцев, в конце концов! Сроку даю — два дня, или ты сам у меня, Костенька, исчезнешь бесследно, вот тогда уж точно никто не найдёт!

* * *

— История с сыном Рюмина подтвердилась, я был в том кафе, его узнали по фотографии. Компания сидела там около часа, а потом началась драка. Во время убийства парень был как раз в центре рукопашной. — вздохнул Антон.

— Меня больше интересует, где в это время был его отец? — Май по старой привычке уселся на подоконнике, обхватив колени руками, и задумчиво разглядывал разноцветные огни вечерней Москвы.

— Почему? Аргументируй.

— Во-первых, скрывал связь с Майер.

— Не хотел огласки и боялся, что окажется в числе подозреваемых — это нормальная реакция, — возразил Антон. — Что, во-вторых?

— Есть свидетель, который видел, как он застирывал якобы окровавленную одежду.

— Но это была одежда его сына...

— А ты в этом уверен? — зевнул Арбенин. — Его ассистент не может точно сказать, чья именно это была одежда. Вот так-то! Рановато сбрасывать душеведа со счетов.

— Никто и не сбрасывает. Ты забыл о третьем, не менее важном пункте — он был знаком с обеими жертвами. Кстати, как и его ассистент. Ты в курсе, что он тоже есть в списке отсутствующих на презентации во время убийства?

— Маркин Денис Анатольевич? — сверившись с бумагой, уточнил Май. — Да они тут всей конторой гуляли! Значит, за ним тоже придётся присмотреть.

— Ага, как и за всеми остальными, — Антон скорчил недовольную гримасу. — Два бизнесмена средней руки, одна писательница, парочка банкиров и известный ювелир.

— Ещё халявщиц забыл, — подсказал Май, вновь заглянув в список. — Только их отследить очень сложно, сам знаешь.

Антон вздохнул, соглашаясь. Как всегда подобным светским мероприятиям, он просто не мог этого не знать. Халявщицами в их среде снисходительно называли охотниц за выгодными знакомствами, девиц, которые не получив приглашительного билета, всеми правдами и неправдами старались прорваться «на бал». Некоторым это удавалось, но в списках приглашённых, такие «золушки», разумеется, не числились, и соответственно, ни имени, ни адреса, ни даже хрустального бапшачка не оставляли.

— Один способ всё же есть, — вспомнил Антон свой не слишком приятный опыт общения с подобными «охотницами на принцев». — Нужно посмотреть на записи, с кем дамы завели или пытались завести знакомства, возможно у этих «счастливиц» отыщутся их координаты.

— Сделаю. Насчёт Воронцова: следил за ним целый день — не похож он на расчётливого убийцу: натуральный лох!

Антон поморщился.

— Ты не мог бы выражаться более понятно и прилично.

Арбенин усмехнулся.

— Куда же приличнее?! Ладно — растяпа, так лучше? Возьмём хотя бы конверт с фотографиями, если он действительно рассчитывал получить за них двести штук, мог бы спрятать получше! А то сунул в шкаф и даже не замкнул! Кстати, знаешь, для чего ему деньги понадобились? Проигрался наш парниша в пух и прах в местах хоть и запрещённых, но не столь отдалённых.

— Подпольное казино? — нахмурился Антон.

— Типа того, много денег крутым ребятам должен вот и решил надавить на психолога, а тут такой облом! Вернувшись домой, он через десять минут выскочил как ошпаренный на улицу — пропажу обнаружил. — самодовольно улыбнулся Май. — Вот меня он мог бы в тот момент убить, причём с удовольствием, а девушек вряд ли, его больше материальные блага интересуют. А из ценностей в обоих случаях ничего не пропало.

Антон скептически покачал головой.

— Пусть так, но откуда, по-твоему, у него эти снимки? Это же ясно как божий день — он следил за Ритой!

— Что не удивительно, учитывая желтизну его родной газетёнки. Снимки, компрометирующие знаменитостей, — их хлеб с маслом и чем известнее личность, тем больше масла.

— Всё равно продолжай слезку, мне не даёт покоя этот звонок! — признался детектив.

— Да, это и меня смущает, Скворцовой не звонил?

— Я предпочитаю не задавать такие вопросы по телефону. Хотел пообщаться лично, но дома не застал. Кира, девушка, с которой они вместе снимают квартиру, сказала — Ангелина ушла в кино.

— В кино? — нахмурился Май. — По городу маньяк разгуливает, а она вечерами по кинотеатрам слоняется! Легкомысленная девчонка!

— Не переживай, она не одна слоняется — с парнем, так что телохранитель имеется.

— С каким ещё парнем?! — возмутился Арбенин, почти забыв о маньяке. — Нет, это, по-твоему, нормально? У неё подругу убили, а она с парнями зажигает?! Ничего себе, как ты там её называл, ах да, — впечатлительная девочка!

— На что ты злишься? — удивился Антон. — Наверное, ей просто захотелось хоть как-то отвлечься. Это нормально! И вообще, какая тебе разница как она проводит время?

— Мне — никакой! — огрызнулся Май, снова отвернувшись к окну. — Досадно, что следствие топчется на месте, а эта твоя Скворцова, вместо того, чтобы вспомнить что-нибудь полезное на свидания бегают!

Холмс насмешливо поднял брови.

— А тебя больше беспокоит, что следствие топчется на месте или, что Скворцова на свидания бегают?

Слова Антона подействовали как холодный душ. Май глубоко вдохнул, напомним себе, зачем он здесь и уже спокойно сказал:

— Ещё больше меня беспокоишь ты: вместо того, чтобы делом заниматься — сплетни собираешь!

— Ничего себе заявление! И чем же, по-твоему, я должен сейчас заниматься — ночь за окном!

— Проработкой личных связей, — не оборачиваясь, ответил бывший помощник. — Тот, кто посылает тебе фотки, явно хочет этим что-то сказать. Что-то касающееся непосредственно вас двоих.

Антон вздрогнул, услышав слова Мая. Он не рассказывал ему о последнем совете Рюмина, и это независимое подтверждение слов психолога невольно прозвучало как откровение. Видимо никуда не денешься, придётся признать очевидное: он и убийца — звенья одной цепи, вот только где искать её начало?

* * *

Ангелина вернулась довольно поздно, после фильма они с Гошей ещё долго бродили по улицам, обсуждая недавние события. Тема болезненная, неприятная, но девушка сама её подняла. Лучше говорить о чём-то конкретном, иначе вице-сержанта Киселёва снова потянет на лирику. Она понимала, что нравится ему гораздо больше, чем допускает дружеская симпатия и это немного пугало. Ангелина теперь просто не знала как себя с ним вести. Терять старого друга не хотелось, вот и приходилось избегать прямого объяснения.

Кира, похоже, ещё не возвращалась. Ангелина посмотрела на часы, было уже далеко за полночь, и побрела готовить незатейливый ужин. По правде говоря, есть совсем не хотелось, но ей необходимо было чем-то заняться, чтобы хоть ненадолго отвлечься от всего этого кошмара. Кино не помогло. Романтическая и воспеваемая всеми знакомыми сага о вампирах «Сумерки», увы, не смогла рассеять те, другие сумерки, царившие на душе. Через полчаса появилась сияющая Кира:

— Привет! Как кино? — спросила она, быстро и шумно стаскивая верхнюю одежду.

— Привет, ничего, вроде бы интересно, — пожала плечами Скворцова, размешивая фруктовый салат. — А как твоё свидание?

— Отлично! — продолжая сиять, девушка уселась за стол и налила себе апельсинового сока. — Ой, Гелька, я такая счастливая! Мне даже немного стыдно чувствовать себя счастливой, когда вокруг такое творится.

— Не говори ерунды! Счастье нельзя отложить до лучших времён, оно либо есть, либо нет. Я рада за тебя, правда! — Ангелина села рядом. — Только почему твой избранник так

конспирируется? Даже я вас вместе ни разу не видела.

Кира погрузилась и принялась задумчиво теребить бахрому на скатерти:

— Понимаешь, нас и не должны видеть вместе. Он человек довольно известный, к тому же женат...

Последнюю фразу девушка произнесла совсем тихо, не глядя на подругу.

— Женат?! — повторила поражённая Ангелина.

— Да, женат! Есть жена и ребёнок! А я вот такая сякая — разлучница! Осуждаешь? О с вызов спросила Кира. — Ты, пойми, я его люблю и вовсе не собираюсь разрушать семью, просто хочу иногда быть рядом! Вот и всё!

Ангелина промолчала: кто она такая, чтобы судить о чьей-то личной жизни, если даже со своей разобраться не может. Хотя, конечно, от скромной и разумной Киры она такого не ожидала. Словно прочитав её мысли, Тимохина грустно улыбнулась:

— Всё-таки осуждаешь! А если бы твой любимый человек был женат, неужели ты отказалась бы от него навсегда?!

Ангелина вздохнула, не зная, что ответить. Арбенин свободен, но от этого ничуть не легче, скорее наоборот. Уж лучше бы был женат! Тогда хотя бы было понятно, почему он так странно себя ведёт.

* * *

Май подробно отчитался перед Воропаевым, отметив, что тот сегодня рассеян и слушает вполуха. Конечно, учитывая прослушку, он и так в курсе всех событий, но мог бы не демонстрировать наличие слежки столь явно.

— Геннадий Викторович, у нас проблемы? — осторожно спросил Май, устав беседовать с нереагирующим на слова истуканом.

Воропаев смерил его цепким изучающим взглядом:

— Да, у нас проблемы. Похоже, кто-то сливает информацию, как Воланд! Помнишь такого?

Конечно, он помнил Артура Воланда якобы погибшего в автокатастрофе, как написали в заключение о смерти. На самом деле парень погиб гораздо раньше, осуждённый «своими» за предательство. Один маленький укол в районе ярёмной вены, и в результате гарантированная остановка сердца. Ему, Маю, тогда было поручено усадить уже безжизненное тело в машину и инсценировать несчастный случай на безлюдном шоссе. Это и стало его боевым крещением в «Элен».

Арбенин непринуждённо улыбнулся.

— Если это так, ох и не завидую же я ему! Хотите, чтобы я...

Воропаев ещё долго сверлил подчинённого взглядом, потом махнул рукой в сторону двери:

— Нет, ты занимайся своим делом. Сейчас как никогда важно, чтобы наша компания не оказалась под пристальным вниманием прессы. А с засланным казачком я сам разберусь.

Арбенин кивнул и вышел, гадая, не считает ли большой босс этим самым казачком его самого? Вряд ли! Оснований — никаких, то есть почти никаких. Если не считать того, что он сын тех самых журналистов, которые вышли на след наркодельца Салимханова и погибли от руки нанятого им киллера. Но фирмы «Элен» тогда просто не существовало. Не было её и

когда ослепительно красивая девушка Анита вскружила голову двадцатидвухлетнему выпускнику академии МВД. Вскружила так, что ни о чём другом он думать просто не мог и сразу же перевёз её к себе — гражданские браки уже тогда были в моде.

Анита оказалась замечательной хозяйкой, к тому же медсестрой и вскоре стала делать уколы его деду, капитану милиции. Май вздохнул, вспомнив, как однажды вернулся со смены и обнаружил безжизненное тело деда. Анита же, введя огромную дозу инсулина и спровоцировав диабетическую кому, скрылась в неизвестном направлении, прихватив архив капитана Оболенского, в котором хранилась информация, способная погубить Салимханова и его сообщников. Дед собирал эти сведения несколько лет, а из-за беспечности Мая, погиб, так и не успев их обнародовать.

Фирма «Элен» появилась ровно через год после этих событий, и основал её, разумеется, Салимханов. Даже если Воропаев в курсе этой истории и знает кто он такой, ему, Маю, бояться нечего. Мало ли что было в прошлом! Он никогда и ни с кем не делился планами мести, а репутация нечистого на руку следователя, помогающего криминальным авторитетам разваливать уголовные дела за некоторую мзду, скажет лучше всяких слов. Точнее уже сказала, Май знал, что Воропаев такие справки наводил, он сам подсказал ему пару известных в определённых кругах имён, которым в своё время небезвозмездно помог избежать уголовной ответственности. Вот если Геннадий Викторович выйдет на тех, кто расплачивался не деньгами, а информацией, компрометирующей Салимханова, ему придётся очень туго, но такая вероятность фактически равна нулю. А значит, у него есть все шансы без помех встретиться с человеком, укравшим у него прошлое и настоящее. О том, что будущее он ворует у себя сам, Май предпочитал не думать.

* * *

Газета одиноко лежала на скамейке в заснеженном парке, её быстро перелистывал холодный ветер, с каждым порывом подталкивая всё ближе к краю и норовя столкнуть вниз. Молодая женщина подняла её и огляделась — поблизости никого, наверное, просто забыли или оставили за ненадобностью. Она прочла название и недовольно скривилась, узнав одно из самых жёлтых изданий города «Московские ночи». Её мама терпеть не могла подобную прессу, и эта неприязнь почему-то передалась дочери. Она уже собралась выбросить издание в ближайшую урну, но вдруг застыла на месте, разглядев фотографии убитых девушек.

Конечно, женщина была наслышана о маньяке, «коронуящем» своих жертв, о нём сейчас писали и говорили очень много, но эти фотографии были как две капли воды похожи на те, что она обнаружила недавно в старых маминых вещах и документах тридцатилетней давности. Вот только девушки на них были другие: живые, улыбающиеся, и одной из них в парике, с короной была её мать!

На следующий день детективы встретились ближе к вечеру и обменялись полученной информацией.

— Я проверил отсутствующих, ну, тот список, о котором мы говорили, у большинства есть алиби на момент первого убийства. Под подозрением, по-прежнему остаются наши психологи, дама, с которой пришёл Маркин, потеряв его из виду, тоже исчезла. Прибавь Воронцова и тех неопознанных девушек. Кстати, узнал о них что-нибудь?

— Пока нет. Я над этим работаю. Слежка за Воронцовым ничего не дала. Правда, он снова навещал Рюмина, видимо предъявлял претензии по поводу исчезнувших снимков. Выскочил оттуда с перекошенной физиономией, напился до чёртиков в баре неподалёку и был отправлен домой на такси, где до сих пор и пребывает, — отчитался Май.

Умолчал он лишь о том, что наблюдая за Воронцовым, случайно разбил свои наручные часы и обнаружил в них подслушивающее устройство. Ничего необычного в этом не было, всё как он предполагал. Но, оказавшись на пару часов вне системы, испытал ни с чем не сравнимое удовольствие от этой неожиданной свободы. Давно позабытое чувство комфорта и роскоши — быть самим собой и не контролировать каждое слово, да что там — каждую мысль! Как же ему этого не хватало!

— А я навёл справки об ассистенте — тоже ничего интересного, живёт один, всё время проводит на работе, периодически...э...встречается с симпатичной блондинкой, с ней же был на презентации. Алиби ни в первом, ни во втором случае не имеет. — Антон тяжело вздохнул и с неохотой признался: — насчёт проработки связей, не получается у меня ничего! Понятия не имею, с какой стороны здесь подступиться и к кому? У меня нет случайных знакомых, все — нормальные, самодостаточные, довольные собой и своей жизнью личности. Большинство — влиятельные, известные люди, да ты сам знаешь всех мои знакомых и родственников. Не могу представить, что кто-то из них способен на такое!

В дверь заглянула Римма и сообщила, что пришла Ангелина Скворцова.

— Вот и отлично! — оживился Антон. — Я в этой суматохе совсем о ней забыл. Римма, что же вы стоите, ведите девушку и не забудьте предложить ей кофе или чай!

Секретарша недовольно передёрнула плечами и скрылась за дверью. Май поймал себя на абсурдном желании пригладить взъерошенные волосы и чертыхнулся крайне недовольный собой. Вошла Ангелина, поздоровалась и, стараясь не смотреть на Арбенина, села напротив Антона.

— Кира сказала, вы приезжали?

— Да, хотел кое-что спросить, но мы немного разминулись, — улыбнулся Антон.

— Я была...э... занята, — немного смущённо призналась девушка.

— Интересно чем? — насмешливо поинтересовался Май. — Просмотром фильма, поеданием попкорна или альтернативным вариантом развития событий?

— Как ещё альтернативным вариантом? — насторожилась Ангелина.

— Как каким? Молодёжным: последний ряд — места для поцелуев и так далее и тому подобное!

— Опять по себе судите! — возмутилась певица. — Я просто хотела отвлечься, вот и пошла в кино, что здесь такого? И вообще, я не обязана перед вами отчитываться.

— Ну и как фильм? Никто не умер? Все герои счастливы? Полный хэппи-энд?

— Вам сюжет пересказать или письменно изложить? — огрызнулась Ангелина.

— А это смотря какой фильм, если эротический — лучше показать наглядно, — улыбнулся Май, любуясь горячим румянцем, немедленно залившим её бледные почти прозрачные щёки.

— Вообще-то он про вампиров и оборотней, показать наглядно? Могу укусить! — съязвила девушка и почти умоляюще посмотрела на удивлённого этой словесной перепалкой детектива. — Антон Леонидович, я пришла по делу, и у меня нет времени выслушивать плоские шуточки этого человека! — она пренебрежительно кивнула в сторону развеселившегося Арбенина.

Антон смерил его укоризненным взглядом:

— Май, ну что ты в самом деле, веди себя прилично, не пугай девушку!

— Кто кого пугает? Это она грозила меня укусить! — ворчливо напомнил Арбенин. Он забрался на подоконник и замолчал, давая понять, что вмешиваться больше не будет.

— Ангелина, я хотел спросить, видели вы когда-нибудь этого человека? — Антон распечатал на обычном листе фотографию Воронцова и протянул певиче.

— Видела, это такой вредный журналист! — кивнула она. — Я встречала его несколько раз на вечеринках и так называемых «тусовках бомонда», которые обязана посещать. Он ведёт себя очень нагло: может сунуть свою камеру прямо в лицо и без разрешения сфотографировать. А что с ним?

Детектив и бывший помощник переглянулись.

— С ним всё в порядке, просто... Ангелина, я снова о том звонке, вы не могли его слышать у Воронцова, это фамилия журналиста? — осторожно спросил Антон.

— У журналиста? — растеряно повторила девушка. Она надолго замолчала, погружившись в воспоминания, затем беспомощно развела руками: — Не помню! Честное слово, постоянно об этом думаю, но безрезультатно. Простите, что ничем не могу помочь.

Антон вздохнул:

— Не расстраивайтесь, такое иногда бывает, ответ, как правило, приходит позже, когда напряжение спадает. Но ждать в нашем случае — непозволительная роскошь. Ангелина, существует способ приоткрыть завесу памяти с помощью лёгкого гипноза или погружения в транс, это может сделать любой квалифицированный психолог. Если бы вы согласились...

— Вы хотите, чтобы меня ввели в транс? — Ангелина испуганно посмотрела на Мая. Тот едва заметно покачал головой, призывая не соглашаться и спрыгнув с подоконника, подошёл к столу.

— Не вижу в этом никакой необходимости, — спокойно заметил он, расположившись за её креслом. — Этот звонок, как я уже говорил, не такая уж редкость. А за Воронцовым я и так слежу почти круглосуточно.

— Вот именно — почти! — Холмс был крайне недоволен его вмешательством. — Ладно, если это он — замечательно! Очередное убийство мы предотвратим, а если нет? Что тогда — получим труп ещё одной «королевы»? На данный момент этот звонок хоть какая-то зацепка!

— Если это так важно, я, конечно, согласна, — неуверенно сказала девушка. — Только можно не сегодня? Мне нужно хоть немного настроиться.

— Пустая трата нашего времени и её нервов! — холодно заметил Май, когда девушка ушла.

— Я так не считаю, — возразил Антон.

— Разумеется, ты так не считаешь! Ладно, раз моё мнение здесь никого не интересует, постарайся хотя бы найти действительно квалифицированного специалиста, и учти, что Виталий Павлович Рюмин таковым не является.

— Не понимаю, что тебя беспокоит, это совершенно безобидная процедура, — продолжал настаивать детектив.

— Меня беспокоит не процедура, а её последствия!

— Господи, да какие последствия? У тебя просто богатое воображение!

— У меня его вообще нет, — прежним тоном заявил Арбенин. — Зато память хорошая, вот и вспомнился один похожий случай пятилетней давности. Была у меня девчонка-свидетельница, случайно подняла паспорт оброненный убийцей (разумеется, не зная, кто он), догнала и вернула. Вроде бы и фамилию видела и лицо, а вспомнить ничего не может — хоть ты тресни! Мучился я с ней, мучился и тоже решил (продвинутый был следователь) выудить сведения под гипнозом. Договорился со штатным психологом, назначили время...

Май замолчал, в который раз разглядывая пейзаж за окном.

— И что? Не получилось? — невольно заинтересовался Антон.

— Не получилось, — криво и как-то горько усмехнулся Арбенин. — Уж не знаю, кто там проговорился, но слух дошёл до убийцы и он задушил девчонку той же ночью, хотя раньше о её существовании в качестве свидетеля даже не задумывался.

Антон невольно поёжился.

— Грустная история, но с нашей ничего общего не имеет. Всё будет конфиденциально и...

— Какая к чёрту конфиденциальность?! — сердито перебил Май. — Ты забыл в какой стране живёшь? Даже если девчонка сама никому не проболтается, твой чудесный специалист за определённую плату выложит любую информацию! Врачебная тайна — это всего лишь лейбл, повышающий стоимость товара, не более, у них даже стандартные расценки имеются!

— Да кто будет покупать такую информации? Убийца? Глупо — откуда ему знать...

— Не забывай о журналистах, они пристально следят за развитием ваших с маньяком «романтических» отношений! — Антон болезненно поморщился, услышав последнюю фразу. — Разве ты не заметил дежуривших под окнами агентства «часовых». Ты пытаешься вычислить убийцу, а они — этапы твоего расследования! А поскольку девчонка — один из них, они могут взяться за неё в серьёз. Представляешь себе заголовки: «Холмс нашёл свидетеля! Убийца будет опознан!» Угадай, что в этом случае ждёт Скворцову?

Антон задумался.

— Убийца обязательно на неё выйдет. Между прочим, ты когда-то сам обучил меня искусству «ловли на живца», а что если снова попробовать?

— С ума сошёл?! — возмутился Май. — Впрочем, понимаю, эта история напрямую затрагивает твои интересы и ты готов пожертвовать чем и кем угодно на пути к своей цели.

Антон презрительно прищурился и холодно процедил:

— Да, готов! Только и ты, напарник, ничуть не лучше! Разве тебе не хочется выслужиться перед крутым начальством любой ценой?! И не надо строить из себя благодетеля, ты никогда им не был! Со Скворцовой ничего не случится, а если случится, что ж, по крайней мере, она точно будет последней жертвой этого чудовища!

— Эх, врезать бы тебе как следует! — с чувством сказал Май. — Закончил дурака валять или всё-таки съездить по морде?

Антон глубоко вздохнул, словно выныривая из-под воды:

— Ладно, признаю, с подставой я погорячился, но к психологу её всё равно отвезу! — упрямо, как ребёнок, настаивающий на своём, заявил он.

* * *

Ангелина вышла на улицу и шумно вдохнула холодный вечерний воздух, стараясь успокоиться. Ей совсем не нравилась идея Антона с погружением в транс, было немного страшно, но ничего не поделаешь, вдруг это действительно поможет найти убийцу. Подумав о маньяке, девушка непроизвольно оглянулась: вокруг ни души, темно и страшно. Обычно в это время на улицах ещё встречаются прохожие, но сегодня, как назло — никого. Она с досадой покосилась на окна агентства — могли бы проводить! А что если вернуться и попросить. Май, наверное, не откажется. «А почему не Антон?» — насмешливо передразнила она сама себя. Неизвестно как он воспримет такую просьбу? Как кокетство или что похуже?

«Нет уж! — девушка решительно тряхнула волосами, приняв решение. — Она больше ни за что не станет позориться и навязываться как раньше. Зачем? Чтобы снова быть отвергнутой? Если хочет, пусть теперь сам делает первый шаг!»

Ангелина бросила последний взгляд на освещённые, но пустующие окна агентства и решительно направилась в сторону метро. Погружённая в свои мысли, девушка не заметила неприметную серую «Волгу», тронувшуюся вслед за ней.

* * *

Ещё один тяжёлый вздох и очередная скомканная бумажка полетела в мусорную корзину. Несмотря на поздний час, Антон не торопился домой, пытаясь разобраться в хитросплетениях расследуемых убийств. Арбенин продолжил прерванную недавним совещание слежку за журналистом, а он, расположившись в приёмной, всё чертил на бумаге схемы, неизменно заводящие в тупик и прислушивался к голосащим приёмниками, в ожидании нового рокового заказа.

«Королева» частенько фигурировала в традиционных просьбах «поставить для», но ничего зловещего в них не было, аноним не звонил. Антон снова вздохнул, устало потирая виски, хотелось надеяться, что он больше не позвонит... хотелось, но не получалось. Специфика работы детектива и необоснованный оптимизм взаимоисключали друг друга.

В дверь негромко и как-то робко постучали. Антон удивлённо посмотрел на часы — начало двенадцатого, время романтических свиданий, но уж никак не деловых встреч! Интересно кого там принесло? Может, Римма что-то забыла, но у неё есть ключи от входной двери, Май вообще стучать не станет, у этого всегда набор отмычек наготове. Стук стал более настойчивым. Антон невольно оглянулся на дверь своего кабинета, там, в ящике стола лежал пистолет.

— Извините, здесь есть кто-нибудь? — раздался звонкий женский голос и детектив поспешил открыть дверь.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти в больших, обезображенных толстыми

линзами и массивной оправой очков. Они ей совершенно не шли, и незнакомка об этом знала, поэтому поспешила снять шапочку и украсить шикарными рыжими локонами, немедленно рассыпавшимися по плечам.

— Добрый вечер, я смотрю у вас в окна свет, и музыка играет, вот и решила постучать, — смущённо призналась она.

— Музыка? — Антон озадачено покосился на продолжающие пищать в разнобой приёмники. — Вы ко мне? Вообще-то я посетителей уже не принимаю. Рабочий день давно окончен.

— Я знаю, знаю! — торопливо заговорила поздняя посетительница. — Просто утром я вас не застала, а потом сама была занята. Нам обязательно нужно поговорить, это касается смерти тех девушек, которые... в коронах и париках, если, конечно, вас это интересует?

— Конечно, интересует! Проходите, располагайтесь! — Антон помог женщине снять верхнюю одежду, отметив, что бежевый плащ на пихоре давно вышел из моды, а вязаная шапочка в неё, похоже, вообще никогда не вписывалась, разве что в конце 50-ых носили нечто подобное.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Незнакомка устроилась на самом краешке кресла для посетителей и смущённо поглядывала на Антона из-за толстых безобразно увеличивших её карие глаза линз, не смея начать разговор первой. Антон вздохнул, с трудом подавив раздражение, стоило вламываться к нему такой час, чтобы теперь смущённо хлопать ресницами. Может она журналистка или, не дай бог, поклонница, а предлог выдумала в качестве пропуска.

— Меня зовут Лиза, — заговорила, наконец, посетительница, решив, что дольше молчать просто невежливо. — Я увидела фотографию в газете и решила показать вам вот это.

Она долго копалась в большой чёрной сумке, из тех, в которых практичные домохозяйки умудряются разместить половину овощного рынка и супермаркета. Затем, спустя не меньше пяти минут томительных неуклюжих поисков, извлекла из её бездонных недр старый черно-белый снимок, точнее одну его часть и протянула начавшему терять терпение детективу.

Антон долго разглядывал двух девушек в экзотических полупрозрачных нарядах аля «Снежная королева», затем взволнованно спросил:

— Кто эти женщины, Елизавета?

— Та, что слева — моя мама, вторую не знаю, — грустно вздохнула Лиза, словно испытывая вину за свою неосведомлённость. — Я совсем недавно нашла снимок в маминых вещах. Понятия не имею, откуда он взялся и почему мама так странно одета.

— А где его вторая часть?

— Не знаю, — снова вздохнула женщина, — он уже был разорван. Если нужно я поищу.

Антон ещё раз внимательно изучил фотографию, отметив, что в последнее время только этим и занимается: сначала снимки жертв, потом фото-презентация от Воронцова, избравшим в качестве музыки Рюмина, теперь — это, прямо хоть выставку открывай!

— Здесь чья-то рука с боку, значит, на оторванной части должен быть ещё один человек, поищите, пожалуйста!

— Хорошо, я постараюсь, — послушно согласилась Лиза, комкая в руках свою нелепую шапочку.

— Постарайтесь, может быть вам помочь?

— Нет, я...э там на чердаке, где мамины вещи лежат грязно и потом... — женщина

залилась яркой малиновой краской и потупившись призналась: — у меня муж ревнивый очень, ему бесполезно что-то объяснять, настоящий Отелло! Вот и сегодня пришлось сказать, что иду к подруге, хорошо хоть она согласилась подстраховать.

Антон с сомнением посмотрел на продолжающую смущаться Лизу. На Дездемону она совсем не походила — далеко не юный возраст, эти ужасные очки, густые некрасивые брови, брекеты на зубах! Дама скорее напоминала главную героиню сериала «Не родись красивой». Неужели таких ревнуют? Впрочем, вкусы у всех разные.

— Хорошо, как скажете, не будем тревожить вашего Отелло. Надеюсь, вы найдёте вторую часть снимка, это может быть важно.

Она кивнула и, поднявшись из кресла, неуверенно спросила:

— Я могу идти?

— Понимаю, торопитесь вернуться к любимому, ещё один вопрос: чем занимается ваша мама?

— Она умерла несколько лет назад от сердечного приступа.

— Примите мои соболезнования и извините за бестактность. А чем она занималась в то время, когда было сделано фото, здесь указан 1979 год.

— Она была певицей, правда, не слишком известной. Вряд ли вы о ней слышали.

— Как её звали? — взволнованно уточнил детектив.

— Галина. Галина Перова.

Ангелина только что вернулась с похорон Лены, когда позвонил Арбенин и напомнил о вчерашней договорённости. Простившись с Кирой, девушка нерешительно вышла из подъезда. Визит к психологу по-прежнему напрягал, она уже не раз пожалела, что согласилась. Даже представить страшно — кто-то чужой будет копаться в её самых сокровенных мыслях и чувствах, в которых она самой себе порой боялась признаться! Но что поделаешь, за язык никто не тянул, а теперь отступить уже поздно. Май ждал возле машины, увидел её и помахал рукой.

— Привет, звёздам эстрады!

Ангелина скорчила гримасу.

— Привет асам частного сыска. А где Холмс?

Арбенин закатил глаза.

— Опять! Твой любимый вопрос?

— Мой любимый детектив, — поддразнила Ангелина, сразу позабыв о недавних гнетущих мыслях. Рядом с ним хотелось дурачиться и болтать о пустяках. Хотелось забыть обо всём и просто жить — легко, беззаботно, радостно: так, как у неё ещё никогда не получалось. Отступили даже воспоминания о похоронах Невезухиной.

Май внимательно посмотрел на улыбающуюся девушку и устало улыбнулся в ответ, в уголках глаз обозначились тонкие лучики морщинок.

— Придётся вызвать его на дуэль, — пошутил он, но в голосе тоже сквозила усталость.

— Опять всю ночь работали? — догадалась девушка, борясь с желанием прикоснуться к нему, разгладить эти морщинки, обнять, уткнуться в плечо и шептать что-то бессвязное, глупое, вечное.

— Что, так заметно? — Май невольно бросил взгляд в зеркало заднего вида и присвистнул: — М-да, красота, помноженная на возраст и бессонную ночь — это о-очень страшная сила! Ладно, садись в машину, нас уже ждут.

Он распахнул переднюю дверцу.

— Назад садиться не предлагаю, вдруг набросишься и покусаешь, как обещала.

— Значит, вы меня боитесь?

Май удивлённо обернулся, уловив в её голосе вызов и ещё что-то новое, интригующее, манящее. В синих глазах странный блеск и ожидание... чего, чёрт возьми? Он облизнул внезапно пересохшие губы и зачем-то продолжил опасную тему:

— Не боюсь, просто предпочитаю контролировать процесс. Девушки меня и раньше покусывали, но, как ты сама понимаешь, при других обстоятельствах и довольно нежно, к тому же я сам выбирал куда кусать! — Арбенин облегчённо вздохнул, прекрасно зная, что сейчас произойдёт: она смутится, покраснеет как солнышко на закате, отвернётся и будет всю дорогу молчать, не желая больше слушать его пошлые шутки, только всё получилось иначе.

Ангелина действительно покраснела, но не отвернулась, а посмотрела ему прямо в глаза и, оказавшись вдруг совсем близко, полунасмешливо полусерьёзно сказала:

— Я ведь тоже могу нежно.

Май жадно вдохнул холодный зимний воздух, чтобы хоть как-то унять нестерпимый жар, мгновенно разлившийся по всему телу. Её дыхание обжигало, мысли путались, взгляд

скользнул по правой руке, зацепился за новенькие швейцарские часы, и в голове немного прояснилось.

Рано утром Воропаев вызвал его к себе и, улыбаясь одними губами, (глаза в этом процессе никогда не участвовали) протянул часы со словами: «Слышал, твои разбились, носи — противоударные, дарю!». Больше не было сказано ни слова, ни с той, ни с другой стороны, но в это мне было нужды. Воропаев понял, что Май знает о прослушке и принимает условия игры, Арбенин — что он снова под колпаком системы, причём от него это даже не пытаются скрыть, а значит нужно по-прежнему контролировать слова и эмоции, особенно, такие как эти.

Он поспешно отвернулся и, отрывисто бросив «Нам пора, садись в машину!» нырнул в салон первым. Когда девушка устроилась рядом, мужчина пожалел, что не пустил её на заднее сиденье: модное чёрно-белое пальтишко было таким коротким, а изгиб оголившихся коленей таким манящим, что он невольно чертыхнулся, отодвигаясь как можно дальше.

— Тебе жарко или специально так вырядилась? — проворчал он. — Помнится, раньше ты была скромнее!

— Разумеется, специально, я ведь думала — с Холмсом поеду, — невинно улыбнулась Ангелина крайне довольная произведённым впечатлением: так ему и надо, не всё ж ей одной мучиться!

Май одарил её тяжелым взглядом, резко повернул руль, и машина рванула с места с такой скоростью, что девушка, несмотря на пристёгнутый ремень, едва удержалась в кресле.

В приёмной психолога певица вела себя уже не столь уверенно, она оглядывалась по сторонам как перепуганный ребенок, с трудом подавляя желание схватить Мая за руку и не отпускать.

— Боишься? — догадался Арбенин. — Не переживай, всё будет нормально и даже не больно.

— Я знаю, видела пару фильмов, где это делали, — кивнула девушка, она беспомощно посмотрела на Мая, растеряв всю недавнюю дерзость, и жалобно спросила: — А вы не уйдёте, пока я...

— Ну куда же я с подводной лодки? С тобой пойду и буду сидеть рядышком до конца процедуры, идёт?

— Да, спасибо, то есть нет! Не надо рядом, лучше здесь подождите! — испугалась Ангелина, вдруг в состоянии транса она скажет что-нибудь такое, чего ему знать не положено.

Май хотел было возразить, но передумал, не хочет — ладно, девчонку сейчас лучше не нервировать. В любом случае всё, что она скажет, будет записано на диктофон.

— Хорошо, как скажешь, — устало согласился он. — И успокойся, это, действительно, плёвая процедура.

Ангелина неуверенно кивнула, огляделась и замерла, увидев уборщицу с ведром.

— Что такое? — испугался Май, почувствовав, как она буквально вцепилась в его руку.

— Не надо никуда идти, я вспомнила, я всё вспомнила! — бормотала Скворцова, вытаскивая его словно на буксире в коридор. — Всё как тогда: и приёмная, и секретарша, и уборщица, вот там я его и слышала, этот звонок.

— Да где там? — не понял Май.

Девушка остановилась и перевела дыхание.

— В приёмной Рюмина, когда приходила записываться!

Антон Холмс нетерпеливо барабанил пальцами по столу в ожидании хоть каких-нибудь новостей. Рассуждения Мая были не лишены логики, поэтому он не поехал с Анжелиной: привлечь к ней внимание журналистов не стоило. Пока не стоило, «ловля на живца» — это на крайний случай. Чтобы там ни говорил Май, если расследование застопорится и традиционные методы ничего не дадут, придётся...

Его размышления были прерваны звонком телефона, соединяющим кабинет и приёмную. Римма сообщила о визите вчерашней посетительницы, и Елизавета возникла в проеме двери даже не удосужившись раздеться в приёмной. На её поблёкшей бежевой пихоре и густых рыжих волосах белели редкие снежинки, щёки покраснелись, дыхание было частым и прерывистым, словно дама только что почувствовала в длительном изнуряющем забеге.

— Антон Леонидович, я принесла то, что вы просили. Вот, извините, очень тороплюсь, отлучилась буквально на минутку! — она положила что-то ему на стол и почти бегом выбежала из кабинета.

Антон повертел в руках обрывок фотографии и заметил, что сверху к нему пристал маленький бумажный квадратик. На небольшом обрывке бумаге было записано название какого-то лекарства, он прилип к глянцевой поверхности, да так и остался на ней, а Лиза, возможно, будет искать. Детектив поспешил догнать женщину, но в приёмной её уже не было. Антон выглянул за дверь и облегчённо вздохнул, обнаружив Лизу на лестничной площадке. Он собирался окликнуть её, но женщина разговаривала с кем-то по телефону и Антону, хоть он, не смотря на профессию, считал дурным тоном подслушивать чужие беседы, этот разговор показался очень интересным.

— Да, я всё сделала, только что передала! Фотография и адрес, всё как ты сказал!

Пока Холмс решал, как убедить женщину говорить правду, на лестнице показались Май с Анжелиной, а дочь Галины Перовой мгновенно и как-то незаметно скрылась.

Выслушав девушку, Антон покачал головой.

— Всё-таки надо было пойти к специалисту.

— Зачем, я ведь и так вспомнила! — удивилась Ангелина.

Май усмехнулся, заметив, что колени, якобы оголённые для Холмса она теперь старательно прячет под стол.

— Но ведь вы не можете сказать, чей именно телефон звонил?

Девушка задумалась.

— Не могу. Звук был как будто отовсюду, я даже испугалась, а уборщица сказала, что это телефон звонит.

— Чей?

— Не знаю, — Ангелина растерянно посмотрела на Мая.

Возвращаться туда, откуда только что сбежала, не хотелось. Если утром она ещё как-то была настроена на неприятную процедуру, сейчас от этого настроения не осталось и следа.

— А ты уверен, что в прошлый раз звонил мобильный Воронцова? — задал тот встречный вопрос детективу.

— Теперь уже нет. Я услышал звонок, вышел в приёмную и увидел разговаривающего по телефону журналиста.

— Увидеть и услышать — разные вещи, — резюмировал Май. — Вполне возможно, звонил телефон кого-нибудь из сотрудников или посетителей Рюмина, а, может, это был аппарат самого душеведа? Он мог ведь просто забыть его в приёмной. Поскольку уборщица безошибочно сориентировалась в происхождении столь редкого для современных дорог звука, слышала она его не в первый раз. Скворцова, вспомни, пожалуйста, кто был рядом, когда сие чудо природы и техники услышала ты?

— Секретарша, уборщица и... какой-то мужчина заходил в кабинет Рюмина, его лица я не видела.

— Мужчина, — задумчиво повторил Антон. — Не Воронцов ли?

— Журналист? Нет, тот другой был не такой высокий и немного сутулился.

— Не слишком высокий и немного сутулился — не густо, других более индивидуальных примет нет?

— Нет, помню только, он был простужен — кашлял всё время.

— Хорошо, надо будет поинтересоваться у Рюмина, кого он принимал в интересующее нас время, — вздохнул детектив. Простуда в ноябре вряд ли могла считаться особой приметой. — Чуть не забыл об ассистенте, он наверняка был там же.

— Посему общаться на эту тему с нашими чудо-психологами не стоит, — подытожил Май. — Есть путь короче — поговорить с той самой уборщицей, она, судя по всему, в курсе.

— Хорошо, вот вы с Ангелиной этим и займитесь. Только вопросы нужно задавать ненавязчиво, естественно.

— Не учи учёного, — отмахнулся Арбенин. — А что это за...гм... гений чистой красоты тебя сегодня посетил в очках и с брекетами? Опять Алине изменяешь?

Антон нахмурился, вспомнив о странном поведении Лизы.

— Долгая история, потом расскажу, отвези пока Ангелину к Рюмину.

Вернувшись в кабинет, детектив ещё раз осмотрел снимок. Низкое качество плёнки и время сделали лицо изображенной на нём девушки тёмным и нечётким, хорошо видна была лишь мушка над верхней губой, точно такими же убийца украшал лица своих жертв.

* * *

Ангелина неуверенно огляделась по сторонам, она уже дважды за сегодняшний день оказалась в приёмной психолога, и как и в первый раз визит не вызвал приятных эмоций.

— Добрый день! — приветливо улыбнулась ей секретарша. — Хотите записаться на приём?

— Я...э да, хочу записаться. — Девушка подошла ближе, продолжая оглядываться. Уборщицы видно не было, зато в любую минуту мог появиться... убийца, если, конечно, тот звонок имеет отношение к делу. О, господи, хоть бы не имел! Мысль о том, что несколько дней назад она лицом к лицу столкнулась с маньяком — пугала, не отпускала, изводила бесконечными, будоражащими воображения кровавыми картинками.

— К сожалению, на ближайшие дни время расписано, могу записать вас лишь на десятое февраля. В два часа — устроит?

— Что? Да, записывайте.

— Дайте паспорт или просто назовите свои данные.

Ангелина продиктовала требуемую информацию и вышла из офиса, не зная, что

предпринять дальше. Однако долго гадать где искать уборщицу ей не пришлось: женщина сама шла навстречу, вынырнув из дверей соседнего офиса. Ангелина среагировала мгновенно, нажав нужную клавишу телефона, заранее настроенную, Маем и пространство вокруг заполнил душераздирающий крик динозавра из фильма «Парк Юрского периода».

— Ой, что это?! — испуганно вздрогнула женщина.

— Не пугайтесь — просто звонок, — поспешила успокоить её певица. — Начальник звонит, этот рёв напоминает его обычную манеру общения. Я вообще коллекционирую всякие необычные звуки.

— А...забавно, но непосвящённых может запросто кондратий хватить, — устало улыbnулась женщина, поправив короткие светлые волосы. Ангелина невольно залюбовалась её глазами: большие, глубокие, неповторимого фиалкового цвета. Какой мужчина в такие не засмотрится?!

— Что есть, то есть. Я когда в первый раз сюда пришла и услышала топот целой конницы, тоже едва зайкой не стала!

— А, это! — засмеялась обладательница фиалковых глаз. — Я тоже пару раз подпрыгивала, а потом ничего — привыкла.

Ангелина поняла, что она на верном пути и вот-вот прибудет в пункт назначения.

— Классный звоночек! Он мог бы здорово украсить мою коллекцию, не знаете чей? Попрошу скинуть.

— Ой, не знаю. Я здесь сразу в нескольких офисах убираюсь, а этот звук всегда оттуда слышу. — Она кивнула в сторону владений Рюмина. — Вы у Вики, секретарши спросите, она подскажет.

Ангелина с трудом подавила вздох сожаления.

— Спасибо, обязательно спрошу. А вдруг это был телефон Рюмина, не обращаться же к нему с такой нелепой просьбой!

— Почему? — искренне удивилась блондинка. — Я же обращалась, он мне недавно скинул пару песен.

* * *

«Я всё сделала, только что передала! Фотография и адрес, всё как ты сказал!» — вспоминал Антон слова Лизы, изучая оставленный ею бумажный листок. В нижнем углу он обнаружил мелкие латинские буквы, очень напоминающие адрес какого-то сайта. Не этот ли имелся в виду?!

Вооружившись лупой, Антон быстро перенёс буквы в поисковик Яндексa и через пару секунд получил несколько ссылок, которые привели его на форум с весьма красноречивым названием «Сплетни. ru». Брезгливо поморщившись, детектив пробежал глазами темы: «В постели со звездой», «Интриги и секс», «Грязное бельё». Несколько минут он добросовестно пытался не утонуть в море тошнотворных сплетен и скабрeзных анекдотов о знаменитостях, но, отчаявшись выудить из него хоть что-то полезное, с досадой отключил интернет. Дверь без стука приоткрылась и в кабинет просунулась взлохмаченная голова Алика Белкина, вернувшегося из недельного отпуска.

— Здравсьте! Я уже тут! С сегодняшнего дня работаю в офисе.

— Отлично! Ты как раз вовремя, — оживился детектив. — Проходи, есть срочная

работа. Видишь фото — нужно сделать его пригодным для идентификации.

Алик повертел в руках обрывок снимка, озабочено почёсывая затылок:

— Упс, какая древность! — присвистнул он. — Здесь придётся покорпеть.

— Начинай прямо сейчас! Не уложишься за день — бери домой. С тебя результат с меня — сверхурочные!

Оставшись один, Антон снова набрал в Яндексе адрес форума и, оказавшись в обществе любителей слухов, вбил в окошко поиска фразу «певица Галина Перова». Экран мигнул, словно не понимая, чего от него хотят, но, немного подумав, развернул страницу темы «Сплетни о творчестве». Несколько сообщений трёхдневной давности были подчёркнуты. Антон обрадовался: «Ага, найдено совпадение!» Речь шла о небезызвестной песне «Падших Ангелов» «Снежная королева».

Гость (группа незарегистрированные посетители) писал(а):

«Между прочим, этот «новый» хит лет тридцать назад пела Галина Перова. Так что всё новое — это хорошо забытое старое!»

Лисичка (группа зарегистрированные) писал(а):

«Кто такая Галина Перова? Никогда не слышала»

Гость (группа незарегистрированные посетители) писал(а):

«Ресторанная певичка, о ней мало кто слышал. Знаменита лишь тем, что мужа у неё увела другая певичка, ныне о-о-очень известная дама!»

Лисичка (группа зарегистрированные посетители) писал(а):

«И кто же эта о-о-очень известная дама?»

Вопрос остался без ответа. Антон пролистал тему до конца — сообщений от Гостя больше не было.

Укрывшись от внезапно поднявшегося холодного ветра в машине, Ангелина рассказала Маю о случившемся.

— Я не стала расспрашивать секретаршу, просто не знала, как об этом спросить.

— Правильно сделала, настойчивые вопросы могут вызвать подозрения, а нам это ни к чему. Мы знаем, что звонок периодически раздаётся в хоромах Рюмина, Антон слышал его там же. Осталось выяснить кто из посетителей был на приёме во время твоего первого визита и установим слежку за интересующими нас личностями. — Бодро подытожил Май, мысленно добавив: «Если погоня за звонками не заведёт нас в тупик!» В сложившейся ситуации бывший следователь чувствовал себя, чуть ли не охотником за привидениями.

— Неужели это кто-то из докторов? — не поверила девушка.

— Поживём — увидим, проследим — узнаем, — философски заметил Май.

Он покосился на обтянутые прозрачной лайкрой колготок колени, с трогательными детскими ямочками, заметил, что она теперь старательно прикрывает их полами короткого пальтишка и не удержался от подковырки:

— Неужто замёрзла? А ведь ещё утром тебе было жарко!

Ангелина покраснела, и, отвернувшись к окну, тихо попросила:

— Отвезите меня домой.

Его прямолинейный, хотя и вполне безобидный намёк, всколыхнул все её комплексы и сомнения, ещё больше обострив недовольство собой. Ну зачем она так глупо, да что там, просто непристойно вела себя с ним утром! Тётя пришла бы в ужас, увидев, что она вытворяла, даже Май смутился! Что он теперь о ней подумает, точнее уже подумал, вон как усмехается! Ну и пусть! Поводов для насмешек больше не будет! Ангелина сердито поджала губы и пообещала себе не смотреть в его сторону.

Она постаралась сосредоточиться на мелькающих за стеклом видах заснеженной Москвы, но получилось неважно, даже мысли о погибшей напарнице уже не захватывали целиком. А непослушный взгляд, ускользая из под контроля разума, жадно цеплялся за густые чёрные, растрёпанные ветром волосы, нелепые кукольные ресницы, ямочку на подбородке и красиво очерченные губы спутника, изогнутые в неизменной усмешке. Девушка нахмурилась и, мысленно отчитав себя, снова уставилась в окно, но взгляд как магнитом тянуло в противоположную сторону. Это было сильнее тихого голоса разума и громкого шёпота сомнений, сильнее любых аргументов логики и всех доктрин строгого тётинного воспитания, сильнее её самой, в конце концов! А ведь она почти ничего о нём не знает, кроме того, что милым парнем с безупречной репутацией его не назовёшь.

— О чём мечтаешь, звезда? — насмешливо спросил он.

«О тебе!» — мысленно ответила Ангелина, интересно, что было бы скажи она это вслух? Ладно, выразимся более обтекаемо:

— О любви.

— Как банально! — его взгляд быстро скользнул по её лицу, задержался на полуоткрытых губах, а потом нахально упёрся в колени, уделив их созерцанию гораздо больше внимания, чем позволяли приличия.

Под этим взглядом Ангелине стало жарко. Чувствуя себя раздетой, она неловко поправила пальто, натянув его как можно ниже, а Май широко и дерзко усмехнувшись,

наконец, оставил её колени в покое и отвернулся.

Через несколько минут напряжённого молчания, он резко остановил машину, присвистнув:

— Опа, знакомый адресок! Воронцов сюда пару раз на огонёк заглядывал, может и нам попробовать. Ты не торопишься?

— Я? Нет, а что нужно делать?

— Пока не знаю, разыграем какой-нибудь сентиментальный спектакль как раньше, уж очень хочется посмотреть что там и как.

От его улыбки сердце забилося чаще, но участвовать в очередной аванюре девушке совсем не хотелось. Слишком свежи были в памяти их последние совместные «спектакли», да и вообще у неё теперь совсем другой статус: певица — не уборщица!

— Думаю, вы и сами справитесь, — решительно возразила она.

— Как знать! Зависит от обстоятельств, а как они сложатся — неизвестно. Поможешь?

— Смотря, что придётся делать.

Май вытащил откуда-то из-под сидения несколько тоненьких ярких книжечек, явно религиозного характера.

— Можем, например, нести людям веру и благие вести о скором рае на земле! — он протянул девушке одно из зазывно иллюстрированных изданий, она брезгливо отодвинулась:

— Что это? На библию не похоже. Предлагаете мне в сектантки податься?

Не услышав в её голосе особого возмущения, Май продолжил наступление:

— Почему бы и нет, сектантство — весьма доходный, процветающий бизнес, по некоторым параметрам, не уступающий нефтяному. Мы просто покажем книжечки обитателям дома, ты расскажешь им какую-нибудь проникновенную историю, ну или сознание потеряешь, говорю же, зависит от обстоятельств, а я в это время осмотрюсь.

— Что?! — вот теперь возмущение было неподдельным. Оно звенело в её голосе, плескалось яркими точками шаровых молний в синих глазах, сквозило в резких движениях рук, раздражённо смахивающих с лица длинную чёлку. — Я ни за что не стану этого делать? И не настаивайте! Это раньше вы командовали мной, как хотели, больше я позориться не собираюсь!

— Да что тут позорного? — искренне удивился Арбенин. — Это всего лишь крохотная инсценировка в интересах следствия, а люди, с которыми будем беседовать, забудут нас уже через десять минут и при следующей встрече просто не узнают.

— Вас, может быть, и не узнают, а вот меня... — Ангелина слегка смутилась. — В общем, я не могу больше участвовать в ваших спектаклях.

Удивлённый взгляд Арбенина сменился откровенно насмешливым.

— Ой, прости! Совсем забыл, что ты теперь звезда! Наверное, повсюду узнают, да, Скворцова? Автографы просят?!

Ангелина обиженно отвернулась — нет, без привычных чёрных одеяний и мрачного грима в стиле готической принцессы, её никто не узнавал. Именно так, согласно восьмому пункту контракта, она должна была одеваться на все светские мероприятия, дабы не разочаровывать поклонников и не отбивать у них охоту покупать билеты и диски. Поклонников, как ни странно действительно было много, но им были нужны автографы тёмной принцессы падших ангелов, а не интеллигентной барышни Ангелины Скворцовой. Вне образа она для них просто не существовала, а значит, насмешка Мая, увы, обоснована — проси она хоть милостыню на Красной площади — всё равно останется неузнанной.

— Дело не в автографах, а в принципах, — запнувшись, солгала певица. — Предложите что-нибудь более приличное, в образ сектантки я входить отказываюсь. Знаете, как к ним относится большинство — не хочу быть оплётанной!

В карих глазах заплясали лукавые огоньки.

— Куда уж приличнее? Сектанты ведь не нудисты и не свингеры, а монашеской рясы у меня при себе нет. Ладно, есть другой вариант, подвинься!

Май бесцеремонно перегнулся через её ноги, небрежно задев их рукой, и принялся рыться в бардачке, а Ангелина боялась пошевелиться и вздрагивала от его случайных прикосновений, как от электрических разрядов. Когда напряжение стало невыносимым, она сердито заявила:

— Перестаньте толкать мои ноги! Неужели нельзя осторожнее?

— Я говорил — подвинься! Сам уже о твои коленки поцарапался — острые как палки! — ехидно отозвался Арбенин. — Ты бы их хоть под штанами прятала, раз уж мясо нарастить не можешь!

— Что!?! — от возмущения у девушки защипало в носу. — Знаете что!?! Вы, вы... — она громко чихнула.

— Я что? Будь здорова! — его лицо оказалось вдруг совсем близко как тогда летом.

Насмешливый взгляд обжигал, без малейшего стеснения блуждая по её лицу, а потом остановился на губах. Разряд! Ещё разряд! Ангелина застыла, ощущая острую нехватку кислорода, но вздохнуть просто не могла. Его близость действовала как глубокий наркоз, мгновенно отключая сознание. Мысли путались, суетились, сбивались — ещё чуть-чуть и исчезнут совсем! Его взгляд вдруг стал серьёзным, растеряв привычную насмешливость, и это напрягало ещё больше.

— Надеюсь, против консультантов ты возражать не станешь? — выдержав паузу, шепнул Май, опаяя её губы своим дыханием, и помахал в воздухе стопкой разноцветных рекламных проспектов.

— Что? — Ангелина всё ещё пребывала в стране грёз и с трудом осознавала смысл происходящего в реальной действительности.

Мужчина улыбнулся, невольно польщённый произведённым впечатлением и не без сожаления отстранился. Если бы не эти проклятые часы, работу можно было бы ненадолго отложить и найти более приятное занятие, Май покосился на попутчицу — она отвернулась к окну, но даже кончики маленьких аккуратных ушей пылали от смущения.

— Каких консультантов? — глухо спросила она.

— Так, что у нас тут — ага, рекламки косметической фирмы! Поздравляю, ты принята в штат «Элен». Согласна поработать консультантом?

— Что нужно делать? — оборачиваться она, видимо, не собиралась.

— Ничего неприличного: вызовем хозяев и будем расписывать достоинства продукции нашей фирмы. А дальше посмотрим по обстоятельствам, будет здорово, если нас пригласят в дом.

— Будет здорово, если нам вообще откроют, консультантов любят чуть больше чем сектантов.

— Ну, извини, других вакансий нет.

Ангелина, наконец, обернулась, но теперь старательно прятала взгляд, разглядывая кончики своих замшевых сапог, обтягивающих ноги, словно вторая кожа.

— Ладно, только никаких обмороков! — предупредила она.

— Лады, постараюсь не доводить тебя до такого состояния, — улыбнулся Май, выбираясь из машины. — Вперёд, напарница, тряхнём стариной!

Но разыгрывать спектакль не пришлось. Вняв настойчивым трелям звонка, дверь открыла женщина в роскошном огненно-рыжем парике и алом шёлковом халатике ещё более коротком, чем наряд Ангелины. Из-за толстого слоя косметики определить истинный возраст дамы не представлялось возможным, но некоторый намёк на дряблость в изящном изгибе длинной шеи позволял предположить, что кризис среднего возраста она пережила лет двадцать назад. Её лицо показалось Маю знакомым, пожалуй, где-то он её уже видел, вот только где?

— Вы кто? журналисты? — резко спросила женщина, одарив непрошенных посетителей неприязненным взглядом. — Я не даю интервью, сколько можно повторять!

«Чёрт, даже имени не помню, — тоскливо подумал Май. — А дамочка, похоже, не простая домохозяйка, от интервью шарахается как заправская супер звезда!»

— Абсолютно с вами согласен, журналистам ничего нельзя доверять, а уж тем более биографию и личную жизнь. Перевернут с ног на голову и разрешения не спросят! — энергично закивал он. — А мы всего лишь скромные представители известной косметической фирмы, хотим предложить вам, если позволите, конечно, ознакомиться с выпускаемой ею продукцией и лично оценить качество.

Женщина презрительно прищурила серые глаза, густо обрамлённые неестественно длинными накладными ресницами, и процедила:

— Известные фирмы не опускаются до уровня дешёвой показухи! А листовки всем подряд рассовывают только жалкие частные лавочки!

Май лихорадочно соображал, как направить беседу в нужное русло, события развивались совсем не по плану, но тут неожиданно в разговор вмешалась Ангелина:

— Видите ли, Эмма Владиленовна, наша продукция действительно не нуждается в рекламе. Но мы заинтересованы в привлечении клиентов особого уровня — такого как ваш, ведь наличие ярких публичных личностей среди постоянных клиентов положительно сказывается на имидже фирмы. А косметика «Элен» к тому же...

— Как вы сказали, называется ваша фирма? — серые глаза превратились в две узенькие щёлочки.

Маю это не понравилось, особенно насторожила промелькнувшая в голосе нотка скрытой угрозы.

— «Элен»! — жизнерадостно повторил он. — Наш девиз: натуральное сырьё и высочайшее качество! Все компоненты заинтересовавшей вас косметики подбираются индивидуально, с учётом особенностей кожи в частности и организма в целом.

Так и неузнанная Маём Эмма Владиленовна осторожно, двумя пальцами взяла предложенный рекламный проспект и вдруг, резко изменившись в лице, возмущённо рявкнула:

— Опять?! Да как вы смеете мне ЭТО предлагать! Хотите, чтобы я в суд подала? Она резко захлопнула дверь перед носом ничего непонимающих «консультантов».

— Что это с ней? — испуганно прошептала Ангелина.

— Понятия не имею! А кто она вообще такая, эта Эмма Владиленовна?

— А вы разве не знаете? Это же очень известная писательница! Печатается под псевдонимом Эммануэль!

— То-то я смотрю — физиономия знакомая! И что пишет?

Ангелина залилась ярким румянцем и, потупившись, ответила:

— Я слышала, кажется, эротические романы.

— Слышала или читала? — ехидно уточнил Май.

Дверь неожиданно распахнулась, возникшая в её проёме Эмма-Эммануэль, не говоря ни слова, швырнула им в лицо пачку разноцветных бумажек и также молча исчезла.

— Ничего себе сентиментальный спектакль! — скорее удивилась, чем возмутилась Скворцова. — Вы что-нибудь понимаете?

Май молчал, внимательно разглядывая выброшенные писательницей бумаги — ими оказались флаеры фирмы «Элен» устаревшего образца, точно такие же лежали возле тел убитых девушек...

* * *

Дома Ангелину ждал сюрприз.

— У тебя гости! — шепнула сияющая Кира, убегая на очередное свидание. Похоже, не смотря на семейное положение избранника, она вполне счастлива и довольна своей личной жизнью.

— И где же гости? — громко спросила Ангелина, снимая пальто. Она огляделась и едва устояла на ногах, когда на неё словно сильнейший ураган, визжа и хохоча набросилась младшая сестра Катя. Она долго обнимала и щекотала девушку, наконец, отпустила её смеющуюся, уставшую отбиваться и восторженно запрыгала вокруг на одной ноге, дразня как в детстве:

— Гелька-карамелька! Ух, как же я по тебе соскучилась! Дома теперь и поговорить не с кем!

— А почему раньше не приходила? Мне же к вам нельзя.

— А нам к тебе и подавно! — Катя сделала страшное лицо, очень похоже изобразив Сергея Константиновича и захихикала: — Маман сегодня рвалась тебя навестить, а твой папенька не пустил, сбил с ног властным генеральским взглядом и послал на кухню — щи варить! Я валяюсь с наших родственников, прямо мексиканский сериал с роковыми страстями, а ты — главная героиня, прикольно!

Ангелина грустно улыбнулась, любуясь озорным выражением больших чёрных глаз и россыпью мелких аккуратных веснушек на вздёрнутом носике Кати. Какая же она ещё маленькая, если может смеяться над такими вещами.

— Меня родной отец знать не хочет, что здесь прикольного? Вон, даже тётю не пустил, — голос певицы предательски дрогнул. — Спасибо хоть тебе приходиться не запрещает!

— Ты так думаешь? — Катя расплылась в очаровательной лукавой улыбке: — Ещё как запрещает, на легальных основаниях из дома вообще не выбраться! А в школу и из школы меня теперь возит личный шофёр, приставленный генералом — от разбушевавшегося маньяка оберегает. Короче, тоска зелёная, а не канун Нового года!

— Ничего не понимаю, как же ты тогда выбралась?!

Катя снова улыбнулась, на этот раз снисходительно.

— Неужели ты думаешь, что всякий раз, когда маменька запирала меня в комнате, лишая свободы, я послушно сидела там и молча любовалась потолком как ты в своей келье?

Ещё чего! У меня рядом с окном пожарная лестница, а с её помощью очень легко перебраться на соседний балкон, благо Верка Морозова почти всегда дома. Я сначала к ней навешиваюсь, а потом как та кошка иду гулять сама по себе.

— Но ведь у нас шестой этаж — ты могла разбиться! — испугалась Ангелина.

— Лучше разбиться, чем в неволе томиться! — весело пропела Катя и потащила Ангелину в столовую, где уже приветливо подсвистывал чайник, а в вазочке горкой высились пряники и баранки, щедро пересыпанные шоколадными конфетами. — Давай хоть чайку попьём, а то дома такая атмосфера — шоколад в горло не лезет!

Ангелина грустно вздохнула: сладости она любила, но строгая диета предписывала избегать соблазнов. Девушка невольно покосилась на свои колени — в памяти всплыло недавнее замечание Арбенина по поводу их чрезмерной худобы и, поколебавшись, выбрала две самые большие конфеты. А ну её эту диету! Иногда можно и расслабиться.

— Значит ни твоя мама, ни мой отец не знают где ты?

— Нет, они даже не догадываются какая я плохая девочка! — Катя быстро разлила чай по кружкам, плюхнулась за стол и шумно отхлебнула обжигающий ароматный напиток, игнорируя навязываемые с детства правила этикета и хорошего тона.

— Разве ты плохая? — улыбнулась старшая сестра.

— Угу! Есть хуже, но мало! — ответная улыбка Кати получилась немного грустной. — Никак не могу понять, зачем она нас вообще родила — чтобы воспитывать в условиях тоталитарного режима? Неужели нельзя просто любить своего ребёнка таким, какой он есть, безо всяких условий типа делай вот так, тогда будешь хорошим и любимым?

Ангелина промолчала, она и сама не раз задавалась этим вопросом, адресуя его, разумеется, отцу. Любил ли он её вообще хоть когда-нибудь? И если да, то неужто сейчас вот так запросто вычеркнул из сердца? Разве такое возможно?! Видимо да, раз уж даже самым родным и близким (тёте и Кате с Костей) он запретил видиться с блудной дочерью! Но если это так просто, почему у неё не получилось сделать то же самое?

Прощебетав ещё полчаса, Катя упорхнула, унося с собой особую присущую только ей одной беззаботную лёгкость настроения, и Ангелина снова загрустила. Вернувшаяся через несколько минут Кира также весёлой не выглядела.

— Что-то ты сегодня рано, — заметила Скворцова.

Кира вспыхнула и торопливо, словно оправдываясь, сказала:

— У него неотложные дела возникли, а у меня — сборный концерт вечером, готовиться надо!

Прозвучало неубедительно, а боль, затаившаяся в уголках больших карих глаз была гораздо честнее произнесённой бравады и Ангелине стало ясно — неотложные дела здесь ни при чём, просто ещё одной сказкой о вечной любви стало меньше...

* * *

Римма в который раз покосилась на огромные электронные часы, украшающие стену супермаркета, и мысленно отругала себя за длинный язык. Ну зачем, случайно встретив в магазине, Элеонору Кулешову она сама заговорила с ней о Мае. Да ещё рассказала, что тот снова работает в агентстве, а теперь, засыпанная лавиной бесконечных и откровенно глупых вопросов (разве влюблённые женщины способны задавать другие), она опаздывала на

работу. Обеденный перерыв подошёл к концу, а отвязаться от следователя Кулешовой никак не получалось.

— Послушай, если так интересно, расспроси его лично! — не выдержала Римма. — Где его искать ты теперь знаешь, только не забудь, что мужикам навязываться — дело неблагодарное, да и не любят они этого, а Май особенно, сама знаешь.

Оживлённая было полученной информацией Элла, мгновенно погрузилась и поникла.

— Я и не собиралась, просто хотела узнать как у него дела, — помедлив, сказала она. — Ладно, спасибо, что сообщила, передай ему от меня привет.

— Передам, если донесу — сумки полные! — проворчала Римма и, попрощавшись с назойливой собеседницей, побежала в агентство, благо магазин находился рядом.

Заскочив в приёмную, она облегчённо вздохнула: без двух минут час — успела, но услышав голос, льющийся из динамиков, застыла на месте, едва не выронив полные продуктов пакеты. Это был ТОТ САМЫЙ голос, и заказал он, разумеется, «Снежнук королеву»! А вот для кого — Римма прослушала — всё-таки опоздала!

— Эммануэль, конечно, знаю! Автор скандальных романов от фривольного содержания которых покраснел бы сам маркиз де Сад. Но откуда у неё те самые флаеры, да ещё в таком количестве?! — горячился Антон. — И какое отношение она имеет к Воронцову? Это нужно выяснить немедленно!

Май лениво потянулся, сидя на своём любимом подоконнике.

— Уж- выяснил, нашему Воронцову эта дамочка приходится, представь себе, родной матерью. Отношения у них складываются не очень, точнее совсем не складываются, если верить любящим посплетничать соседкам. Сама она помешана на косметике и, желая сохранить вечную молодость, перепробовала фактически всё, что на данный момент может предложить косметическая промышленность. Леди не пропускает ни одной подобной презентации. На одной из них, видимо, и приобрела эти рекламки. Она даже раскошелилась на самую продукцию и получила на неё сильнейшую аллергическую реакцию в виде леопардовой пятнистости всего тела. Эта неземная краса сошла только через неделю, дело чуть не дошло до суда, писательница подала иск, но представители фирмы негласно выплатили ей компенсацию, и буря улеглась. Я тут навёл справки среди своих сотрудников — эту историю трёхлетней давности многие помнят.

Антон посмотрел на помощника с невольным восхищением, но словами его предпочёл не выражать.

— И что мы имеем в итоге? Воронцов следил за первой жертвой, он же принёс мне фотографии убитой, фактически не имея алиби. Он был на презентации во время второго убийства. Вполне возможно его телефон периодически пугает всех конским топотом, а в квартире матери полно рекламок, которые убийца оставлял возле трупов!

— Так точно! А ещё — его мать довольно известная личность, не о ней ли шла речь на том замечательном форуме о сплетнях и слухах?

— Вот и я об этом подумал. Так что же мы время теряем? — разволновался детектив. — С Воронцова сейчас глаз нельзя спускать!

— А я и не спускаю! Вон он под окнами нашего офиса в дешёвенькой неприметной семерке с утра дежурит. — Май бросил взгляд через плечо. — За тобой следит, в ожидании очередной сенсации. Видимо после того, как я изъял компрометирующие Рюмина фотки, грязные статейки стали для парня единственным источником дохода. Хочешь, выгляни и пошли ему воздушный поцелуй, представляю какая у нашего писаки будет физиономия.

— Вот паразит! — с чувством выдохнул Антон. — Что ж, пусть следит, по крайней мере, на виду будет.

В кабинет, предварительно постучав, вошёл Алик и, заметив Мая, просиял подобно яркому летнему солнцу, как и полчаса назад, когда увидел его в агентстве впервые после разлуки. Арбенин улыбнулся в ответ, чувствуя, как на душе становится теплее. Он и представить себе не мог, что будет так рад воссоединению с прежней командой. Занятый исключительно воплощением своих планов, Май привык отказывать себе в маленьких радостях, если не мог увязать их с этими самыми планами. Отношений с людьми это касалось в первую очередь. За время работы в «Элен» он фактически не вспоминал о бывших коллегах и только теперь понял, как на самом деле ему не хватало ребяческого задора Алика, по-родственному снисходительных замечаний Риммы и даже назидательных нотаций

Антон. Они стали ему почти семьёй, той самой, которой у него по большому счёту никогда не было.

— Я проверил посетителей Рюмина за восемнадцатое ноября, — сообщил парнишка, глядя исключительно на Арбенина, словно боясь, что тот сейчас снова исчезнет. — В интересующее нас время у него был записан только один клиент — корреспондент газеты «будни и праздники» Гребцов Максим Викторович!

* * *

Кира рассеянно листала страницы, лежащей рядом книги, кажется это был один из любимых романов Анжелины «Гордость и предубеждения», но не могла прочитать ни слова. Мешали слёзы, застилающие взгляд, и отравляющие душу, горькие мысли. Раньше, когда счастье казалось безоблачным, ей удавалось справиться с ними без труда, теперь это было сложнее.

В комнату заглянула Анжелина.

— Не спишь?

Она вошла с подносом, на котором возвышались хрустальные бокалы с охлаждённым зеленым чаем и блюдо с аккуратно нарезанными фруктами. Поставила поднос на низкий журнальный столик и присела на краешек дивана рядом с подругой.

— Выпьем за любовь? — грустно улыбнулась Кира.

— И за неё тоже, — Анжелина погладила девушку по растрепавшимся рыжим волосам. — У тебя всё в порядке?

— В полном! — ещё одна вымученная улыбка. — Просто грустно немного.

Анжелина колебалась, не зная уйти или остаться. С одной стороны, по собственному опыту знала как это неприятно, когда хочешь побыть один, а кто-то назойливо лезет с вопросами о самом больном. С другой, опять же из личного опыта: когда на душе тьма и ненастье — одиночество может стать непосильной ношей.

— Спасибо тебе! — Кира как котёнок потёрлась щекой о её ладонь. — Я так рада, что мы дружим. У меня ведь никогда не было ни друзей, ни семьи — одна бабушка, и в личной жизни не везло. А теперь — и карьера, и друзья, и любовь — всё замечательно, так почему же я, глупая, плачу?

— Любовь и слёзы — это почти одно и то же, — вздохнула Анжелина. — Но плакать действительно незачем — неотложные дела бывают у всех.

Кира улыбнулась чуть веселее и, усевшись по-турецки, потянулась за яблоком.

— У него ребёнок заболел, — призналась она. — В этом всё дело. То есть, у нас, разумеется, всё по-прежнему, но несколько дней мы, похоже, не увидимся, а я так по нему скучаю.

Анжелина молчала, ей были понятны чувства подруги — сама постоянно думала о Мае, но были и другие мысли — а как же та, другая, законная жена и мать ребёнка? Разве ей не больно, не обидно? А сам ребёнок? Ведь дети всегда реагируют на отношения между родителями, их не обманешь фальшивыми улыбками и показными жестами. Всё это сложно и банально одновременно: среднестатистический брак, остывшая любовь, перешедшая в разочарование, измена и новая страсть — избитый, искусственный сюжет. Сюжет искусственный, а боль настоящая — вот ведь как бывает.

В глазах Киры мелькнула настороженность.

— Осуждаешь меня?

— Ты уже спрашивала, с тех пор ничего не изменилось, — вздохнула подруга. — Я не собираюсь тебя судить, просто слишком хорошо знаю какво это — расти в неполной семье. Да и ты это знаешь не хуже меня — любой ребёнок мечтает жить вместе с папой и мамой, а не делить их с чужими людьми.

Кира вспыхнула, видимо обидевшись.

— Но я ведь не собираюсь уводить его из семьи! — раздражённо напомнила она. — Когда поняла, что влюбилась в женатого — очень испугалась, долго скрывала свои чувства, а потом он сам начал за мной ухаживать и я... мы... в общем, теперь мы вместе. Я очень его люблю, понимаешь?!

— Понимаю, — Ангелина снова подумала о Мае. Ещё совсем недавно она даже не подозревала о его существовании. Жила обычной жизнью, уверено шла к цели и в принципе была всем довольна, а теперь, когда его нет рядом, она чувствует себя разорванной пополам и ничего не может с этим поделать. — Это сильнее тебя.

— Намного сильнее! А ребёнок по-прежнему живет, и будет жить в полной семье. Мне достаточно того, что есть, на большее не претендую...

— А его жена знает?

Кира положила яблоко обратно и промолчала. Она старалась не вспоминать о недавнем звонке той женщины, её визгливом голосе, истерическом тоне и оскорблениях, которые ей пришлось тогда выслушать.

— Какая разница, я ведь сказала — семью разрушать не собираюсь! — упрямо повторила певица.

Ангелина предпочла промолчать, да и что она могла сказать. Давать советы в подобной ситуации всё равно, что пытаться в одиночку изменить направление русла огромной реки. Сердцу не прикажешь, а страсть это уже даже не река — океан! Совсем другой масштаб и объём.

— О, нет! — поморщилась она, услышав громкое куриное кудактанье из динамиков своего телефона. Именно такие ассоциации вызывала у певицы резкая напористая и немного картавая речь её продюсера и музыкального директора Василия Светлова.

— Светлов? — Кира невольно улыбнулась, представив себе лицо этого долговязого надменного типа, узнай он, под какой звук на дисплее телефона Скворцовой всплывает его гордое имя. — Чего хочет?

— Мне даже представить страшно, — Скривилась Ангелина. — Утром заявил, что на похоронах Лены я должна буду петь одну из наших песен! Разве это нормально? Слава богу, мне удалось его переубедить, но теперь, похоже, наш фантазёр ещё что-то придумал.

Настойчивое кудактанье стало невыносимым, и Ангелина со вздохом приняла вызов. После первых же слов продюсера она заметно побледнела и принялась горячо протестовать:

— Вы с ума сошли! Какое ток-шоу?! Да ещё в прямом эфире! Я не собираюсь в этом участвовать, и прекратите пугать неустойкой!

Бросив телефон на софу, она бессильно упала следом и закрыла лицо руками. Встревоженная Кира бросилась к подруге:

— Что случилось?!

— Всё отлично! Наши рейтинги растут! — с горьким сарказмом всхлипнула Ангелина. — Он чуть ли не ликовал, что в качестве жертвы маньяк выбрал Лену! Ещё бы —

новую солистку найти гораздо проще, чем поднять чёртов рейтинг! А для того, чтобы закрепить успех, я сегодня вечером должна буду нести чушь в каком-то пошлом ток-шоу! А если откажусь — он подаст на меня в суд за нарушение условий контракта!

— Мне очень жаль, — Кира обняла подругу. — Но тебе, наверное, лучше пойти.

— Нет! — Ангелина резко выпрямилась. — Ты бы слышала пример речи, которую я должна буду произнести: сплошная грязь, и... ох это так унижительно!

Кира нахмурилась, вспоминая условия контракта Ангелины — не так давно она видела копию.

— Послушай, ты действительно не имеешь права отказываться посещать запланированные продюсером мероприятия, но читать по бумажке вовсе не обязана. Насколько я помню, ты лишь не должна говорить ничего, что могло бы повредить имиджу группы, а во всём остальном — полная свобода слова.

— Правда? — Ангелина немного успокоилась. — Тогда ладно, всё не так уж страшно...

— Ну конечно! А тебе бы следовало лучше знать свои права. Ух ты! — Кира удивлённо покосилась на новенький радиоприёмник. — Слышала? Кто-то заказал для меня твою песню, забавно! — улыбнулась она.

Ангелина раздражённо повела плечами, услышав мелодию «Снежной королевы».

— Сочувствую, у твоих поклонников дурной вкус!

* * *

Май нисколько не удивился, когда машина Воронцова, за которым он по-прежнему следил, остановилась возле дома Эммы-Эммануэль, его матери. Блудный сын и раньше частенько её навещал, но сегодня почему-то в гостях не задержался. Арбенин едва успел откинуться на сиденье и включить радио, когда дверь снова распахнулась, и Воронцов пулей вылетел из подъезда, сопровождаемый громкими ругательствами мамы-писательницы. Май отметил, что широте её нецензурного лексикона позавидовали бы самые матёрые и опустившиеся личности. Даже он, фактически выросший на улице, не знал и трети произнесённых выражений. Продолжая визгливо верещать и грязно ругаться, Эмма Владиленовна буквально вытолкала сына на улицу и завершила свой яркий монолог витиеватой фразой, общий смысл которой был простым и ясным: проваливай и больше не появляйся, но используемые дамой скабрёзные метафоры заставили поморщиться даже видавшего виды Арбенина.

«Интересно, книги она пишет в таком же стиле? — невольно подумал Май. — Надо будет у Скворцовой спросить».

Его позабавила мысль о том, что застенчивая Ангелина читает подобную литературу. Представив, как она краснеет, услышав этот вопрос, он почувствовал, как по телу разливаются знакомые тёплые волны возбуждения. Память незамедлительно воспроизвела трепетное волнение, томительное ожидание и прямой вызов в её сияющем утреннем взгляде, раньше она никогда не смотрела на него так по-женски! Тепло мгновенно сменилось палящим жаром, и мужчина чертыхнулся, тщетно пытаясь сосредоточиться на работе — не получилось. А ведь прошлым летом он ТАК на неё не реагировал! Пожалуй, от девчонки стоит держаться подальше.

Май тихонько выругался и вернулся к созерцанию семейных разборок, которые, судя по

всему, подходили к концу. Эмма Владиленовна, видимо исчерпав запас изысканных выражений, молча пыхтела, испепеляя сына взглядом медузы Горгоны, а он что-то невнятно бормотал, бурно жестикулируя. Арбенин выключил радио и, напрягая слух, услышал довольно интересную фразу из уст Воронцова, адресованную, разумеется, матери:

— На себя посмотри, отец был прав — ты пустая, бесчувственная ледышка! Замороженная рыба! Снежная королева!

Отпустив Римму, Антон Холмс расположился в приёмной напротив огромного плазменного телевизора, предназначенного для увеселения скучающих в ожидании аудиенции посетителей и нетерпеливо нажал кнопку пульта. Благодаря ежеминутно повторяющимся анонсам, детектив знал — тема сегодняшнего ток-шоу «Голая правда» — «коронованные» жертвы маньяка. Не то чтобы он рассчитывал услышать что-то новое, скорее просто хотел знать, что именно просочится с экрана в массы, о чём завтра будут сплетничать домохозяйки, но главное, что услышит убийца сегодня. Ведь учитывая специфику подобных передач, услышать он мог много интересного! Известный детектив, неоднократно принимавший в них участие, прекрасно знал, как и на чём строится такой эфир.

«Не переключайтесь!» — основной девиз шоу и каждое слово в нём, каждая эмоция направлена на то, чтобы удержать возле экранов как можно больше любителей интриг, страстей и крови, чужой крови. Но держать в напряжении целый час может лишь очень хороший, лихо закрученный сценарий. Он и есть основа любого подобного зрелища. Как правило, над разработкой сюжета корпит целая команда сценаристов и даже если в его основе лежит реальная история, её подадут так, что отличить правду от вымысла будет крайне сложно. По большому счёту почти все ток шоу — это ролевые игры, в которых действия и реплики скрупулёзно расписаны и распределены между персонажами и даже зрителями в аудитории. Гости приглашённые в качестве участников или экспертов (за исключением разве что мега-звёзд) также вынуждены отстаивать ту или иную, навязанную каналом точку зрения.

«Голая правда» между тем оповестила о своём эфире знакомыми позывными, и Антон замер у экрана. Впрочем, через несколько минут он позволил себе расслабиться, поняв, что ничего запредельного сегодня не услышит. Не имея весомых фактов и дополнительной информации в «Правде» тщательно смаковали подробности, изложенные в газетёнке Воронцова. Странно, что его самого здесь не было. Фотографии с навязчивой периодичностью мелькающие на экране также были опубликованы ранее, в общем, ничего нового.

Антон удовлетворённо кивнул, в принципе он ожидал увидеть что-то в этом роде — у телевизионщиков просто не было времени, чтобы собрать больше информации. Он собрался было выключить телевизор, но услышал своё имя и нахмурился, узнав среди приглашённых гостей журналистку Людмилу Щукину. Девушка обнаружила тело первой жертвы, следовало ожидать, что без её участия не обойдётся. Ну и ладно, вряд ли она может сказать что-то лишнее, о его непосредственном участии в расследовании уже и так всем известно, да он этого и не скрывал. Холмс пригляделся: смотрите-ка и Гребцов тоже здесь (одни журналисты!) — теперь только Воронцова для полной пресс-конференции не хватает. Интересно, почему его не пригласили? Наверное, слишком большую сумму запросил. Антон отвлёкся, разглядывая гостей и участников, но, спохватившись, снова заострил внимание на рассказе Щукиной.

Она снова упомянула фамилию детектива, рассказывая, как он приходил и задавал вопросы. Что ж, спасибо, что о незаконном осмотре места преступления умолчала. Вот ведущий, некогда бывший брюнетом, а теперь мелированный всеми цветами радуги,

попросил девушку рассказать, как и при каких обстоятельствах было обнаружено тело Риты Майер, разумеется, во всех подробностях. Антон брезгливо поморщился, услышав в его голосе нездоровое предвкушение — неужели так приятно смаковать тошнотворные детали вроде вывернутых наизнанку внутренних органов?! Понятно, журналисты — стервятники по определению — работа такая, но профессионализм и фанатизм — далеко не одно и то же!

Щукина, оказавшись в центре внимания, видимо почувствовала себя вполне комфортно и бодро начала повествование, не забыв упомянуть об участии лучшей подруги в этом акте трагедии. А вот и она сама! В тоненькой неестественно бледной девушке, одетой в странный чёрный наряд и покрашенной тёмными тенями, Антон с большим трудом узнал Ангелину Скворцову. Он с удивлением и некоторым недоверием разглядывал эту изысканную надменно-холодную красоту, выгодно оттеняемую легким налётом светской испорченности. Женщина-тайна, женщина-вызов — именно такие ему всегда нравились, и если бы Антон не знал, кто на самом деле скрывается под маской принцессы тьмы, вполне мог бы увлечься незнакомкой. А скромная, интеллигентная и слишком простая на его взгляд Ангелина, интересовала детектива исключительно в качестве свидетеля. Он услышал как в замочной скважине осторожно, но не вкрадчиво шаркает ключ и, не оборачиваясь, спросил:

— Входить без стука — это вредная привычка или профессиональный навык?

— Запираться на три оборота — это паранойя или склероз? — устало парировал Май, плюхаясь в соседнее кресло. — Киношку смотришь? Отвлекись, есть информация для размышления.

— Подожди! — Антон поднял руку, призывая к молчанию. — Эту киношку стоит посмотреть и тебе.

Май взгляделся в экран и нахмурился, увидев знакомые лица.

— Какого чёрта?!

— Вот и я о том же! Как бы лишнего не сказали, ведущий, вон, из кожи лезет.

— И Скворцова здесь! — помрачнел Арбенин с неприязнью разглядывая девушку в чёрном, ему в отличие от Антона её новый имидж совсем не понравился.

— Да, как видишь, почти все действующие лица в сборе за исключением Воронцова и Рюмина.

— Увы, Воронцов исключением не станет, я довёл его до телецентра, так что жди — во втором акте появится, — с кривой усмешкой заметил Май. — Странно, что тебя не пригласили — главный герой как ни как.

— Вообще-то приглашали! — брезгливо отмахнулся детектив. — Но сам понимаешь, я в этом маскараде участвовать отказался.

Арбенин оказался прав: после очередной рекламной паузы ведущий представил новых гостей — Глеба Воронцов и Алексея Смолякова.

— А это кто? — не узнал парня Холмс.

— Официант, который обнаружил тело Невезухиной, — продолжая хмуриться ответил Май.

Воропаев одобрил его появление в студии, напомнив, что тот должен строго придерживаться официальной версии развития событий. О том, что случится в противном случае, парень видимо тоже был проинструктирован, потому что застыл кресле в совершенно неестественной позе с перекосившимся от напряжения лицом, словно он не свидетель, а как минимум жертва маньяка. Ведущему так и не удалось изменить ни его позу, ни выражение лица. На все вопросы парень отвечал односложно и сухо, мотивируя это тем,

что до сих пор пребывает в глубоком шоке и вспоминать о подробностях ему тяжело.

Отчаявшись, ведущий оставил его, наконец, в покое, сосредоточил всё внимание на Воронцове и был вознаграждён долгожданной сенсацией. В принципе ничего нового для себя, Антон не услышал, но был здорово задет формой подачи информации. Глеб строго придерживался своей разбитной статейки, расписывая его Антона, как тупого неудачника, выплывающего исключительно на деньгах и славе родителей, решившего взять реванш на громком деле.

— Можешь подать на него в суд, — шепнул Май, не отрываясь от экрана.

— Перебьётся! Он только этого и ждёт, — сухо процедил детектив.

А раздумывавшийся от всеобщего внимания и возбуждения Воронцов продолжал поливать его грязью, не забыв упомянуть о послании убийцы, адресованном лично детективу. Услышав очередной грубый намёк на свою якобы тесную связь с маньяком, Антон скрипнул зубами и закатил глаза:

— Поддонок! Теперь они будут смаковать это до бесконечности!

— Ты слишком самонадеян, — хмыкнул Май. — Максимум пару дней, а потом потребуют свежей крови. Это раньше народу было достаточно хлеба и зрелищ, сейчас всем нужны пицца и мордобой.

Сотрудник «Московских ночей» между тем перенёс свою иронию на методы его расследования, которые, по мнению Глеба, сводились исключительно к посещениям психолога Рюмина и свиданиями с одной из свидетельниц. Когда на экране замелькали фотографии Антона разговаривающего с Ангелиной Скворцовой, а потом фрагменты её неоднократных визитов агентство, Антон покраснел от досады, А Май от гнева.

— Что он хочет этим сказать?!

— Напомни, чтоб я свернул ему шею! — угрожающе проворчал Арбенин.

Ведущий, мгновенно переняв эстафетную палочку, тут же обратился к Ангелине, интересуясь, что именно послужило причиной её участвовавших встреч с известным детективом. Девушка спокойно напомнила, что в обоих случаях оказывалась на месте преступления почти сразу после убийства.

— Вы видели нечто особенное, что-то, что могло помочь в расследовании? — не унимался ведущий.

— Нет, не думаю, — она слегка запнулась, но в целом держалась уверенно.

В голосе ведущего зазвучал неприкрытый сарказм:

— Не понимаю, зачем в таком случае встречаться фактически ежедневно? Или профессиональный интерес перерос в нечто более личное?

— И этому сверну! — мрачно пообещал Май, наблюдая, как девушка моментально заливаётся краской гнева — плазменный телевизор отлично справлялся с точной передачей цветов.

— Это не так. У нас деловые отношения, — всё ещё сдержанно ответила певица, и Антон невольно восхитился её самообладанием:

— Молодец девочка, отлично держится!

Май бросил в его сторону недовольный взгляд, но промолчал, а ведущий продолжал наступление:

— По вашим словам вы не видели ничего, что могло заинтересовать Холмса.

— Не видела....

— Но он заинтересовался и общается с вами довольно часто. При всей своей занятости

он вряд ли стал бы тратить время на бесперспективного свидетеля! Если, конечно, его не привлекает что-то другое.

— И голову оторву! — прежним тоном внёс поправки в намечающуюся экзекуцию Май.

Ангелина раздражённо повела плечами, укутанными в нечто чёрное, воздушное и полупрозрачное и холодно ответила:

— Почему бы вам не спросить об этом его самого.

— Я и собирался, но господин Холмс сослался на недостаток времени, хотя, скорее всего, ему не хватает чего-то другого, смелости например! — лучезарно улыбнулся ведущий.

Антон побагровел:

— Нет! Голову ему оторву я! — рявкнул он.

— Тише! — шикнул Май, напряжённо вслушиваясь в развернувшуюся дискуссию.

— Значит, вы утверждаете, что не можете интересоваться его в качестве свидетеля?

— Не могу. Я действительно ничего не видела.

— Вы уверены? — навязчиво настаивал мелированный.

— Да, ни в первом ни во втором случае ничего такого не помню, — сказала Ангелина и быстро закусил губу, словно недовольная своим ответом.

Следующие слова ведущего заставили Антона напрячься, а Мая побледнеть:

— Ничего не помните?! Значит в этом всё дело! Вот для чего Холмс попросил вас посетить одного из лучших психологов стране, чтобы вспомнить?! — эта фраза прозвучала даже не как утверждение, а как обвинение.

— Нет! — испуганно запротестовала певица. — Просто мне нужна была помощь специалиста, а он попросил знакомого провести сеанс, но, во-первых, я туда не пошла, а, во-вторых... — она быстро взяла себя в руки и, глубоко вздохнув, уже спокойнее сказала: — Я понимаю, что раздувать сенсации на пустом месте — ваша работа, но помогать вам в этом не собираюсь. И добавить к сказанному мне нечего.

Май, громко выругавшись, резко повернулся к Антону и свирепо рявкнул:

— Как ты это допустил?! Великий детектив, твою мать! Как ты мог не заметить хвост? Или этот урод в чём-то прав, я имею в виду твои хвалёные способности?!

— Эй! Полегче, ты что себе позволяешь?! — в тон ему ответил детектив, инстинктивно вскочив из кресла и выпрямившись во весь рост. Май также медленно поднялся и сухо продолжил:

— Сам полегче, ты мне больше не начальник, забыл? Я ведь предупреждал, к чему могут привести подобные эксперименты! Ты её подставил!

Антон перестал злиться и, опустившись обратно в кресло, виновато пробормотал:

— Правда, не знаю как это вышло, я был осторожен. В любом случае, ты зря так реагируешь, кто поверит версии этого полусумасшедшего павлина? Ангелина, на мой взгляд, была более убедительна.

Май криво усмехнулся:

— Это ты сейчас сам себя успокаиваешь?

Холмс вздохнул:

— У тебя паранойя, ты просто заиклился на той ситуации, о которой рассказывал, сейчас всё по-другому. Лично я никакой опасности не вижу.

Май закрыл глаза и устало потёр переносицу.

— Может ты и прав. Чёрт! Поспать бы хоть часок — ничего не соображаю. За Воронцовым сегодня сам присмотри, только глаз с него не спускай.

— Не спущу, а что ты собирался мне рассказать, когда пришёл?

— А это... Так, кое-что из семейного архива Воронцовых. Угадай, как он называет свою известную, состоятельную, но горячо нелюбимую мамашу — снежная королева!

— Ого!

Мужчины как по команде повернулись к экрану. Мелированный продолжал пытаться Ангелину, правда, теперь интересовался исключительно личной жизнью Невезухиной. Он тщетно пытался вытянуть из девушки, интересующие его скандальные детали интимных походов певички, но потерпев неудачу, вынужден был оставить её в покое, и переключился на бледного, измученного, робко блеющего дифирамбы погибшей Рите Майер, Гребцова.

— А ведь они там сейчас вместе, — виновато заметил Антон. — Воронцов и Ангелина!

— Ну и что, ведь по твоим прогнозам ситуация не опасна. Это у меня паранойя! — передразнил Май, он закатил глаза и с тяжёлым вздохом направился к выходу, ворча на ходу: — Проклятие! Выспался называется! Ладно, поехали, пока я ещё в состоянии передвигаться.

Возмущённая Ангелина, выскочила из машины Светлова, громко хлопнув дверцей, и быстро пошла к подъезду, надеясь, что у того хватит ума не последовать за ней, сейчас это было просто опасно, для него, разумеется.

Его нудное получасовое ворчание по дороге из телецентра было ещё хуже навязчивых трелей ведущего. Тот, пытаясь выгащить из неё побольше «жареных» фактов, хотя бы делал свою работу, а так называемый продюсер придирался по пустякам. Она ведь согласилась пойти на это тошнотворное шоу, девушка невольно поёжилась, вспомнив пережитое унижение, так почему бы просто не оставить её в покое! И нашёл же к чему придраться — видите ли, ему не понравилось, что на фотографиях, представленных в студии, Ангелина была в обычной одежде, не соответствующей треклятому имиджу певицы-готки. Пришлось выслушать целую лекцию о непосредственном влиянии образа на популярность артиста, хотя контракт обязал её носить «экзотический траур» лишь на светские и общественные мероприятия, так что формально она ничего не нарушила, но спорить, как обычно, было бесполезно.

— И впредь не допускай подобных оплошностей! — громко крикнул ей в след Светлов, отъезжая.

— Да пошёл ты! — проворчала девушка себе под нос. Она безуспешно пыталась набрать код на двери, но от волнения пальцы соскальзывали не на те кнопки.

— Опять грубишь старшим? — чья-то рука мягко остановила её ладонь, и нужный код был набран мгновенно.

Ангелина медленно обернулась, знакомый голос звучал как всегда насмешливо, но карие глаза смотрели серьёзно и даже тревожно.

— Привет. Как ты?

— Утром виделись, с тех пор мало что изменилось, — выдохнула певица, чувствуя, как её окутывает чувство необъяснимого покоя, а все тревоги и проблемы теряют актуальность, отступая на второй план. — Зачем вы здесь?

— Соскучился, — опять иронизирует, ах, как бы ей хотелось, чтобы это было правдой! — Увидел тебя сегодня в телике и примчался взять автограф.

Ангелина помрачнела.

— Вы о шоу? Было довольно мерзко, но вроде бы я ничего лишнего не сказала.

Май устало тряхнул головой.

— Зачем ты вообще туда пошла?

— Продюсер настоял, у меня контракт и выбирать не приходится.

— Это до какой же степени ты хотела прославиться, если подписала такой контракт! — недовольно проворчал Арбенин.

Ангелина вспыхнула, заново переживая время после победы в «Звёздном шансе». Время, когда энтузиазм сменился глубоким отчаянием, и нужно было сделать выбор. Вот только как ему об этом рассказать, да и стоит ли?

Они подошли к двери её квартиры и девушка, мысленно подбирая слова, вставила ключ в замочную скважину, но Май снова мягко остановил её.

— Позволь мне, — шепнул он, легонько отстраняя певицу, и повернув ключ, вошёл в квартиру первым.

Он, конечно, не рассчитывал обнаружить здесь убийцу в засаде — слишком маловероятно. Но проверить стоило, учитывая, что, по словам очевидцев, здание телецентра Воронцов покинул вслед за Ангелиной и скрылся в неизвестном направлении. Что ж, по крайней мере, здесь его точно не было. Закончив осмотр, Май вернулся к встревоженной девушке.

— Что-то случилось? — прошептала она.

— Вроде нет, я тебя напугал? Извини. — Он слабо улыбнулся. — Будь другом, сделай мне кофе покрепче, а то усну прямо в присутствии дамы — верх неприличия.

— С каких пор вы беспокоитесь о приличиях? — девушка улыбнулась в ответ. — Раньше вас такие пустяки не волновали. Проходите сюда.

Ангелина пригласила его в кухню, включила свет и засуетилась над кофеваркой. Она понимала — его привела сюда отнюдь не симпатия, а серьезная и явно неприятная причина, но вопросы задавать не хотелось. Не сейчас, когда он вот так по-домашнему сидит за её столом и смотрит на неё с мягкой рассеянной полуулыбкой. Если хочет, пусть начинает первым.

— Ты не могла бы... э... смыть свою боевую раскраску, — неожиданно попросил он. — А то как будто с медузой Горгоной разговариваю.

— С кем? — ахнула девушка. — Что, всё так плохо?

Она мельком взглянула в зеркало, поморщилась и рассмеялась:

— Да, немного мрачновато, но с таким чудовищем меня ещё никто не сравнивал.

Ангелина поставила перед ним вазочку со сладостями и большую кружку с горячим кофе, не забыв добавить в него две чайных ложки сахара и одну сливок. Май улыбнулся, оценив её внимательность:

— Надо же, не забыла.

— У нас, Горгон хорошая память. Вы угощайтесь, я сейчас.

Ангелина скрылась в соседней комнате и вернулась через несколько минут умытая, тщательно причёсанная, одетая в лёгкое хлопковое платье длиной до самых щиколоток. Арбенин вздохнул с явным облегчением, ещё одной мини-юбки он сейчас бы просто не выдержал.

— Вот так гораздо лучше. Присоединяйся, пока я один не уничтожил все твои запасы.

— Спасибо, — пробормотала она, словно была гостьей, а не хозяйкой. Скромно села напротив и, потупив взгляд, принялась отщипывать крошки от ванильного пирожного.

Молчание затягивалось, но, как ни странно, нисколько не тяготило, напротив, оно казалось не менее естественным, чем диалог. Ангелина и не подозревала, что можно молчать вдвоём, не испытывая дискомфорта и даже наслаждаясь этим в какой-то степени интимным моментом. Увы, долго так продолжаться не могло. Май вздохнул и, отодвинув пустую кружку, заговорил первым:

— Можешь выполнить одну мою просьбу, не задавая миллион вопросов, как ты обычно делаешь?

— Смотря какую, — автоматически ответила она.

Он закатил глаза.

— На что я рассчитывал? Но попытаться стоило.

— Что за просьба?

— Ты не могла бы хоть несколько дней пожить дома у тётушки?

— Не могла бы! — даже не дослушав, безапелляционно заявила она. — Это даже не

обсуждается! А... зачем?

— Если не обсуждается, к чему детали?

— Я ведь уже говорила — у нас с отцом очень сложные отношения, мы просто не сможем находиться под одной крышей.

— Даже ради спасения твоей жизни?

Она побледнела, увы, воздержаться от вопросов теперь не получится:

— Объясните нормально, что случилось? Что я такого сделала?

Он устало подпёр щёку ладонью и посмотрел куда-то поверх её головы:

— Возможно ничего. Просто в этом дурацком шоу прозвучало несколько фраз, которые мне очень не понравились, а значит, они могли не понравиться и убийце.

— Несколько фраз? — Ангелина погрузилась в воспоминания. — Это о посещении психолога?

Он кивнул.

— В том числе, не могу ничего утверждать, но риск есть, поэтому одной тебе сейчас лучше не оставаться.

— Я не одна. Мы здесь вместе с Кирой живём.

Май хмыкнул, словно она сказала что-то смешное, и терпеливо объяснил:

— Твоя Кира весит от силы пятьдесят килограмм и уж, конечно, она не чемпион мира по кик-боксингу. Чем она сможет тебе помочь в случае реальной угрозы? Ничем! Только прибавится к списку жертв.

Ангелина вздрогнула и подняла глаза, Май кивнул, встретив её испуганный взгляд, и заговорил ещё более жёстко. Может хоть так до неё дойдёт.

— Как видишь, я не шучу, ситуация более чем серьёзная. Поверь, мне не хотелось бы расследовать ещё и твоё убийство! Поэтому ты очень облегчишь мне задачу, если какое-то время поживёшь дома.

— Это невозможно. — Её голос звучал бесцветно, монотонно, но по-прежнему категорично.

— Господи, какая же ты упрямая! — Май опустил голову на руки, усталость навалилась с новой силой. — Ладно, не хочешь к отцу, тогда... э... у тебя ведь есть парень, оставайся у него хотя бы на ночь.

Последняя фраза далась ему с непросто, но другого выхода действительно не было.

Ангелина мгновенно покраснела.

— Какой парень? С чего вы взяли?

— Ну, ты ведь ходишь с кем-то по кинотеатрам.

— С Гошей! Но, во-первых, мы только друзья, а во-вторых, это не ваше дело!

Май смерил её сердитым взглядом:

— Скворцова, я ведь не из праздного любопытства эту тему поднял, речь идёт, возможно, о жизни и смерти, твоей, между прочим.

Румянец моментально уступил место неестественной бледности.

— Вы сами сказали — возможно, это всего лишь догадки.

— А что если они подтвердятся?!

Теперь Ангелина спрятала лицо в ладонях и отрицательно покачала головой.

— Простите, что ничем не могу помочь, но мне больше некуда идти. Гоша учится и, соответственно, живёт в Высшем командном и вообще, мы просто друзья.

— Это ты уже говорила.

— И больше мне добавить нечего!

— Не может быть, — Май недоверчиво покачал головой, невольно озвучив не дающий покоя вопрос.

0 Чего не может быть? — она подняла голову и встретилась с ним взглядом. В больших синих глазах застыли страх и растерянность, как у маленького ребёнка, которого мама впервые привела в детский сад и оставила одного с чужими незнакомыми людьми.

— Что у тебя никого нет, — почти смущённо закончил он и отвернулся, мысленно ругая себя. Да, это действительно не укладывалось у него в голове, но к делу никакого отношения не имело. — Никого, у кого можно было бы пожить неделю, — быстро добавил он, продолжая смущаться как мальчишка.

Ангелина удивлённо захлопала густыми ресницами, а потом коварно улыбнулась, ослепив его глубокими ямочками на обеих щеках.

— Почему же, у Шукиной могу пожить. Ещё несколько подружек имеется, правда, никто из них кик-боксингом тоже не занимается. — Она вдруг стала серьёзной. — Но вы ведь имеете в виду мужчин? Таких знакомых у меня нет. То есть желающие приютить на несколько ночей, конечно, найдутся, вот только мне такая защита не нужна и под страхом смерти.

— Фу, как высокопарно! — проворчал он, испытывая необъяснимое облечение. — Я предупреждал: чтение дамских романов тебя погубит.

— Увы!

Они надолго замолчали, думая каждый о своём, и снова молчание было уместным и комфортным, пока Май не вернулся в реальность, привлечённый звуком приёмника.

— Заметь, звезда, уже трижды за этот час твою песню заказывают, приятно, наверное? — Он вдруг напрягся. — А кто заказал, ты слышала?

Певица рассеянно пожала плечами:

— Он не представился, как и утром, наверное, у Киры появился очередной тайный поклонник.

— Утром? У какой Киры? Объясни точнее!

Девушку встревожило напряжение, звенящее в его голосе.

— Утром кто-то уже заказывал эту песню для Киры Тимохиной, мы ещё посмеялись вместе... А что случилось?!

— Эта та Кира, которая живёт здесь с тобой?!

— Да, а что случилось?

— А раньше ты не слышала, чтобы кто-то заказывал для неё эту песню? — уточнял Арбенин, игнорируя её вопрос.

— Нет, но мы дома бываем нечасто, могли просто не услышать, объясните, наконец, что происходит?! — взмолилась испуганная Ангелина.

— Некогда объяснять, немедленно найди свою подружку! Позвони и узнай, где она сейчас находится! — велел он тоном, не терпящим возражений.

Непослушными пальцами певица набрала номер и целую минуту вслушивалась в равнодушно-вежливый голос оператора.

— Абонент отключён или находится вне зоны действия сети, — растеряно повторила она и посмотрела на Мая. — Ой, совсем забыла, Кира сегодня в «Орионе» выступает, поэтому телефон отключён, а зачем...

Май не дожидаясь, когда она повторит вопрос, немедленно задал свой:

— Что такое «Орион» и когда именно она там выступает?

— Это новый ночной клуб на Тверской, — Ангелина машинально посмотрела на часы. — Насчёт выступления, точно не знаю, кажется, у неё всего одна песня, а развлекательная программа уже началась.

— Плохо! — Май набрал номер Холмса: — Ты где? Воронцова нашёл? Хорошо, не спускай с него глаз! Позже всё объясню.

Он развернулся и быстро направился к выходу, бросив в сторону Ангелины:

— Закройся и жди меня здесь!

Девушка, словно очнувшись от оцепенения и решительно перегородила ему дорогу.

— Куда вы едете? Что с Кирой?! Объясните немедленно!

— Некогда объяснять, дорога каждая минута!

— Хорошо, я поеду с вами, объясните по дороге, — заявила она, натягивая пальто и сапожки.

Май нахмурился и повысил голос:

— Кому сказал — сиди дома! Никуда ты со мной не поедешь!

— Хорошо, я вызову такси!

Несколько секунд они мерили друг друга сердитыми взглядами.

— Повторяю ещё раз, специально для особо одарённых звёзд эстрады, ты замыкаешься и ждёшь меня здесь! — угрожающе процедил Арбенин.

— Нет! Если дело касается Киры, я еду с вами! Или на такси — выбирайте!

— Отлично! — рявкнул Май. Он стащил с вешалки чью-то старую красную куртку, сунул в руки Скворцовой, а на голову ей натянул найденную в шкафу вязанную синюю шапку, схватил за руку и потащил за собой, сердито инструктируя на ходу: — сидеть молча, не скулить, не жаловаться и не высовываться!

— Куда же я высунусь в таком виде, — проворчала девушка, тоскливо обернувшись в сторону захлопнувшейся двери.

— Некогда красоту наводить! Впрочем, ты ещё можешь вернуться.

— Нет!

— Тогда помалкивай!

Он открыл дверцу машины, бесцеремонно втокнул девушку в салон, а сам кинулся за руль, и машина с резким скрипучим звуком стремительно рванулась с места.

* * *

Дальнейшие события развивались стремительно. Май наглухо заблокировал двери автомобиля, чтобы у девушки не возникало соблазна последовать за ним, и метнулся в переливающееся неоновым огнями и оглушающее клубной музыкой здание «Ориона». Но через несколько минут вернулся с озадаченным выражением лица.

— Её уже нет, уехала несколько минут назад, не знаешь куда?

Ангелина испуганно покачала головой:

— Нет, обычно она предупреждает, если задерживается или куда-то собирается. Может домой?

Она снова набрала номер подруги, на этот раз он был включён, слышались долгожданные гудки вызова, но на них никто не ответил. Телефон на квартире также

молчал.

— Не берёт, — растерянно пробормотала она.

— Плохо! — угрюмо пробормотал Май, включая зажигание. — Куда она ещё могла поехать? Друзья, родственники, любовник?

Девушка с силой потёрла виски ладонями. Мысли путались, никак не желая укладываться в нарисованную Маем картину: её песня в качестве фона для убийства и растерзанное тело Киры. Слишком чудовищно, чтобы быть правдой!

— Родственников у неё здесь нет, к друзьям она не собиралась, а человек с которым она встречается, он... в общем в ближайшее время они не должны были увидеться.

— Хорошо, едем домой, но если её и там нет, — Май пожал плечами и прибавил газу, не потрудившись закончить фразу.

Её там не было. Мрачно и пристально смотрели пустые неосвещённые окна квартиры, и Ангелина почувствовала, как липкие щупальца паники медленно ползут по её телу, осторожно подбираясь к горлу, чтобы потом резко напасть и перекрыть доступ кислорода и логики. Странно, обычно страх зарождался где-то внутри, теперь это было именно физическое ощущение зажатой в руке гранаты с выдернутой чекой. Когда напряжение стало невыносимым, граната взорвалась — раздался телефонный звонок. Ангелина, оцепенев от ужаса, слушала голос на том конце, периодически тихо вставляя односложные ответы.

— Кира? — уточнил Май, глядя в полубезумное выражение синих глаз. Она целую минуту смотрела на него, словно не понимая вопроса, затем слабо кивнула.

— Жива?

Ангелина всхлипнула и растерянно заморгала:

— Да, то есть... пока да... она в реанимации... без сознания...

Звонок Арбенина застал Холмса в агентстве, куда тот заскочил по просьбе Алика. Работа над восстановлением фотографии была завершена, и он надеялся, что снимок теперь удастся идентифицировать. Новости были шокирующими, хотя и вполне предсказуемыми. Глупо было рассчитывать, что монстр остановится. Правда последней жертве повезло — девушка выжила, но она пока без сознания и неизвестно когда очнётся, а, судя по характеру нанесения травм, (три ножевых удара в спину) девушка вообще могла не видеть нападающего.

— Похоже, его спугнули, — устало рассказывал Май подробности, которые удалось выяснить. — Корона и парик валялись на полу.

— Где её обнаружили?

— Какая-то съёмная квартира, никто не знает, почему она там оказалась. Соседи слышали крики... кстати, где был Воронцов?

— Полтора часа назад он снова пытался надавить на Рюмина, но, получив решительный отпор, побрёл в ближайший бар и там набрался до невменяемого состояния. Сейчас находится дома, предположительно спит.

— А точнее, что он делал в половине одиннадцатого?

— Дома был, таксист выгрузил его в десять пятнадцать.

— А ты?

— А мне в агентство нужно было заехать.

— То есть ты больше за ним не следил? — в голосе Мая послышались угрожающие нотки.

Антон слегка смутился:

— Да, а зачем? Говорю же — он был пьян настолько, что не мог передвигаться самостоятельно!

— Уверен?

— Да, он еле выполз из бара!

— А может он заметил слежку и просто водил тебя за нос?

— Я так не думаю, — уверенности в голосе Антона заметно поубавилось.

— Так вот теперь подумай хорошенько и ответь ещё раз, где наш писака был в половине одиннадцатого?

— Ну... наверное... дома...

— Ответ неправильный! — голос Мая отливало сталью. — Ты этого не знаешь, поскольку тебя там не было.

— Но...

— Поезжай к нему и всё проверь! — категорично велел Май тоном.

Антон почувствовал себя школьником, которого незаслуженно отчитал учитель. Внутри закипала злость, кем Арбенин себя возомнил, чтобы им командовать! С какой стати ехать к Воронцову, если он лично видел, как тот напивался в баре! Детектив глубоко вздохнул и постарался успокоиться. Да, он видел, как Глеб пропустил пару рюмок коньяка, а потом дожидался его в машине: находится в небольшом баре, не привлекая внимания, было затруднительно. Получается, Арбенин отчасти прав — он не может с точностью утверждать, чем именно занимался журналист в баре. Придётся поехать... Придётся, но не ему!

— Сам проверь! — Холодно распорядился он. — На звонок он может не выйти, а специалист по чужим замкам у нас — ты! Я лучше Рюмина навещу, больше толку будет.

Арбенин ворчливо согласился и ушёл. Всё ещё раздражённый Холмс быстро направился следом, но его внимание привлёк лежащий на столе снимок, тот самый, ради которого он собственно и вернулся. События развивались слишком стремительно, и в другой ситуации Антон не стал бы тратить на него драгоценное время, но что-то в лице девушки с мушкой показалось ему странно знакомым. Алик выделил его из общей фотографии, увеличил и сделал чётким, насколько это было возможно. Холмс осторожно взял снимок и долго вглядывался в это лицо, испытывая самые противоречивые чувства.

— Невозможно! Этого не может быть! — растеряно повторял он, а двадцатилетняя девушка, в нелепом парике и откровенном наряде продолжала кокетливо улыбаться с фотографии до боли знакомой улыбкой.

Сейчас в уголках этих глаз уже проявилась тоненькая сеточка морщинок, волосы стали короткими и потемнели от дорогой, закрашивающей седину краски. Мушка над губой бесследно исчезла, как и беспечное выражение глаз, а изысканные туалеты восхищали неброской стильной безыскусностью, и всё-таки это была она — известная актриса и его мать — Элен Холмс!

— Элен! — простонал Антон, сгорбившись под тяжестью осознания. Вот оно связующее звено между ним и убийцей! Фирма Мая здесь ни при чём, на тех рекламных флаерах стояло имя его матери!

* * *

Май выключил телефон и, прислонившись к стене, на мгновение закрыл глаза. Усталость методично выкачивала последние силы.

— Сколько ты уже не спишь? — раздался за спиной знакомый женский голос.

Май вздохнул, он почти забыл о её присутствии. Глаза открывать не хотелось, но пришлось. Что дальше? Ах да, дежурная улыбка и пара избитых фраз — всё как в приличном обществе.

— Я в порядке, Элли, спасибо за телефон.

Он вернул мобильник Элеоноре Кулешовой. Она приехала по вызову граждан, обнаруживших раненую Киру, и сопровождала «скорую» в больницу.

— Выглядишь неважно, — искренняя забота, звучащая в её голосе угнетала как долг, который нечем отдавать.

Его телефон разрядился, и женщина с готовностью одолжила свой. Она была очень рада этой неожиданной встрече и даже не пыталась скрывать свои чувства.

— Мы так давно не виделись...

Май вздохнул ещё раз: только объяснений ему сейчас не хватало.

— Мне нужно срочно уехать, — Он оглянулся на Ангелину, застывшую в одной позе на традиционной больничной кушетке.

Элеонора разочарованно вздохнула.

— Я сменюсь через полчаса, если подождёшь, могу повезти.

— Спасибо, я на машине и действительно тороплюсь.

Он подошёл к Скворцовой. Девушка сидела неестественно прямо и смотрела куда-то в

пол. Май опустил перед ней на корточки и заглянул в глаза — взгляд был застывшим, безжизненным.

— Скворчонок, мне нужно ненадолго уехать. Как ты?

— В порядке, — голос соответствовал выражению глаз.

— Я скоро вернусь, обещаю, что никуда не уйдёшь.

— Хорошо, — она даже не подняла головы.

Май смотрел на её бледное осунувшееся лицо и хмурился. Уж лучше бы ревела или причитала как все нормальные особи женского пола. Нет, этой и здесь нужно выделиться, — молчит как партизанка, а внутри, наверняка закипает готовый взорваться вулкан.

Элеонора с любопытством и некоторой тревогой наблюдала за происходящим. Ей не нравилось, как Май смотрит на девушку — словно оберегает, опекает. В принципе ничего особенного, но на неё он так никогда не смотрел, это задевало. К тому же она узнала в юной особе девчонку, с которой тот работал прошлым летом. Интересно, что их связывает? Впрочем, она ведь проходит свидетельницей в деле «Снежного короля» (так в прокураторе прозвали маньяка). Да, скорее всего дело в этом. Арбенин тем временем что-то быстро сказал девушке и почти бегом выскочил из отделения.

— Даже не попрощался! — с горечью отметила Элеонора. — Как будто меня не существует!

«Как всегда!» — злорадно отметило уязвлённое самолюбие, и любовь не стала спорить с ним как раньше. В этом больше не было смысла.

Розовые очки разбились, когда несколько месяцев назад Май исчез из её жизни, не соизволив даже предупредить о своём решении. Просто он никогда не считал, что их что-то связывает: спонтанный секс видимо был не в счёт. Она сама придумала сказку о несуществующей любви, сама построила воздушный замок — винить некого. Она и не винила... А сегодня, когда внезапно увидела Мая в отделении чуть не бросилась ему на шею на виду у всех. Её чувства не изменились, словно не было нескольких месяцев разрыва, но теперь это не имело значения. Элеонора вспомнила о своём недавнем дне рождения — в 33 года уже не строят воздушных замков. В этом возрасте полагается иметь настоящую, желательную собственную жилплощадь, которой у неё до сих пор не было. Подумала она и о знаках внимания, что с первой встречи оказывал ей старший следователь Бруталов — немолодой, но вполне обеспеченный холостяк с двухкомнатной квартирой на Краснопресненской. Вчера она впервые осталась в этой квартире на ночь...

За любовь не угонишься, а ей нужно думать о дочери и о собственном будущем. Женщина тяжело вздохнула, всё ещё глядя вслед Арбенину, но нашла в себе силы отвернуться от прошлого... навсегда.

* * *

Ангелина не понимала, что происходит. Разум, с трудом прорвавшись сквозь стену оцепенения, выхватывал обрывки происходящего и никак не мог связать их воедино. К Кире не пускали, отгораживаясь пугающей фразой «состояние стабильно тяжёлое». Май уехал. Она не знала, сколько он отсутствовал — время стало тягучим, словно вышло за рамки физических законов и совсем не ощущалось. Вокруг сновали люди в белых халатах и полицейской форме. Потом вернулся Арбенин. Их попросили покинуть отделение.

Высокий седоволосый мужчина в халате что-то громко говорил о нарушении больничного режима. Говорил ей и Маю, но почему-то ни слова не сказал подросшему Зарецкому — продюсеру Киры. Его даже в палату пустили. Видимо от больничного режима, как и от армии, некоторым давалось освобождение. Несправедливо, но у девушки не было ни сил, ни желания спорить. В состоянии почти полной апатии она позволила Маю увести себя из больницы. Он что-то говорил, кажется спрашивал не передумала ли она насчёт возвращения домой, к отцу. Нет, она не передумала, и он не стал спорить. Привёз её на квартиру, ту из которой ещё сегодня вечером Кира вышла живой и невредимой. Точнее вчера: стрелки часов давно отсчитали полночь. В привычной обстановке Ангелина стала понемногу приходить в себя. Май возился возле входной двери, встраивая что-то в замочную скважину.

— Сигнализация, — объяснил он, заметив её взгляд. — Чтобы незваные гости не застали нас врасплох.

— Нас? — осторожно уточнила певица.

Он устало улыбнулся.

— Да, нас. Я переночую здесь, вот прямо на этом диванчике, если не возражаешь.

Ангелина не возражала, ей совсем не хотелось оставаться наедине со своими мыслями и телефоном. Она бы звонила в больницу каждые пять минут и редела, услышав знакомое «состояние стабильно тяжёлое», а потом представляла, как чудовище в образе человека убивает Риту, Лену и Киру под её песню. Альтернатива не из приятных!

— Хорошо, я сейчас постелю.

— Не стоит, здесь и так удобно, а я слишком устал, чтобы привередничать.

— А я настаиваю, — Ангелина грустно улыбнулась. — Пожалуйста, не возражайте. Мне просто необходимо чем-то себя занять.

— Тебе необходимо отдохнуть, — покачал головой Арбенин, но спорить не стал.

Интересно, какие новости у Антона? Видел ли он Рюмина? Интересно, но не настолько чтобы названивать ему в два часа ночи, тем более что его собственная информация никак не могла помочь следствию. Воронцов спал дома прямо на полу и, судя по устойчивому запаху перегара, самостоятельно подняться на ноги просто не мог — железное алиби на момент убийства. Правда, это не значит, что он не мог быть подельником кровожадной твари. Ангелина вернулась из другой комнаты с полным комплектом спальных принадлежностей.

Май наблюдал за тем как девушка застилает диван красивой золотисто-голубой простыней и прикидывал достаточно ли устал, чтобы обойтись без снотворного и не видеть снов. Большую часть ночей он проводил один, поэтому раньше такой вопрос не был актуален, сегодня всё иначе. Девчонка и так на взводе ему не хотелось пугать её ещё больше. Но, едва коснувшись подушки, мужчина провалился в глубокий крепкий сон, успев подумать, что снотворное, похоже, не понадобится.

Ангелина, как ни старалась, не смогла последовать его примеру. Читать и смотреть телевизор тоже не получалось — мысли блуждали слишком далеко. Закрывшись в своей комнате, она всё-таки позвонила в больницу. Разумеется, не услышала ничего обнадеживающего, только сильнее расстроилась. Посмотрела на часы и со вздохом забралась под одеяло. Долго ворочалась, отгоняя дурные мысли, даже присутствие Мая не успокаивало. Ещё через полчаса надежда на нормальный сон была окончательно потеряна, зато начала мучить жажда.

Ангелина промаялась ещё несколько минут и со вздохом побрела на кухню. По пути она

заглянула в комнату, где спал Арбенин. Просто убедиться, что всё в порядке — именно так она объяснила этот внезапный порыв самой себе. Его сон не был спокойным. Мужчина тоже без конца ворочался и вздыхал. В неярком свете фонарей, пробивающемся сквозь шторы, Ангелина увидела выражение его лица и испугалась. Она и представить себе не могла, что лицо спящего человека может выражать такую степень отчаяния. Он снова перевернулся и вдруг очередной вздох перешёл в протяжный громкий стон боли. Девушка вздрогнула и застыла в нерешительности. Она лучше многих знала, что такое ночные кошмары, в которых встречаешься с самыми ужасными чудовищами подсознания, не знала только что с этим делать. Когда тётя будила её посреди такого сна, она потом не могла уснуть до утра, а Маю необходимо выспаться. Свой самый первый «триллер» Ангелина увидела в четыре года после просмотра «Щелкунчика». Её преследовал огромный мышиный король. Она как сейчас помнила пронзительный ужас, сковавший хрупкое детское сознание. Хотелось кричать, чтобы услышали и помогли, но голос пропадал, и она могла только стонать, как сейчас Арбенин. Тогда рядом была мама. Она обнимала её, гладила по волосам, заплаканному лицу, шептала что-то ласковое нежное и кошмар отступал. Как же давно это было!

Май снова заворочался и застонал громче. Ангелина быстро подошла к спящему, села рядом, успокаивающе погладила по волосам и прошептала, совсем как мама когда-то:

— Тише, тише! Это просто сон. Я здесь, рядом. Всё хорошо.

Но преследователи Мая были страшнее мышинного короля. Он ещё долго стонал и метался по подушке, бормоча что-то бессвязное. Ангелина сидела рядом, гладила его по лицу, плечам, волосам и терпеливо как мантру повторяла:

— Успокойся. Это просто сон. Всё будет хорошо.

Он затих только через полчаса. Уткнулся лицом в её ладони, обхватил руками плечи и не отпускал. Ангелина со вздохом прилегла рядом. Она слушала, как постепенно выравнивается его дыхание и не заметила, как уснула сама.

* * *

Антон провёл эту ночь в огромной библиотеке отцовского особняка, разглядывая семейные фотографии разных лет. Словно в детской игре «Найди десять отличий», детектив пытался убедить себя, что на той фотографии не его мать, а просто очень похожая девушка, но сходство было слишком явным.

И всё же это не могла быть Элен Холмс! Не нужно особой прозорливости, чтобы понять — костюмы на девушках не маскарадные, а рабочие. В таких микроскопических полупрозрачных тряпочках в лучшем случае выходят на сцену к шесту, а в худшем... Об это он даже думать не хотел! Его мать родом из аристократической английской семьи, перебравшейся в Россию в начале прошлого века. Она воспитана в лучших традициях дворянского этикета и просто не могла пасть так низко! Здесь какое-то недоразумение! Да, именно так. Нужно выяснить всё как можно скорее.

Не заботясь о разнице во времени, Антон набрал номер матери (Элен сейчас снималась в Италии) и после короткого вступления осторожно поинтересовался, знакома ли она с певицей Галиной Серовой. Актриса ответила быстро, резко и отрицательно. Слишком быстро и слишком резко. Антон ещё никогда не слышал стальных ноток в мягком голосе

матери, их появление только усилило подозрения. Хуже всего было то, что она даже ничего не спросила, как сделал бы любой действительно находящийся в неведении человек. Просто велела не заниматься ерундой, не собирать сплетни и повесила трубку.

Антон расстроился, не зная, что предпринять. Элен ясно дала понять, что на её откровенность он может не рассчитывать. Что же делать? Копаться в прошлом родной матери — унизительно! С другой стороны, что ему остаётся? Обсудить эту тему с отцом? Абсурд, тот, скорее всего не в курсе, а вносить разлад в собственную семью Антон не хотел. Немного подумав, он открыл свой ноутбук и снова вышел на знакомую страничку сайта «Сплетни. Ру», где «Гость» и «Лисичка» недавно обсуждали интересующую его тему. На этот раз сообщений здесь прибавилось. «Гость» всё же ответил на вопрос «Лисички» (и как же зовут эту о-о-очень известную даму?) — «Элен Холмс!»

— Негодяй! — Антон побагровел от ярости.

Как он посмел выставлять имя его матери на грязном сайте среди ещё более грязных сплетен! Ничего, Алик завтра же уберёт эту гадость и разыщет наглеца! Алик? Стоп! Здесь ещё одна проблема, точнее вопрос — стоит ли посвящать сотрудников в свои семейные тайны? И особенно Арбенина? Так и не приняв решения, детектив уснул прямо в кресле с ноутбуком в руках.

Май проснулся как обычно в шесть утра. Усталость не отступила полностью за эти несколько коротких часов, но вполне можно было жить и работать дальше. Его организм как запрограммированный процессор привык заряжаться в сжатые сроки.

Он повернулся на бок и замер, уткнувшись лицом в распущенные волосы Анжелины. Только теперь Май заметил, что его правая рука сжимает плечи девушки в неуклюжем полуобъятии, а пальцы левой переплетены с её тонкими пальчиками. Что бы это значило?! Май осторожно тряхнул головой, вспоминая события прошлой ночи. Он прекрасно помнил, что засыпал один, Ангелина ушла в свою комнату. Если бы события развалились более романтично — он бы этого не забыл, не смотря на крайнюю степень усталости. Далее в памяти красочными картинками стали всплывать фрагменты ночного кошмара. Вот этого он точно вспоминать не хотел — насмотрелся за последние десять лет!

Май не знал, что именно с ним происходит во время таких сновидений, пока однажды не проснулся ночью от собственного крика. Значит и сегодня ночью... Он вспомнил ещё кое-что — тихий, мягкий успокаивающий голос, в конце концов, разогнавший чудовищ в человеческих обликах. Получается, это был не сон! Май смутился, представив как должно быть, жалко выглядел, если девочка бросилась его утешать. И всё равно приятно! Даже более чем. Он долго смотрел на её длинные трепещущие ресницы, бледные щёки, курносый носик, мягко поглаживал пальчики, которые не хотел отпускать и испытывал странное забытое чувство горькой щемящей нежности. На одно мгновение мужчина позволил себе то, чего не позволял уже десять лет — мечтать.

Он попытался представить, что это самое обыкновенное утро самого обыкновенного дня. Что впереди ещё целая жизнь из таких вот простых обыкновенных дней: без призраков прошлого, без страха, без мести, без Воропаева. И много-много таких же обыкновенных ночей: без кошмаров, тайн и одиночества — счастливых ночей. Арбенин горько усмехнулся и покачал головой: какой дурак сказал, что мечтать не вредно?! Думать о том, чего хочешь, но никогда не сможешь получить — это же чистой воды мазохизм! Он сделал свой выбор десять лет назад в пользу прошлого и теперь не имел права на будущее, даже настоящее ему не принадлежало. Разве что этот крохотный миг между сном и реальностью, но и он подходил к концу. Ангелина зашевелилась, пробормотала имя Киры и открыла глаза. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, разделяемые всего парой миллиметров, затем Ангелина вспыхнула и поспешно соскочила на пол.

— Доброе утро, — улыбнулся Май. — Как спалось?

Ангелина продолжала пылать от стыда, представляя, что он подумал, увидев её рядом.

— Э... хорошо... спасибо. Я просто... вы кричали во сне и я...

— Извини, со мной такое иногда случается. Испугалась?

— Скорее удивилась. Думала, кошмары снятся только мне.

Она смущённо улыбнулась и подняла глаза, но вдруг помрачнела, вспомнив события прошлой ночи.

— Кира! Как она?!

Девушка бросилась к телефону, а Май облегчённо вздохнул, радуясь, что тема кошмаров, похоже, закрыта. Элементарный вопрос «что тебе снилось?» вызывал у него чуть ли не желудочные колики. Ангелина уже закончила разговор и медленно положила трубку.

Новости были неутешительными, вернее их не было вообще. Состояние Киры не изменилось.

— Она всё ещё жива и сейчас это главное, — заметил Май, пытаясь успокоить расстроенную девушку.

— Всё ещё! — с горечью повторила она. — А если он вернётся, чтобы завершить начатое?! Нужно немедленно ехать в больницу!

— Поедем обязательно, только чуть позже. Возле палаты Киры дежурит полицейский пост. Она в безопасности. А нам с тобой было бы не плохо выпить по чашечке горячего кофе и принять контрастный душ. По очереди, разумеется, уточняю пока ты не начала возмущаться. — улыбнулся мужчина, любясь её зарумянившимися щеками.

На самом деле лично он не возражал бы против совместного душа, но....

— Мечтать не вредно! — ворчливо повторил Май. — И какой же кретин это придумал?!

* * *

Антон проснулся с головной болью и твёрдым намерением посетить Рюмина. Вчера, сражённый неожиданным открытием, он так и не успел этого сделать. Леонид Максимович, заметив болезненное состояние сына, посоветовал не садиться за руль — синоптики наперебой сообщали о гололёде на дорогах. Антон прислушался к его совету и воспользовался услугами личного водителя отца Мирослава Вакуленко. Уже из салона автомобиля он позвонил Виталию Павловичу и договорился о встрече.

Психолог крайне возбуждённый последними событиями с радостью согласился принять детектива. Затем Антон перезвонил Маю узнать о результатах посещения Воронцова. Арбенин с неохотой признал правоту Холмса — журналист вчера был не в состоянии совершить убийство. Холмс удовлетворённо улыбнулся, так-то лучше: он всегда прав! Ну или почти всегда... Только тут Антон заметил, что Мирослав уже подъезжает к офису Рюмина, хотя он точно помнил, что не успел сказать водителю нужный адрес. В ответ на его удивлённый вопрос, смуглый круглолицый парень задорно улыбнулся и объяснил, что понял, куда нужно ехать из телефонного разговора Антона, а адрес Рюмина ему прекрасно знаком.

— В сентябре я здесь бывал довольно часто! — признался он.

Антон удивился, добродушный парень казался, просто лучился жизнелюбием и оптимизмом, как-то не верилось, что ему могла понадобиться помощь психолога. Детектив недоверчиво покачал головой, но промолчал: он был слишком хорошо воспитан, чтобы задавать столь личные вопросы из чистого любопытства.

* * *

Нет, Кирсана Тимохина не была клиенткой Рюмина. Более того, она никогда не переступала порога его приёмной. Конечно, он не раз видел её по телевизору — очаровательная девочка! Какая жалость, что ей так не повезло! Очень странно, она совсем не ассоциируется с образом снежной мерзавки, насколько можно судить со стороны, разумеется. Лично он ведь с певицей не общался. Антон слушал излишне оживлённые рассуждения психолога не слишком внимательно. Он всё ещё находился под впечатлением

от своего открытия, но делиться им с Рюминым не собирался. Виталий Павлович заметил его состояние, истолковал его по-своему.

— Антон Леонидович, я вас, право, не узнаю! Раньше вы не ходили вокруг да около! Вы ведь совсем не об этом хотели поговорить, верно? Алиби на момент убийства у меня нет. Так что я у вас по-прежнему главный подозреваемый!

Рюмин развёл руками в притворном отчаянии, Антон невесело усмехнулся:

— Вы себе льстите, Виталий Павлович — не первый, как впрочем и не последний. Хорошо, давайте поговорим о подозреваемых. По какому поводу к вам обращался журналист Максим Гребцов?

Озадаченный Рюмин склонился над компьютером.

— Гребцов — знакомая фамилия. Постойте! Это не один ли из воздыхателей несчастной Риты? Так он ко мне не обращался — я бы запомнил и, конечно, давно бы вам об этом рассказал.

— Странно. У меня другие сведения: он был записан к вам на приём 18 ноября.

— Сейчас проверим! — Виталий Павлович снова погрузился в изучение виртуальной документации. — Действительно, есть такая запись: Гребцов Максим Викторович — 18 ноября 17–30, только он не пришёл. У меня тут отмечено — сеанс отменён. Вообще в тот день у меня было всего два клиента в 9–30 и в 11–00.

— Как же так?! — не поверил Антон. — Наши данные снова расходятся, по моим — у вас всё же был посетитель в это время.

Рюмин удивленно заморгал и надолго погрузился в воспоминания.

— Не помню — столько времени прошло, — с сожалением признался он. — И откуда у вас такие сведения, хотел бы я знать. Обычно я не принимаю без предварительной записи, исключения делаю только в особых случаях. В тот день точно ничего такого не было, да и ушёл я на два часа раньше — коллега на день рождения пригласил.

— Но у меня есть свидетель, который видел, как в это время к вам заходил мужчина.

— И как он выглядел?

Антон вспомнил туманное описание Ангелины:

— Широкоплечий, коренастый и простуженный — часто кашлял.

Рюмин засмеялся:

— Одно могу сказать точно — ваш свидетель у меня не часто бывал, раз уж не смог узнать моего ассистента Маркина.

— Вы уверены, что это был именно он?

— Уверен. Посетителей у меня не было, а Маркин с утра чувствовал себя неважно — у него бронхиальная астма. Процесс видимо обострился, вот он и предупредил, что уйдёт пораньше. Позвольте теперь мне спросить: какое отношение это имеет к нашим королевам?

Антон обдумывал полученную информацию.

— Пока не знаю, — честно признался он. — Не беспокойтесь, я помню о вашей диссертации, когда всё прояснится, вы получите необходимую информацию. А пока задавать вопросы — моя привилегия, договорились?

Виталий Павлович смиренно кивнул:

— Договорились. Что ещё вы хотите узнать?

— Меня смущает один момент: почему подготовка к убийству Риты была такой долгой? Все эти запахи и песни по радио начались, по крайней мере, за месяц до трагедии. А Невезухина и Тимохина попали под нож фактически сразу после музыкальной заявки?

Насколько я знаю, запахами их заранее тоже не пугали.

Виталий Павлович удовлетворённо кивнул.

— Я думал об этом и нашёл только одно объяснение: Маргарита Майер не случайно стала первой жертвой. Думаю, у убийцы имелись к ней большие личные претензии, чего не было в двух остальных случаях. Невезухина и Тимохина просто ассоциировались с какими-то чертами уничтожаемого образа — ничего личного, поэтому он не тратил много времени на создание фона. На вашем месте я бы хорошенько покопался в прошлом актрисы.

Антон невольно скривился — последняя фраза прозвучала двусмысленно, но полностью вместила его худшие опасения. Ему предстояла большая и грязная работа: копаться в прошлом двух актрис, одна из которых была его матерью!

Антон попросил Мирослава заехать в агентство и, выбравшись из машины, медленно побрёл к офису. От переживаний и сомнений у него разболелась голова, но зрение функционировало в привычном рабочем режиме. Краем глаза он заметил знакомый бежевый плащ, мелькнувший на той стороне улицы, и молниеносно бросился в ближайший подземный переход, надеясь догнать его хозяйку. Детектив уже давно хотел задать ей несколько вопросов. Женщина заметила его сразу. Антон почти не удивился, когда она бросилась убежать, но он оказался быстрее и настиг даму у дверей огромного супермаркета.

— Лиза, здравствуйте! Куда же вы так спешите! Нам нужно кое-что обсудить, может, зайдём в агентство? — спокойным будничным тоном предложил Антон.

Их пробежка среди многолюдной улицы не осталась незамеченной, и он старался вести себя как можно естественнее, чтобы не привлекать дополнительного внимания. Лиза ему в этом совсем не помогала. Она буквально вжалась в стену и повторяла слабым дрожащим голосом:

— Отпустите, я ничего не знаю! Клянусь, не знаю! Это всё он! Он меня заставил!

— Лиза, успокойтесь! — Антон опаской посмотрел по сторонам — на них снова начали оглядываться. — Идёмте в агентство, там спокойно побеседуем.

Она перепугалась ещё больше, глаза за толстыми линзами очков казались огромными.

— Я никуда не пойду! Умоляю, отпустите, он убьёт меня, он, он...

— Да кто он?! — нервная дрожь Лизы невольно предалась Антону.

Женщина побледнела ещё больше и вдруг, резко оттолкнув детектива, бросилась бежать. Она успела заскочить в автобус № 45, он тронулся. Антон бросился к Мирославу, всё ещё рассчитывая на беседу с Лизой, которая похоже знала гораздо больше, чем говорила, но его отвлек телефонный звонок. Звонил Арбенин, он сообщил, что Кира Тимохина пришла к себе и Антон, поменяв планы, отправился в больницу.

* * *

— Она ничего не видела. Услышала звуки за спиной, заметила тень с занесённым ножом и бросилась бежать, но не успела, — пересказала Ангелина Арбенину сбивчивый рассказ подруги.

Его, представившегося частным детективом, в палату просто не пустили. Эллы не было, а присутствующие здесь незнакомые полицейские на контакт идти не собирались. Вот и приходилось довольствоваться информацией из вторых рук, а это уже на самый точный источник — всё равно, что игра в испорченный телефон. Антону вряд ли удастся изменить

ситуацию — уж очень строгим и принципиальным оказался заведующий отделением. Впрочем, из любого правила есть исключения, Зарецкого же он пропустил.

Май невольно поёжился, вспомнив взгляд, которым одарил всех присутствующих известный продюсер прошлой ночью: пустой, бессмысленный, почти безумный — страшный взгляд. Кто бы его не пустил? Так смотрят люди, которым нечего терять, которые ни перед чем не остановятся.

— Как она вообще там оказалась? — со вздохом уточнил он.

— Ей кто-то позвонил от имени мужчины, с которым она встречается, и назначил срочное свидание на этой квартире. Больше Кира ничего не говорила, да я и не спрашивала, она ещё очень слаба.

Май кивнул:

— И правильно, теперь вопросы нужно задавать Зарецкому. Если кто-то назначил девушке свидание от его имени — он не просто сторонний наблюдатель, раз уж в курсе их отношений. Они ведь их, как я понял, не афишировали?

Ангелина резко подняла склонённую голову и уставилась на Мая в немом изумлении.

— Какие отношения? Вы о чём?! — выдавила она, наконец, звенящим от возмущения голосом. — Они просто работали вместе: продюсер и певица — не больше! Почему все считают, что такой союз не может быть просто деловым?

Май недоверчиво усмехнулся.

— Скворцова, ты меня удивляешь! Зачитываешься книжными страстями, а реальных не замечаешь. Думаешь, почему он торчит здесь почти сутки?

— Ну... переживает за Киру. Она — один из его самых успешных проектов, — неуверенно объяснила Ангелина. В памяти звучали слова подруги о семейном положении её избранника, и предположение Мая уже не казалось таким невероятным. Это объясняло необходимость скрывать правду не только от посторонних, но и от близких. Ведь даже она — её лучшая подруга не была в курсе происходящего.

— Заряна тоже была его лучшим проектом, не помню, чтобы он по ней так убивался.

— Это ещё не доказательство, — упрямо заявила Ангелина. Недостающие кусочки пазлов встали на свои места, и получившаяся картинка ей не понравилась. Неужели это правда? Невероятно, так не похоже на Киру! Да и Зарецкий не производит впечатление ловеласа. Даже журналисты окрестили его «закоренелым семьянином», как же такое могло случиться?!

— А то, что злополучная квартира принадлежит самому Леониду Егоровичу — простое совпадение? Алик сегодня выяснил.

Девушка долго смотрела на двери палаты, в которую не пустили никого кроме Зарецкого. Ей разрешили зайти лишь на пару минут, да и то по настоятельной просьбе самой Киры, а продюсер провёл там уже больше часа и похоже не собирается уходить.

— Я этого не знала, — тихо призналась она. — Честно говоря, не могу представить их вместе. Он намного старше и вообще...

Губы Мая искривились в циничной усмешке:

— Любовь зла, полюбишь и старого козла!

Ангелина поморщилась от столь грубой прямолинейности.

— Дело даже не в возрасте, просто им обоим не свойственно... такое...э... безрассудство...

Мужчина промолчал. Много из того, что происходило с ним сейчас, тоже не было

свойственно тому Арбенину, которым он был все эти десять лет и которого, как ему казалось, прекрасно знал. Его желания в отношении женщин всегда были простыми и понятными, возможно примитивными, но точно не такими идиотскими как сейчас. Он раздражённо стиснул руку в кулак, подавив глупейший порыв поправить выбившиеся из её причёски локоны, разгладить пальцами тоненькую морщинку на переносице и облегчённо вздохнул, заметив появившегося Холмса.

Наконец-то мысли вернуться в привычное русло. Во всяком случае, он на это очень рассчитывал.

* * *

Вернувшись в машину, Антон устало откинулся в кресле для пассажиров и поздравил себя с очередным тупиком. Разумеется, Кира ничего не видела, разумеется, Зарецкий всё отрицает. Лизу теперь не найти, а у Рюмина по-прежнему нет алиби — отличный повод для мигрени!

— Антон Леонидович, вы в порядке? — заглянув в салон, с тревогой спросил Мирослав. Тревога была искренней. Холмс слегка улыбнулся:

— Спасибо, всё отлично.

Мирослав ему нравился, он производил впечатление здравомыслящего, но вполне довольного жизнью человека — весьма редкое сочетание. И в наблюдательности парню не откажешь, в этом Антон тоже убедился, пожалуй, стоит поинтересоваться его мнением.

— Мирослав, позвольте спросить, что вы думаете о Виталии Павловиче Рюмине? Вы ведь знакомы, если я правильно понял?

— Не совсем, — парень сверкнул белозубой улыбкой. — Видел пару раз — вот и всё знакомство.

Детектив непонимающе нахмурился и уточнил:

— Вы говорили о частых визитах к нему в недавнем прошлом, вот я и подумал...

— А это! Так я сам с ним не общался, только вашу маму туда возил, — простодушно признался парень, продолжая улыбаться.

Антон почувствовал как над ним жестко, и неумолимо сжимаются тиски огромного капкана. Только бы успеть найти того, кто его поставил!

Кира попросила привезти кое-какие вещи, и Ангелина с радостью ухватилась за возможность хоть ненадолго покинуть больницу. Поговорить им так и не удалось, и девушка чувствовала себя неловко в роли стороннего наблюдателя, словно тайком подглядывала в замочную скважину.

Они вели себя очень сдержанно. Зарецкий, успокоившись, взял себя в руки и оказывал своей подопечной внимания не больше, чем позволяли приличия, даже уехал по делам через пару часов. Кира держалась не хуже и только их взгляды, случайные, горячие, неподвластные контролю разума сводили на нет все попытки маскировки. Значит, Арбенин прав! Ангелина в этом больше не сомневалась, и всё-таки это открытие не укладывалось у неё в голове. Вернее она не знала, как относится к сложившейся ситуации.

— Приехали, спящая красавица! Очнись уже, — ворчливо позвал Май, слегка задетый полным отсутствием внимания с её стороны: девушка всю дорогу молчала, рассеянно глядя в окно.

— Что? А... спасибо, вам лучше подождать здесь, я скоро вернусь.

— Ну, вот ещё! Здесь даже кофеварки нет. Я пойду с тобой, и пока ты будешь искать вещи, угощусь чашечкой кофе, в больнице он отвратный. Не возражаешь?

Не дождавшись ответа, Май выбрался из машины вслед за певицей и вошёл в подъезд первым.

— Вопрос видимо риторический, — проворчала Ангелина, но в глубине души она была рада его присутствию.

Она догнала Арбенина лишь на лестничной площадке, когда он, склонившись, колдовал над её замком. В квартиру они вошли вместе и вместе дружно отступили назад. Ангелина испуганно охнула и инстинктивно спряталась за Мая, тот негромко выругался и молниеносно выхватил пистолет. Но эта предосторожность оказалась лишней — в разгромленной квартире никого не было.

* * *

— Из вещей, документов, драгоценностей ничего не пропало? — в десятый раз уточнил Холмс, рассеяно глядя в окно.

Ангелина и Май переглянулись.

— Ничего не пропало, — сдержанно ответила девушка и, повернувшись к Арбенину, шёпотом уточнила: — На каком языке мне ему ещё ответить, чтобы понял?

— Ты этим языком не владеешь, я сейчас сам ему всё объясню, да так, что желание задавать тупые вопросы сразу исчезнет! А ты посиди пока минутку в приёмной, только никуда не уходи. Договорились?

— Договорились.

— Точно не сбежишь?

Девушка сверкнула возмущённым взглядом из-под длинной чёлки:

— Точно! Куда мне бежать?

— Ну мало ли! — Май вывел Ангелину в приёмную и усадил возле Риммы.

— Присмотри за ней, чтобы не сбежала, — велел он секретарше.

Ангелина покраснела от возмущения:

— Я ведь сказала — никуда не уйду!

— Извини, я привык перестраховываться. Вдруг ты захочешь навестить, например, своего Гошу. Рима, ты меня поняла, отвечаешь головой!

— А ничего, что у меня рабочий день заканчивается! — рассердилась Римма. — Это тебя не смущает?

— Меня? — невинно улыбнулся Май. — Разве ты забыла — меня невозможно смутить.

— Это точно! — проворчала Ангелина, но дверь за ним уже захлопнулась. Сверлить её сердитым взглядом не имело смысла, но девушка какое-то время занималась именно этим.

Римма понимающе улыбнулась.

— Вижу, не только мне порой хочется свернуть ему шею.

Ангелина со вздохом встала и прошлась по приёмной, признавшись:

— Вообще-то я думала о более изощрённых пытках. Свернуть шею — это слишком просто!

* * *

Антон не заметил их диалога и исчезновения Ангелины. Он по-прежнему рассеянно смотрел в окно, механически опуская и поднимая жалюзи.

— Оставь верёвки в покое и объясни, наконец, что с тобой происходит! — резко скомандовал Май. Антон вздрогнул и нехотя обернулся.

— Со мной всё в порядке! Что ещё я тебе должен объяснить?

— Много чего. Например, почему ты тупишь битый час, и где тебя носило полдня? Я устал болтать с твоим автоответчиком.

Холмс раздражённо повёл плечом и отвернулся:

— Могут у меня быть личные дела?

— Не-а! Никаких личных дел пока не окончена основная работа! — насмешливо процитировал Май любимую фразу Холмса-начальника.

Антон некоторое время колебался, решая, насколько может довериться бывшему помощнику. Ответ был — 50 процентов. Связь последнего с Воропаевым стопроцентного доверия не внушала. колебался несо

— Я узнал, что осенью Рюмина часто посещала моя мать, — неохотно признался он.

— И?

Антон недоверчиво покосился в сторону Арбенина. Май, скрестив руки, прислонился к противоположной стене и разглядывал его с вежливым безразличием.

— И? Это всё что ты можешь сказать?!

— Пока ты не продолжишь да. Могу добавить другие союзы и междометия, но на громкие фразы пока не тянет. К Рюмину ходят многие знаменитые дамочки, что с того?

Антон вздохнул с облегчением, он боялся, что бывший следователь придаст этому факту слишком большое значение.

— Ты прав, ничего особенного. Просто неприятно... К тому же она приходила не на приём, а устраивала на работу сына одной знакомой.

— Почему именно к Рюмину? Он тоже её знакомый?

Антон нахмурился:

— Нет, я разговаривал с отцом — он помнит эту историю. Она сказала, что встретила старую подругу, которая отчаянно нуждается. Ну не повезло человеку в жизни: муж умер, а сын психолог по образованию не может найти хорошую работу. Вот она и взялась помочь: навела справки о самых престижных вакансиях и выбрала Рюмина — его практика действительно процветает. Отец говорит, ему пришлось много заплатить.

Эта информация заинтересовала Арбенина гораздо больше.

— А что если речь идёт о шантаже?

— Не думаю. Я уже виделся с Виталием Павловичем — информация подтвердилась, мама устроила к нему Маркина. Помнишь, его нагловатого ассистента?

— А ты его помнишь? Если твоя мать принимала такое горячее участие в его судьбе, ты должен был о нём хоть что-то слышать, как и об этой старой подруге.

— Не обязательно, если история давняя. Но меня удивило, что отец тоже о них почти ничего не знает, — со вздохом признался Антон.

С такой же неохотой отец говорил о той маминой подруге. Возможно, у него были на это основания, но Антону он больше ничего не сказал, а детектив не стал настаивать. Выведывать подробности, не упоминая о фотографии и расследуемом деле, не представлялось возможным.

— Так нужно узнать. Это может оказаться полезным.

— Думаешь, её подругу зовут Галина Перова? — усмехнулся Антон.

— Думаю, это нужно выяснить, — настаивал Май. — Маркин тоже есть в списке подозреваемых.

— Знаю. Именно это я и собирался сделать, когда ты позвонил. Так что случилось в квартире Киры?

— Нечто похожее на быстрый грубый обыск. Из вещей и ценностей, если ты не слышал ответ в прошлые десять раз, ничего не пропало.

— Обыск? Где именно?

— Везде, хотя больше в комнатах девочек. Всё перевёрнуто, но ничего не пропало, как будто что-то искали. Только не спрашивай что, лучше займись поискам матери Маркина.

— Да, я как раз узнал её адрес. А как быть с Ангелиной? Ей нельзя оставаться в этой квартире одной.

— Без тебя бы не догадался! — устало проворчал Арбенин. — Я позабочусь о ней. Ты пока пообщайся с матушкой Маркина, а потом поболтай со своей.

Антон насторожился:

— А это ещё зачем?

— Во-первых, она принимала горячее участие в трудоустройстве одного из главных подозреваемых.

— А во-вторых?

— Во-вторых, её зовут Элен — это тебе не о чём не говорит?

— Надо же вспомнил! — ошетинился Холмс, готовый защищаться и доказывать непричастность членов своей семьи к кровавой истории «снежной королевы», но Май не успел развить тему — позвонил Воропаев и велел немедленно ехать в офис. Он выскочил из кабинета, даже не попрощавшись с недоумевающим Холмсом.

В приёмной было шумно: вернулся Алик и, обнаружив старую знакомую, не умолкал ни на минуту. Ангелина тоже была рада увидеть паренька и чувствовала себя с ним вполне

непринуждённо, а удивлённая Римма узнала за эти несколько минут много нового. Оказалось, девушка когда-то была её заместительницей, а теперь она довольно известная певица.

— Привет, Май! — просиял Белкин. — Здорово! Сегодня у нас вся команда в сборе.

— Ага, команда КВН! — фыркнув, подытожила Римма. — В таком составе мы бы туда идеально вписались.

Май бросил взгляд на часы и напомнил:

— Римма, ты вроде домой торопилась? Собирайся я тебя отвезу.

Секретарша насторожилась:

— С чего вдруг такое великодушие? Что ты задумал?

— Обижаешь! Я что уже не могу просто подвезти старую подругу?

— За старую — отдельное спасибо! Я тебя слишком хорошо знаю, дорогой. Ты тот ещё фрукт и по доброте душевной ничего не делаешь.

— Ладно, раз ты обо мне такого низкого мнения — постараюсь его оправдать. Скворцова, ты тоже собирайся! Погостишь пока у Риммы, ей дома всё равно делать нечего, посидите поболтаете по-девичьи, а вечером я приеду. Ты же не против, милая? — он ослепительно улыбнулся Римме, в зелёных глазах которой мгновенно запылало пламя праведного гнева.

— Арбенин, тебе никто не говорил, что ты хам второй категории?!

— Почему не первой? — мрачно уточнила Ангелина. В её глазах горел точно такое же пламя.

— Первой был мой бывший! — охотно объяснила Римма. — Однажды, когда меня не было дома, он собрал вещички и исчез в неизвестном направлении, прихватив все мои сбережения. Этот, — она кивнула в сторону Арбенина, — тоже может сбежать без предупреждения, но, по крайней мере, чужого не возьмёт, наоборот, ещё и своё оставит. Май не жмот — единственное его достоинство.

Мужчина отвесил ей шуточный поклон:

— Благодарю за комплимент. А теперь, девочки, быстро в машину у меня времени в обрез.

— А моё мнение вообще не учитывается? — обиделась Ангелина. — Я собираюсь навестить Киру и не хочу мешать Римме!

Май глубоко вздохнул, пытаясь подавить раздражение: пора бы привыкнуть — девчонка никогда не уступит первой. Надо же — такая мелкая и такая упрямая! Но кроме раздражения её упорство вызывало и другие чувства, анализировать которые он не собирался. На это сейчас просто не было времени и, похоже, уже не будет... в этой жизни.

— Римме ты не помешаешь: невозможно помешать тому, кто ничего не делает, — терпеливо объяснил он. — Маникюр и трескотня по телефону не в счёт. У Киры ты уже была, отвезла вещи и что? Спорю, она даже не заметила твоего присутствия!

Ангелина вздохнула, признавая его правоту. Зарецкий уже вернулся, и Кире было не до подруги. Май подошёл к девушке почти вплотную и, мягко приподняв за подбородок, попросил:

— Скворчонок, ну пожалуйста, сделай хоть раз, так как я прошу без лишних споров и вопросов, хорошо? Не усложняй мне жизнь, поверь, она и без того очень сложная.

Усталость сквозившая в его голосе окончательно погасила её возмущение, а взгляд карих глаз был таким непривычно тёплым, что спорить совсем не хотелось.

— Хорошо, — выдохнула она, соглашаясь. Рука непроизвольно потянулась к его лицу и, замерев в сантиметре от него, безвольно упала вниз. Но Май, повинувшись необъяснимому порыву, перехватил её ладошку и на какую-то долю секунды прижал к своей щеке.

Алик и Римма с удивлением наблюдавшие за этой сценой как по команде отвернулись. Было в этом простом жесте что-то столь сокровенное, что они невольно почувствовали себя посторонними, тайком подсматривающими в замочную скважину.

— О' кей, ребята, давайте поторопимся. Не хочу опаздывать на любимый сериал! — сказала Римма, всё ещё не решаясь обернуться.

Май тут же отпустил руку Ангелины и отвернувшись, пробормотал:

— Ну вот, ещё одна любительница сериалов! Значит, вам будет о чём поговорить!

«Можешь не сомневаться! — подумала Римма, с любопытством разглядывая странную пару. — Например, о тебе, точнее о вас — это поинтереснее сериалов будет!»

* * *

Холодный взгляд Воропаева ассоциировался у большинства сотрудников с рентгеновским аппаратом: казалось, начальник считывал все, даже самые потаённые мысли. Под этим взглядом Маю всегда хотелось извиниться. Вот и сейчас он с трудом поборол это нелепое желание, ожидая распоряжений большого босса.

— А ты не слишком торопишься, — недовольно заметил тот.

Видимо извиняться всё же придётся.

— Да, так вышло. Но вы ведь знаете, где я был и чем занимался. — Арбенин спокойно выдержал всю тяжесть обрушившегося на него «рентгеновского» взгляда Геннадия Викторовича.

— Ерундой ты занимался, это уже не актуально. — Воропаев, наконец, позволил себе и подчинённому расслабиться. Он откинулся в кресле, почти радушно кивнув на другое: — Присядь, разговор есть.

Май послушался.

— Извините, я не совсем понял, что не актуально?

— Всё чем ты занимался в последнее время — пустая трата времени.

— Но вы ведь сами решили...

Воропаев нетерпеливо отмахнулся:

— Да, я так решил, а теперь отменяю своё решение! Тебе больше не нужно этим заниматься. У нас найдутся дела поважнее. Если конечно, ты хочешь принять участие в играх для взрослых мальчиков!

— Этого я хочу больше всего на свете! — горячо и искренне заверил Май. Он слишком долго ждал подобного предложения.

Начальник удовлетворённо кивнул:

— Я так и думал, ты парень с амбициями — сразу видно. Но, как ты сам понимаешь, там, где ставки высоки и спрос соответствующий.

— Я к этому готов!

— Если ты ошибёшься или...

— Не ошибусь. Я справлюсь — не сомневайтесь!

Ещё один ледяной взгляд Воропаева оттаял под спокойной улыбкой Мая.

— Отлично! Я собираюсь обновить состав моей команды. Большая её часть — это рабы покорные, но тупые и безынициативные — от них никакого толку. Есть ещё горстка зарвавшихся холопов, которые не против сами постоять у руля. Я проведу небольшую чистку, избавлюсь от балласта и подыщу для тебя хлебное местечко. Но это потом, сейчас нужно решить небольшую проблему! Думаю, ты понимаешь, что наш настоящий товар немного отличается от заявленного в лицензии?

— Догадался, когда спускал труп Воланда с обрыва, — улыбка Мая стала ещё шире.

Воропаев окончательно расслабился:

— Чисто сработано. Я наблюдал за тобой всё это время и не разочарован. Думаю, мы сработаемся.

— Спасибо! Я вас не подведу.

— Надеюсь! Работа в «Элен» может быть очень выгодной, если получится устранить проблему....

От внимания Арбенина не ускользнула едва заметная нотка тревоги в голосе начальника.

— О какой проблеме идёт речь? Я могу помочь?

Геннадий Викторович нахмурился:

— Есть люди, точнее один человек, который нам очень мешает. Его предшественник был гораздо сговорчивее, а этот... Он сел нам на хвост и переправить товар через границу теперь будет сложнее обычного. Ну ничего, завтра прилетает Марат Рустамович и мы всё решим.

Последняя новость подняла в душе Мая настоящую бурю эмоций, ему стоило огромных усилий сохранить безучастный вид.

— Хорошо, что делать мне?

— Иди, отдыхай, сегодня ты мне не понадобишься. Настоящая работа начнётся завтра.

Арбенин кивнул и, попрощавшись, вышел. Голова вдруг стала невероятно тяжёлой, хотя в ней металась всего одна мысль: «завтра здесь будет Салимханов». Ни о чём другом он сейчас думать просто не мог!

Антон с любопытством разглядывал простую неказистую обстановку тесной однокомнатной квартиры и не представлял как можно жить в подобных условиях. Он с детства привык к другим размерам. А женщина, открывшая ему дверь, ничем не напоминала стильных и изысканных маминых подруг. Трудно представить, что у них могло быть что-то общее. Тем не менее, она его сразу узнала и приветствовала как долгожданного гостя или родственника: не знала, как лучше принять, что предложить, куда усадить.

— Ой! Я так рада с вами познакомиться, Антон! Ваша мама так много о вас рассказывала. Я столько о вас читала! Но почему вы здесь? Что-то случилось с Элен?

— Нет, Татьяна Васильевна, всё в порядке! — поспешил заверить детектив. — Она сейчас в Италии, просто попросила узнать как у вас дела, не нужно ли чего?

Растроганная женщина устало опустилась в кресло и украдкой смахнула слезинку.

— Она и так много для меня сделала, хотя могла бы просто пройти мимо как большинство старых подруг.

— Вы давно с ней знакомы, да? — осторожно уточнил Антон, предпочитая строить беседу непринужденно. Никакого специального плана у него не было: пусть всё идет, как идет.

— Да, мы вместе учились в театральном, там и познакомились, — оживилась Татьяна Васильевна. — Ой! Я вам сейчас покажу фотографии!

Очень резко для своего возраста она вскочила из кресла, метнулась к огромному старому шкафу, забитому книгами и подарочными чайными сервизами и через минуту вернулась с толстым семейным альбомом в руках.

«Опять фотографии! В этом деле их что-то слишком много!» — машинально отметил Холмс.

— Вот посмотрите — наш первый курс. А это мы с вашей мамой, мы очень сдружились за время учёбы. Вместе занимались, разучивали роли из модных пьес, представляли, как станем великими актрисами. Я рада, что у неё получилось...

— А вы...

Женщина грустно улыбнулась:

— А я даже не попыталась. Уехала в Германию с человеком, которого безумно любила. Он был старше меня, довольно богат, известен и... женат. Мы прожили вместе пятнадцать лет, я родила ему сына, но он так и не ушёл из семьи и не усыновил Дениса официально, а когда умер, мы оказались ни с чем. Пришлось вернуться в Россию и начать всё сначала. Это было непросто, родители разорились во время кризиса и ничем не могли помочь... Но не будем о грустном, сейчас, благодаря вашей маме, наша жизнь наладилась. У Дениса хорошая работа. А вот посмотрите, какой интересный снимок! Мы в горах на экскурсии, Элен здесь очень коротко постриглась и перекрасила волосы.

Антон с вежливым интересом заглянул в альбом и почти не удивился, разглядев в толпе студентов несколько знакомых лиц. Рядом с его юной весёлой мамой стояли две девушки: трио с фотографии Лизы в полном составе!

— А это кто? — спросил он, стараясь скрыть волнение в голосе. — Тоже её друзья?

— Где? — Татьяна Васильевна проследил за его взглядом, и слегка нахмурилась. — Это девочка с параллельного потока Галя Перова и её старшая сестра Мария, она с нами не

училась, просто за компанию поехала. На последнем курсе Элен только с ними и общалась. Мне, как её подруге, соответственно тоже приходилось часто их видеть.

Так вот откуда взялась эта Галина Перова!

— Они вам не очень нравились, да?

Женщина смущённо засмеялась:

— Я просто ревновала. Они были такие взрослые и опытные, естественно, Элен с ними было интереснее, чем со мной. К тому же Галя уже выступала в каком-то ресторане как настоящая певица, а Маша была замужем за владельцем этого самого ресторана. После выпускного мы с Элен больше не виделись. Я почти сразу уехала, а лет через пять увидела её в «Невесте дьявола» уже как состоявшуюся актрису, а через семь лет увидела её в «на. Паи» — обещаю и её туда устрою.

— А Галина Перова тоже стала актрисой?

— Насколько мне известно, нет. Почти сразу после возвращения я встретила её в больнице. Оказалось у нас с ней много общего: проблемы со здоровьем, неудавшаяся личная жизнь и неустроенные дети, которых не на что содержать. Так что из нас троих вашей маме повезло больше всех.

— Сожалею. Я слышал, Галина умерла, во всяком случае, так сказала её дочь...

Татьяна Васильевна удивлённо покачала головой.

— Да, она умерла, но вы что-то путаете: у Гали никогда не было дочери. Только сын.

Теперь удивился Холмс.

— Но как же так?! Ко мне пришла девушка и представилась дочерью Галины Перовой!

— Я не знаю, кто была эта девушка, но Галиной дочерью она быть не могла. А её сына я хорошо знаю — очень приятный молодой человек, работает здесь неподалёку в редакции местной газеты. Он — журналист!

* * *

— Ну и как это понимать? — угрожающе спросил Май, разглядывая наполовину пустую бутылку коньяка и уснувшую прямо за столом Ангелину.

Римма испуганно попятилась — выражение лица Арбенина не предвещало ничего хорошего.

— Э...извини, это случайно получилось!

— Неужели? Я, наверное, чего-то не понимаю — как можно случайно напиться в стельку?

— Я же не знала, что она с первой рюмки вырубится! — виновато пробормотала секретарша Холмса. — Мы беседовали, разговор не клеился. Девочка была в плохом настроении, вот я и предложила немного расслабиться. Я же не заставляла её пить.

— Ну да, она сама взяла и наклюкалась! Знаю я, как ты умеешь «не заставлять». И что мне теперь с ней делать? — продолжал сердиться Май.

Римма икнула и захихикала:

— Теперь ты можешь делать с ней всё, что угодно! Так что не злись, а скажи мне спасибо.

Арбенин задумчиво посмотрел на спящую певицу и, помедлив, признал:

— А ты, пожалуй права, этим стоит воспользоваться.

Он осторожно поднял девушку на руки и понёс к выходу.

Римма, трезвея, нервно захлопала ресницами.

— Эй, не так буквально! Я пошутила!

— Зато я серьёзен как никогда! — заверил Май, хлопывая дверью ногой.

— Что ж, надеюсь, она хотя бы совершеннолетняя, — виновато пробормотала Римма и снова наполнила свою рюмку коньяком.

Май разместил Ангелину на заднем сиденье и сел за руль. По дороге сюда он ломал голову над тем, что делать с девчонкой. Сам он больше не мог за ней присматривать — Воропаев дал чёткие указания расследование свернуть. К тому же сейчас, когда он так близок к заветной цели, находится рядом с ним для неё не менее опасно, чем попасть в лапы маньяка. Самым логичным решением было отвезти девушку к Холмсу, но он не знал где того искать, а на звонки детектив почему-то не отвечал. Теперь задача упростилась, спасибо Римме! Май решил доставить Ангелину домой: к отцу и тётке. Она, конечно, не обрадуется и не скажет ему спасибо, но в сложившейся ситуации это был единственный выход из тупика.

Услышав, как девушка за его спиной зашевелилась и застонала, Май прибавил скорость: если она сейчас проснётся, его гениальный план рухнет как башня из песка. Стон стал громче.

— Ой, мне плохо! — услышал Май слабый голос и, чертыхнувшись, сбросил скорость.

— Очнулась, юная алкоголичка? — проворчал он, не оборачиваясь.

— Я не... ох... мне нехорошо, остановитесь, пожалуйста!

— Тут нельзя останавливаться, потерпи немного.

— Не могу! Мне очень плохо, меня сейчас... ох, пожалуйста!

Отлично, только этого ему не хватало! Май остановил машину и осмотрелся: напротив стоянки приветливо мигало рекламными огнями маленькое кафе с уютным названием «У камина». То, что надо! Он помог продолжающей стонать девушке выбраться из машины и потащил её к зданию. Ангелина постоянно спотыкалась и, похоже, совсем не ориентировалась в пространстве.

— Не так быстро! — молила она.

— Если мы будем двигаться медленнее, твой ужин нас точно обгонит и окажется на асфальте или на мне! Потерпи, мы уже на месте. Вот так.

Он рывком втащил девушку в кафе и, не обращая внимания на любопытные взгляды присутствующих, на той же скорости доставил её в помещение, заполненное белоснежными раковинами и огромными настенными зеркалами. В конце виднелись две таких же белоснежных двери с буквами «М» и «Ж». Май подтолкнул скорчившуюся от тошноты Ангелину к одной из них:

— Тебе сюда!

Она подняла затуманенные лёгкой дымкой алкоголя глаза на табличку и возмущённо пискнула:

— В мужской?! Не пойду!

— Упс, точно, извини. Тогда — сюда! — он развернул пошатывающуюся девушку в противоположную сторону. — Сама дойдёшь?

Вместо ответа она гордо выпрямилась, расправила плечи, словно птица, собирающаяся взлететь, сделала несколько уверенных шагов вперёд, также уверенно врезалась в зеркальную стену и рухнула на пол. Май закатил глаза и поспешил на помощь.

— Вставай, горе моё! Всё с тобой ясно, идём! — он толкнул дверь с буквой «Ж» и под

возмущённые возгласы приводящих себя в порядок женщин, втащил Ангелину в одну из освободившихся кабинок.

— Всё в порядке, дамы, я ничего не видел, можете продолжать! — громко заверил Май, придерживая Ангелину. — А ты можешь начинать.

Но девушка, не дожидаясь его команды, уже согнулась пополам, издавая звуки, напоминающие стон раненого животного.

— Эй, чем они там занимаются? — раздался недовольный женский голос за дверью.

— А ты как думаешь? — насмешливо ответил другой. — Слышишь, какие страсти — Калигула отдыхает!

— Совсем стыд потеряли, другого места не нашли! — презрительно подытожил первый голос. Громко хлопнула дверь и наступила тишина.

— Дамы, завидовать нехорошо, го спасибо за комплимент! — засмеялся Май, оценив комизм ситуации — с Калигулой его ещё никогда не сравнивали.

Он почувствовал, как расслабилось и обмякло тело девушки в его руках.

— Ты как, скворчонок!

— А можно не обзывать? — голос слабый, но недовольный. Май улыбнулся:

— Значит уже лучше.

— Мне бы умыться!

— Да уж не помешало бы.

Он вывел её в умывальную комнату и, заставив наклониться над краном, принялся тщательно умывать. Она пыталась вырваться:

— Тьфу! Я сама...сама могу!

— Сама ты здесь утонешь, маленькая пьяница, — проворчал Арбенин.

он вымыл ей руки с мылом, не слишком деликатно вытер лицо бумажным полотенцем и только потом отпустил. Потеряв опору, Ангелина зашаталась и вынуждена была ухватиться за край раковины. Из зеркала напротив на неё затравленно посмотрела бледная ненакрашенная растрёпанная незнакомка. До затуманенного алкоголем сознания девушки не сразу дошло, что это её собственное отражение.

— Какой ужас! — певица покосилась на Арбенина. И он видит её такой!

Услужливая память подсказала — несколько минут назад он видел кое-что похуже! От накрывшей с головой горячей волны стыда её снова затошнило.

— Ой! Только не это! — она испугано схватилась за горло.

На лице Арбенина отразилось отчаяние.

— Что, опять?! Предупреждаю сразу — в женский туалет я больше не пойду! Могу предложить мужской.

Певица покраснела, снова перебирая в уме воспоминания: сцена в туалете выглядела в них ужасной и унижительной. Она ни за что бы не хотела повторить её снова.

— Нет! Нет! Всё в порядке. Я просто... мне бы выпить чего-нибудь...

— Ещё выпить?!

— Не в этом смысле! Нарзана или просто холодной воды.

— А, ну это можно! — облегчённо вздохнул мужчина. — Идём, посмотрим, что у них есть.

В небольшом чистеньком кафе было действительно уютно. Играла приятная тихая музыка, в конце зала приветливо потрескивал догорающими дровами огромный камин. Большинство столиков были свободны, а все немногочисленные посетители немедленно

установились на «новеньких» с живейшим интересом. Женщины за дальним столиком переглянулись и зашушукались. Май понял, что их недавнее приключение в туалете, интерпретированное неверным образом стало достоянием общественности. Это и забавляло и раздражало одновременно. Заняться им, что ли больше нечем? Ладно. Не разубеждать же их, пусть люди повеселятся.

Ангелина всё ещё находилась в лёгком трансе и не заметила, что стала центром внимания. Они расположились за столиком стоящим в отдалении, Май подозвал улыбающегося официанта и заказал себе кофе, а девушке холодную минералку. Парень обслужил их с той же загадочной улыбкой, Май догадывался о том, что её вызвало, но это больше не задевало. Мужчина ломал голову над прежним вопросом: как доставить почти пришедшую в себя Скворцову домой? Головоломка не из лёгких. А может попробовать договориться мирно? Отличная мысль! Похоже наивность заразна.

Май посмотрел на притихшую девушку, гадая с чего начать разговор. Она потягивала минералку и казалось ничего вокруг не замечала.

— И часто ты так напиваешься?

Она подняла глаза и попыталась возмутиться, но сил на это уже не было.

— Если бы я делала это часто, то, наверное, мне не было бы сейчас так плохо.

— Звучит разумно, значит, ты уже в состоянии соображать. Что ж, давай поболтаем. Видишь ли, с завтрашнего дня я больше не принимаю участие в расследовании и, следовательно, присматривать за тобой не смогу.

Ангелина нахмурилась, пытаясь осознать услышанное.

— Я большая девочка и в присмотре не нуждаюсь!

Он вздохнул:

— Хотелось бы верить, но вспомни погром в своей комнате и случай с Киной. Тебе лучше какое-то время не появляться на людях одной. Можешь выполнить одну мою просьбу? Заметь, последнюю?

Девушка не совсем понимала, что происходит, но слово «последняя» неожиданно причинило острую боль. Оно означало потерю, а ей не хотелось больше терять.

— Смотря какую.

Май усмехнулся: вот и договорились мирно.

— Я понял: интим не предлагать! Я хотел попросить... В общем мне было бы гораздо спокойнее если бы ты вернулась домой к тётке. Ненадолго. Пока всё не уляжется. Я могу прямо сейчас тебя отвезти и...

— Нет! Ни за что! Уж лучше — интим! — не совсем трезвым, но твёрдым голосом заявила Ангелина.

Май поперхнулся кофе, не зная плакать или смеяться. Потерявшие было интерес к странной паре посетители, снова начали оглядываться. Ангелина не сразу осознала, что сказала, а когда поняла, готова была провалиться сквозь землю.

— Ой! Я не это хотела сказать! — она закрыла пылающее лицо руками. — То есть не в этом смысле, а в том, что ни за что не поеду домой и поэтому... Ох, наверное, мне сейчас лучше вообще не разговаривать!

— Да, пожалуй, — Арбенин сверлил взглядом скатерть, стараясь не смотреть на смущённую девушку.

Несмотря на всю нелепость ситуации и не располагающую к романтике обстановку, её предложение прозвучало более чем заманчиво. Настолько заманчиво, что вот уже несколько

минут Май боролся с желанием отвезти девушку не домой к тётке, а к себе и не отпускать до утра. Чем больше он об этом думал, тем дальше отступала реальность, в которой за эту, возможно лучшую ночь в его жизни, очень горько и очень дорого расплачиваться придётся ей.

Уничтожив Салимханова или кого-то из его команды, он станет врагом номер один для всей этой шайки-лейки, а его близкие будут первыми в чёрном списке «карателей». Май заставил себя посмотреть на притихшую Ангелину. Сейчас она просто его знакомая, а стоит переступить эту тонкую грань девочка станет для них главной мишенью. Это было бы неправильно. «Элен», Салимханов, Воропаев, месть, ложь и наркотики — его личный ад, ей в нём не место!

— Я...э...в общем пошутила, — продолжала оправдываться Ангелина, не подозревая о мрачных мыслях собеседника.

— Слава богу! Меня, если честно, пьяные девушки не возбуждают! — грубовато отшутился Май, только Ангелине через призму коньячных паров это не показалось забавным.

Казалось покраснеть сильнее невозможно, но ей это удалось.

— Да вы! Вы, что вы себе возомнили! Это была просто шутка, ясно? Мне бы в голову никогда не пришло что-то предлагать вам, грубый, наглый, невыносимый тип! Всё, я ухожу! — оскорблённая девушка гордо поднялась и, пошатываясь, направилась к выходу.

Май, трясаясь от беззвучного смеха, оставил деньги на столе и поспешил за Скворцовой, которая уже успела врезаться в дверь. Он подхватил её у самого пола.

— Не с-смейте до меня дотрагиваться! Отп-пустите, немедленно! — от возмущения и алкогольного дурмана она начала заикаться.

— Если отпущу, ты опять упадёшь.

— Я не виновата: тут пол неровный, — пробормотала она уже с меньшим пылом.

— Разумеется! Пол неровный, кругом ямы и земля качается — это мы уже проходили. А ты куда собралась, путешественница?

— К Щукиной, сейчас только остановку найду!

Май вздохнул, признавая поражение: ладно, он сделал всё что мог.

— Хорошо, вредина, отвезу тебя к твоей Щукиной. Идём к машине.

— Я сама дойду! Нечего руки распускать! — она довольно ловко сбросила его руку, гордо вздёрнула подбородок и решительно направилась к автостоянке. Мужчина шёл чуть поодаль, испытывая смешанные чувства: это нетрезвое проявление независимости раздражало и забавляло одновременно, к тому же он прекрасно понимал, что, скорее всего, видит девушку в последний раз. Это не радовало, хотя и было единственно правильным решением для них обоих.

До машины она естественно не дошла: споткнулась и растянулась на снегу. Май со вздохом подхватил её на руки и, не слушая бессвязных возражений, усадил в машину. Она ворчала ещё несколько минут, потом уснула, свернувшись на заднем сиденье калачиком. Арбенин довольно улыбнулся и, развернув машину, повёз Ангелину домой к отцу и тётке. Всё сложилось удачно, пожалуй, Римму всё же стоит поблагодарить.

Прибыв по знакомому адресу, Антон испытал ощущение дежавю: дверь была открыта. Неужели он опять опоздал. Детектив коснулся кобуры пистолета и осторожно вошёл в темноту тесной прихожей. В других комнатах тоже было темно. С оружием наготове, Холмс поочередно включил в них свет. Самого хозяина — Максима Гребцов он обнаружил на кухне. Тот мирно посапывал, уронив голову на стол, а рядом громоздилась гора пустых бутылок из-под спиртного.

Холмс не торопился приводить его в чувство. Для начала он решил провести небольшой осмотр жилплощади. Конечно, когда парня арестовали, здесь уже побывала милиция, но осмотреться стоило. Это не отняло много времени: однокомнатная квартира была обставлена довольно просто. В ней поддерживался относительный порядок. О том кто именно его поддерживал, Антон задумался, обнаружив в ванной дорогую губную помаду. Возможно, Гребцов нашёл новую даму сердца, правда, кроме помады никаких признаков присутствия женщины на его территории не наблюдалось. Звук бьющегося стекла со стороны кухни заставил его прервать поиски и вернуться. Хозяин квартиры уже проснулся и теперь сонно потирал глаза, а у его ног валялись осколки разбитой бутылки из-под виски.

— Добрый вечер, Максим Владимирович! — приветствовал его Холмс, присаживаясь напротив. Парень, нахмурившись, разглядывал незваного гостя:

— Чёрт! Вы кто? Лицо знакомое, ах да, я вас видел в прокуратуре. Что вам ещё от меня нужно? — немного хриплым, но вполне трезвым голосом возмутился журналист.

Антон удивился — он рассчитывал на бессвязные речи и затуманенный алкоголем взгляд, это помогло бы выудить информацию, сохраняя инкогнито. А что делать теперь? Видимо снова придётся импровизировать. Хотя это в любом случае неизбежно: он ведь и сам не знал, чего именно ожидать от этой встречи. То, что Гребцов-сын Галины Перовой ещё ничего не доказывает, а экспертиза чётко показала: «снежным королём» он быть не может.

— Извините, у вас дверь была не заперта, я позволил себе войти.

— Считайте, повезло: я бы не позволил! Так кто вы и чего хотите?

— Я — частный детектив, расследую убийство Маргариты Майер.

Лицо журналиста на мгновение исказилось от боли. Он бросил на собеседника неприязненный взгляд.

— Всё ещё надеетесь повесить это на меня? Ну, дерзайте, мне всё равно терять больше нечего!

Он потянулся за полупустым стаканом, но, сделав глоток, поморщился и вылил его содержимое на пол. — Даже выпивка уже не лезет!

— Мне не выгодно, как вы изволили выразиться, «вешать это на вас», если вы не виновны. Я намерен докопаться до правды.

— Так докапывайтесь! Какого чёрта вы здесь время теряете?

— Мне необходимо кое-что прояснить с вашей помощью.

Парень разглядывал его с прежним неприязненным выражением.

— Не верю я вам! Ладно, валяйте, чего надо?

Антон вздохнул, пытаясь подобрать правильные слова. Это было сложнее, чем он думал. Парень не так прост, как ему раньше казалось.

— Скажите, Максим, вашу маму звали Галина Перова, и она была певицей?

— Какое отношение это имеет к смерти Риты?

— Я ищу женщину, которая, как мне кажется, может многое прояснить в этой истории.

Её зовут Лиза, и она тоже назвала себя дочерью певицы Галины Перовой.

— Ерунда какая-то! — недоверчиво проворчал Гребцов. — Да, это моя мать, только певицы из неё не получилось, и ни о какой дочери я никогда не слышал.

— Так я и думал! — снова вздохнул детектив. — Но, быть может, вы знаете её под другим именем? У неё длинные рыжие волосы, большие очки в толстой оправе и брекеты...

— Какой ужас! — усмехнулся журналист. — Такое чучело если увидишь — не забудешь, нет, никогда её не видел.

«Неужели?» — мелькнула недоверчивая мысль. Детектив вспомнил слова Лизы: — «Это всё Он! Он заставил меня!»

— В моей жизни существовала только одна женщина, других я просто не замечал, — тоскливо добавил Гребцов.

— Маргарита? — понимающе кивнул Антон. — Она была очень красива. Любовь с первого взгляда?

Парень снова потянулся за выпивкой, плеснул содержимое бутылки в два не особо чистых стакана и пододвинул один Холмсу, приглашая присоединиться. Антон, с трудом подавив брезгливость, принял «дар».

— Вы когда-нибудь слышали выражение: от ненависти до любви один шаг. Со мной было именно так. Представляете, было время, когда я ненавидел её из-за Геннадия.

— Кто такой Геннадий?

— Мой родственник и друг. Мы были довольно близки, хотя он немного старше. Генка влюбился в Риту, ушёл из семьи, а когда она его бросила — сломался и начал пить. Правда, если честно, он и до Риты злоупотреблял, так что её вина относительна, но я тогда думал иначе. Пошёл к ней (мы тогда ещё не были знакомы), хотел устроить скандал, но увидел и не смог... Сам попал в сети из которых пытался вытащить друга...

— А что же случилось с Геннадием?

Максим нахмурился и снова вылил содержимое своего стакана на пол.

— Да ничего с ним не случилось, пьёт вроде меньше, в семью вернулся. В общем, у него всё наладилось, а вот я места себе не нахожу! Ничего не могу поделать — без неё всё потеряло смысл!

Парень закрыл лицо руками и замолчал, погружившись в свою тоску как в глубокий транс. Антон понял, что большего узнать не удастся и тихо попросившись, вышел. В машине громко и настойчиво звонил забытый телефон. Антон болезненно поморщился, увидев имя на дисплее, и нехотя принял вызов:

— Да, я вас слушаю!

— Антон Леонидович, немедленно приезжайте ко мне! Вы должны кое-что увидеть! — услышал он взволнованный голос Рюмина.

* * *

Май вынес спящую девушку из лифта и остановился у дверей её квартиры, той самой в которой она с девяти лет жила на попечении тёти — Анны Константиновны Романовой. По

его сведениям, отец девушки сейчас был дома, а значит о ней будет кому позаботится. Сейчас он нажмёт кнопку звонка, передаст свою ношу в надёжные руки и больше никогда не увидит. Для неё так будет лучше, а ему уже нечего терять. Он вздрогнул, услышав своё имя, неужели проснулась? Этого только не хватало! Но синие глаза были закрыты, должно быть, она звала его из царства Морфея.

«Даже во сне я тебя мучаю!» — мелькнула невесёлая мысль. Он никогда не хотел причинить ей боль, никогда ничего не обещал и уж точно никогда не стремился стать её героем, принцем, рыцарем или о ком там ещё мечтают двадцатилетние девочки?

— Мне очень жаль, прости! — прошептал он чуть слышно, легонько скользнул губами по её губам, глазам, волосам и решительно нажал кнопку звонка.

Человека открывшего дверь, Май ни когда раньше не видел, но в том кто он сомневаться не приходилось. У него были такие же пронзительно-синие глаза, как и у девушки, лежащей на его руках, только их выражение было совсем другим, но оно мгновенно изменилось, оценив увиденное.

— Что с ней? Что с моей дочерью?! — сдержанно спросил он, но Май уловил нечто легко просочившееся сквозь эту вынужденную, вырабатываемую годами сдержанность. Страх потери — вот что звучало в его голосе, прежде всего. Чтобы там ни говорила Ангелина о сложных отношениях с отцом, она была ему дорога, в этом он теперь не сомневался.

— Всё в порядке, она просто спит.

— Спит? — генерал Романов сурово осмотрел Арбенина с ног до головы. — А вы вообще кто, молодой человек? Почему Ангелина в таком состоянии? Просто спит, как бы не так! Она пьяна?

— Ну... немного... так получилось. Я просто старый знакомый.

— И что ты с ней сделал, старый знакомый?! — формально-вежливое «вы» исчезло, а в голосе мужчины зазвучала неприкрытая угроза.

Май вздохнул: должно быть, офицер Романов не отличается тонкостью манер, иначе не устраивал бы подобные сцены на лестничной площадке.

«Ничего из того, что мне бы хотелось» — подумал он, а вслух сказал:

— На вашем месте я бы говорил потише, если она сейчас проснётся — сбежит. Ангелина не хотела сюда возвращаться.

— Давай! — Сергей Константинович довольно бесцеремонно забрал у него девушку, что-то недовольно проворчавшую во сне. — Смотри мне, старый знакомый, если что, я тебя из-под земли достану!

Арбенин пожал плечами и посоветовал:

— Если действительно хоте её защитить — не выпускайте из дома одну. Это сейчас небезопасно. — Он бросил последний взгляд на бледное лицо спящей девушки. — И берегите её... пожалуйста.

— Спокойной ночи, старый знакомый! Надеюсь, я тебя больше здесь никогда не увижу! — проворчал Сергей Константинович, захлопывая перед ним двери.

— В этом можете не сомневаться, — усмехнулся Арбенин и медленно пошёл прочь.

— Вам не кажется, Виталий Павлович, что мы с вами сегодня слишком часто встречаемся?! — В голосе детектива слышалось неприкрытое раздражение.

Психолог улыбнулся с неизменной любезностью.

— Лично я всегда рад вас видеть. Не понимаю, почему вас так разозлила эта история с участием вашей мамы? Честно говоря, не вижу в ней ничего особенного.

— Меня разозлила не сама история, а ваша скрытность! — неприязненно процедил детектив. — Вы должны были мне сразу всё рассказать, а не морочить голову целую неделю.

Рюмин искренне удивился:

— Прошу прощения! Но, во-первых, я думал, что вы в курсе, а во-вторых, не видел в этом ничего особенного, да и сейчас не вижу — обычный рабочий момент. Вы же не думаете, что люди, занимающие перспективные должности, добились этого исключительно благодаря своим знаниям, опыту, таланту? Кстати, чтобы вы снова не обвинили меня в сокрытии сведений, докладываю: уборщицу мне тоже нашла ваша мама. Договорившись по поводу Маркина, я в шутку заметил, что раз уж она решила наводнить мой офис новыми сотрудниками, пусть подыщет и уборщицу, вот она, в отличие от новоиспечённого ассистента, мне действительно требовалась. Разумеется, это была шутка, но ваша мама восприняла её всерьёз и вскоре сотрудница была найдена. Надя — настоящее сокровище, передавайте мамёнке мою горячую благодарность.

Антон не удивила эта история, Элен Холмс всегда подбирала обслуживающий персонал лично, подходила к этому очень ответственно и прекрасно разбиралась в людях

— Спасибо за дополнение, но я тороплюсь и если это всё, что вы хотели сказать....

— Я хотел не сказать, а показать, — Рюмин жестом пригласил Антона следовать за ним. — Мне понадобилась книга, большой справочник по психологии, которую утром взял Маркин. А поскольку он уже ушел, пришлось открыть кабинет своим ключом, как сейчас.

Виталий Павлович достал связку ключей и открыл кабинет ассистента, мужчины вошли внутрь, свет загорелся автоматически.

— Я не нашёл справочник, зато нашёл кое-что другое!

Психолог подошёл к большому белому шкафу и открыл его левую нижнюю дверцу. Антон заглянул внутрь и обнаружил в нём целый склад париков, преимущественно с длинными светлыми волосами. Он нагнулся и достал один из них.

— Что скажите? Ничего не напоминает?

— Примерно такие же были на убитых девушках, — кивнул Антон. — Парики были здесь раньше?

— Разумеется, нет! Когда именно появились, тоже не знаю, надо будет спросить у нашей уборщицы, Нади. Впрочем, припоминаю, Маркин как-то предложил экспериментальный способ лечения, что-то вроде Симорона. Для того чтобы человек смог изменить обстоятельства своей жизни, он должен стать кем-то другим: поменять внешность, имя, привычки, хотя бы в пределах его кабинета, наверное, для этого ему и понадобились парики. Но я пресёк эксперимент на корню.

Антон долго молчал, переходя от стены к стене и разглядывая всё до мельчайших подробностей.

— Думаете, мой ассистент может иметь отношение к «снежным королевам»? Вы думаете он... — вкрадчиво начал Рюмин, но Антон холодно перебил его:

— Я пока ничего не думаю, кроме того, что эти парик мог оставить здесь как Маркин, так и вы сами, Виталий Павлович! Согласитесь, ключи у вас есть, а вот алиби нет.

Увидев, как вытянулось лицо психолога, детектив, испытал странное удовлетворение. Его не покидало чувство, что этот человек по-прежнему что-то скрывает, какой-то крохотный, возможно неприметный пазл, без которого вся эта головоломка никогда не сложится в единое целое.

В агентстве Антон, как и надеялся, обнаружил Арбенина. Тот дремал на диване. Услышав шум, он открыл глаза, но принимать вертикальное положение не торопился.

— Я работаю, а ты спишь — хорошенькое разделение труда! — возмутился детектив, присаживаясь рядом.

Май лениво потянулся.

— Ты совершенно прав: работник из меня хреновый, а посему увольняюсь. Я, собственно, для этого пришёл — дела сдать.

— Я не понял, в каком смысле увольняешься?

— В прямом, — Май неохотно поднялся с дивана и небрежно сунул Антону пластиковую папку-скоросшиватель. — Здесь, как и обещал, информация по «халявщицам» — адреса, пароли, явки. Я всё проверил — ничего интересного. Скворцову отвёз домой к папочке, но ты всё же присматривай за ней — мало ли что.

— Подожди, так ты это серьёзно? — недоверчиво переспросил Холмс. — Но почему сейчас? Ведь мы не закончили!

— Искать убийцу — не моя задача. Я должен был всего лишь убедиться, что не пострадает репутация фирмы, а поскольку предприятие «Элен» не имеет к этой истории никакого отношения...

— Ты в этом уверен?!

— Да, уверен. Миссия выполнена, меня ждёт другая работа.

— А вот у меня такой уверенности нет! — Антон осёкся под пронизательным взглядом золотисто-карих глаз. — Ладно, значит, бросаешь меня одного в тупике с кучей подозреваемых и без единого доказательства? Когда единственный человек, который может пролить свет на эту тёмную историю — мифическая дочь Галины Перовой исчезла бесследно, и я понятия не имею где её искать? А тут ещё Рюмин обнаружил в кабинете Маркина кучу париков вроде тех, что были на убитых, и нет никакой гарантии, что он не подбросил их сам! Я понятия не имею за что хвататься и с чего начинать?!

Май потёр начинающие пульсировать от усталости виски:

— Начни с начала: с Элен — поговори с матерью.

— Причём здесь моя мать?! — автоматически взвился Антон.

Арбенин безучастно пожал плечами.

— Мне больше не нужно это выяснять, разбирайся сам. Просто дружеский совет номер один.

— Забудь об этом, лучше сразу переходи к номеру два!

— Как скажешь — совет номер два: насчёт Рюмина и Маркина — не лезь на рожон, не раскрывай карты. Поговори не с ними, а с теми, кто хорошо их знает. Например, о Маркине расспроси его белокурую подружку, которую он приводил на презентацию, адрес в папке имеется. Сам знаешь, взгляд со стороны иногда лучше личной беседы. А мне пора, желаю удачи.

Май помахал в воздухе рукой и направился к выходу. Антон провожал его недоверчивым взглядом: неужели действительно возьмёт и уйдёт как в прошлый раз? И как в тот раз хотелось возмущаться, кричать, ругаться от бессилия, но он понимал — это

бессмысленно. Невозможно переубедить человека, сделавшего пусть неправильный, но окончательный выбор.

— Май, подожди!

Тот нехотя обернулся.

— Спасибо за помощь. Рад был снова поработать вместе, — Холмс сделал несколько шагов навстречу и протянул ему руку.

В золотисто-карих глазах мелькнуло удивление, взгляд потеплел, Май крепко пожал протянутую руку и вполне искренне пожелал бывшему начальнику удачи.

Антон долго смотрел в след ушедшему теперь уже навсегда Арбенину. Затем, поколебавшись, всё же решил последовать совету N1 и набрал номер Элен Холмс.

Ангелине снова снился кошмар. В последнее время они стали почти неотъемлемой частью её ночей вот и сегодняшняя, увы, не стала исключением. Пугающие картины быстро сменяли друг друга, нагнетая ужас ощущением неизбежности и полной реальности происходящего. Казалось, даже подсознание забыло о том, что это всего лишь сон и теперь тонуло в вязком, бездонном болоте страха.

Ночь. Она в концертном костюме Снежной королевы (том, что использовался в клипе) бежит по пустынным заснеженным улицам, каждой клеточкой своего тела ощущая чужое враждебное присутствие. Её преследователь не торопится, но и не отстаёт, напротив, чем быстрее она бежит, тем ближе оказывается человек в длинном чёрном плаще. Она не видит его лица, не знает кто он, впрочем, нет, знает — её смерть! Он уже отнял жизнь у Риты и Лены, теперь пришла её очередь!

Ангелина чувствует невероятную слабость — её силы на исходе, она пытается позвать на помощь, но из горла вырывается лишь хриплый сдавленный стон. Коктейль из усталости, страха и промозглого холода в конце концов сбивает её с ног. Девушка падает в снег и больше не пытается сопротивляться. Человек в чёрном подходит к ней вплотную. Несмотря на дикость происходящего, Ангелина успевает удивиться, увидев в его руке не нож, а пистолет. Впрочем, какая разница, если он пришёл забрать её жизнь. Убийца медленно нажимает на курок, с его лица падает капюшон и в этот миг Ангелина радуется, что через минуту умрёт. Она узнаёт своего палача, это... Май Арбенин.

* * *

Антон уже не помнил, когда в последний раз просыпался в хорошем настроении. А календарь, ежедневно напоминавший, что до Нового года осталось всего несколько дней, откровенно раздражал. Как там в народе говорится: «Как Новый год встретишь, так его и проведёшь!» Антон болезненно поморщился — ну уж нет, он не желает весь следующий год гоняться за неуловимым маньяком и ссориться из-за этого с родителями. Детектив застонал, вспомнив подробности вчерашнего вечера: зачем он только послушался Мая и позвонил матери. Ничего нового она не сказала, а когда тот поинтересовался подробностями её личной жизни в студенческие годы, получил выговор за бестактность и немедленный отбой. Отец, услышавший последнюю часть разговора, но ничего не понявший потребовал объяснить, почему сын разговаривает с Элен подобным тоном. Антон, не желая посвящать его в некоторые подробности дела, не смог ответить убедительно, чем заслужил неодобрение Максима Леонидовича.

«Теперь они оба на меня сердятся!» — с грустью думал детектив, спускаясь по лестнице в огромную, приветливо освещённую пламенем камина, гостиную родительского особняка. Наверное, ему лучше вернуться в свою квартиру.

Холмс посмотрел на часы — 11 часов, поздновато для начала рабочего дня! Отец, должно быть уже уехал. «Даже не попрощался!» — отметил Антон со вздохом. Он расположился в кресле возле камина и принялся просматривать свежую прессу, лежащую тут же. Теме «Снежного короля» по-прежнему уделялось много внимания, но первые полосы

двух «жёлтых» газет сегодня были отданы другой скандальной новости. Ещё одна так называемая «сенсация» из мира шоу-бизнеса, о которой через пару недель никто не вспомнит, но сколько крови она успеет попортить своим «главным героям»!

Чисто по-человечески Антону их было жаль, особенно Киру. Зарецкий переживёт, он и не такое повидал, а ей уже и так здорово досталось. Антон перевернул страницу: надо же сколько места выделили под обычную любовную интрижку! Ну спит продюсер с певицей — подумаешь, невидаль! Ах да, здесь ещё интервью с разгневанной женой прилагается — она-то и забила тревогу в колокола прессы. Грозится подать на развод, отобрать у блудного мужа ребёнка и навсегда увезти его в провинциальную Тмутаракань, из которой она, собственно, родом. Наивная дурочка! Умная перемолчала бы, переплакала в подушку и всё бы как-нибудь утряслось. Зачем раздувать публичный скандал да ещё бросаться подобными угрозами? У Зарецкого достаточно денег и связей, чтобы всё сложилось по прямо противоположному сценарию, согласно которому в Тмутаракань, девочка, ты поедешь одна: без денег, без ребёнка и без права видаться с ним даже по выходным!

Антон тут же усомнился в своих мыслях. Он слишком хорошо знал, как много значит сын для Зарецкого — он ни за что не нанесёт ему такой психологической травмы, а значит, эту семью скорее всего ждёт тупик, в смысле прочный искусственный хэппи-энд.

Впрочем, пусть выпутываются как знают. Детектив отложил газету и переключился на собственные проблемы, ему предстояло многое обдумать. Итак, убийца считает себя вершителем справедливости: он не просто убивает, а, образно выражаясь, наказывает современных «Снежных королев» за поломанные судьбы их жертв. Риту Майер — за жестокое обращение с поклонниками, Невезухину — за то, как она поступила с родной матерью, а Киру, возможно, за роман с женатым человеком (других версий у него пока не было). Получается, этот человек должен многое знать о своих жертвах, а раз так он либо знаком со всеми лично, либо у них есть общие знакомые, посвящённые в личную жизнь девушек. Например, Рюмин со своим архивом — Майер и Невезухина в подробностях изливал ему душу, а заодно все свои похождения. Архив хранится в его компьютере и, по словам психолога никто кроме него не имеет к ним доступа. Пусть так, но он мог запросто проговориться в приятной компании за рюмочкой чего-нибудь крепкого (врачебная тайна и алкоголь плохо сочетаются)!

А как же Кира? Она никогда не была у него на приёме и, следовательно, в этот сценарий не вписывается. Надо будет расспросить Ангелину на предмет общих знакомых всех трёх девушек. Есть ещё кое-что: этот тип, кем бы он ни был, знает о прошлом его матери гораздо больше, чем он сам. Парик, диадема, родинка! Перед глазами Антона поочерёдно замелькали снимки убитых девушек, их сменило фото тридцатилетней давности, с которого беспечно улыбалась его мать. И тут детектива осенило: он убивает не безликую «снежную королеву», а именно её, вот эту девушку с последней фотографии — Элен Холмс — его мать! Но если это действительно так она тоже должна быть в его чёрном списке!

* * *

О том, что косметическая фирма «Элен» является не более чем прикрытием для обширной сети наркобизнеса Салимханова, Арбенин знал всегда. Не знал лишь, как именно товар переправляют через границу. Скорее все под видом косметической продукции.

Видимо были учтены мельчайшие нюансы, иначе предприятие ни за что бы не продержалась на плаву столько лет. Но в ближайшее время должна состояться очень важная сделка. Товар нужно будет переправить быстро и в большом количестве. И вот здесь у них возникли трудности с представителями правоохранительных структур. Какие именно и с кем конкретно — Май опять же не знал, но раз их решил навестить сам Салимханов — дело действительно серьёзное: операция под угрозой срыва.

На самом деле всё это его мало интересовало. Он думал о многих вещах сразу лишь для того, чтобы унять волнение и выглядеть естественно. Вчера, когда Воропаев предложил Маю поехать с ним в аэропорт, тот согласился не задумываясь. Но сегодня, стоя в зале ожидания рядом с Геннадием Викторовичем и ещё несколькими представителями фирмы, он уже не был столь уверен в сделанном выборе. Всё равно здесь, в аэропорту, он не сможет исполнить задуманное (слишком людно), а светиться пред большим боссом раньше времени ни к чему. Хотя, может всё к лучшему и стоит рискнуть?

Май представил, что случится, если он осуществит свой план прямо сейчас. Это ведь проще простого: подойти как можно ближе и с силой нажать на массивный перстень печатку на левой руке. Тот немедленно откроется, выпуская тоненькую острую иголку. Сама по себе она не представляет угрозы для жизни — это просто способ в прямом смысле побольнее уколоть противника. Май шутки ради купил его в одной антикварной лавке и перстень долгое время пылился на дне комода. Пока однажды во время задержания обезумевшего нового русского, решившего жестоко отомстить досаждавшим конкурентам, он не обнаружил тайник с ядом Кураре, который и должен был стать орудием мести. Как и где бизнесмен раздобыл яд, выяснить не удалось, впрочем, когда есть деньги и связи упрощается решение самых сложных проблем. Май, разумеется, доставил яд в качестве вещь дока, но не забыл оставить малую толику для собственных нужд. Вот тогда он и вспомнил о перстне. Всё сложилось как нельзя лучше — это самое надежное оружие, а главное его можно везде пронести незаметно. Но нет, не здесь. Могут пострадать люди.

Май заметил, как заблестели глаза Воропаева, проследил за его взглядом и замер. Вот он Марат Рустамович собственной персоной! Он узнал бы его в многомиллионной толпе, хотя до этого видел исключительно на снимках и видеоматериалах. Зато женщину, которая гордо шла рядом, он знал прекрасно! Она снилась ему фактически каждую ночь последние десять лет — Анита! Как же он этого не предусмотрел?! Но кто мог подумать, что они до сих пор вместе?

Май запаниковал, ему стоило огромных усилий держать себя в руках и выглядеть естественно. Женщина, которую он считал слепым орудием, очередной пешкой в руках большого босса и которую, как он был уверен, тот давно вышвырнул за ненадобностью (короли всегда так поступают с пешками), сейчас шла ему навстречу. Надо признать, она совсем не изменилась за минувшие годы. Всё также нереально завораживающе прекрасна, что ж, Салимханова можно понять — произведения искусства не разбрасываются. Но что делать ему? Анита непременно его узнает! Отступить и спрятаться за спины присутствующих слишком рискованно — любое движение неминуемо привлечёт внимание. Остаётся ждать. Май попытался сосредоточиться: ладно, предположим, она его узнает и что дальше? У него уже есть определенная репутация в фирме, вряд ли Воропаев предпримет что-то радикальное. Скорее всего, состоится очередная проверка «на вшивость». Это он как-нибудь переживёт — не в первой!

Май расслабился, даже улыбнулся и в этот миг чёрные глаза Аниты остановились на его

лице. По тому, как широко они распахнулись, мужчина понял — узнала! Несколько мгновений она не отрывала взгляд от его лица, потом невозмутимо отвернулась и прошла мимо. Усилием воли, Арбенин подавил новую волну зарождающейся паники. Что это значит? Она определённо его узнала и что? Не испугалась, не разозлилась, не попыталась привлечь к нему внимание, почему? Возможно, хочет убедиться, что не ошиблась, проверяет? Что ж, тогда нельзя расслабляться, надо быть готовым ко всему.

Май вдруг осознал, что глядя на этих людей, так легко уничтоживших его семью, вздремавших разбивших его жизнь, он не испытывает ничего кроме удовлетворения (наконец-то всё закончится) и раздумывает лишь о технических моментах. Когда Анита заговорит? Где лучше совершить «вендетту»?

Ни ненависти, ни злости, ни боли — ничего кроме отвращения и пустоты. Умерших не воскресить, прошлого не вернуть, но настоящее и будущее принесены ему в жертву, а значит терять нечего и он, Май Арбенин, доведёт начатое до конца, чего бы ему это не стоило!

* * *

Ангелина сидела на подоконнике, положив голову на колени, и тоскливо смотрела в окно. Там внизу бурлила, суетилась, кипела жизнь, к которой она теперь не могла приобщиться. Ночной кошмар, оказавшийся лишь игрой воображения, незамедлительно перерос в кошмар наяву. Едва она открыла глаза и поняла где находится, раздался суровый голос отца:

— Так вот для чего ты так рвалась в певички?! Чтобы среди ночи тебя пьяную и невменяемую доставляли посторонние мужчины!

К счастью, она плохо помнила, что он ещё говорил, наверняка это были неприятные, жестокие слова. В памяти осталась лишь последняя фраза: «С этого дня ты под домашним арестом! Без моего сопровождения из дома больше не выйдешь!»

Напрасно она пыталась напомнить о своём совершеннолетию. Даже по европейским меркам 21 год — возраст взрослого самостоятельного человека, но у генерала Скворцова на этот счёт было своё мнение. А тут ещё Светлов позвонил — вечером придётся выступать в дискотеке «Олимпия», отказ, естественно, не принимается. Уважительной причиной будет считаться разве что её присутствие в палате интенсивной терапии в качестве пациента, всё остальное карается неустойкой. И что ей делать? Как выбраться из дому? И Киру навестить теперь не получится, а надо бы. Она звонила ей полчаса назад — у подруги такой грустный голос, что сердце разрывается! Там явно что-то случилось, но Тимохина, как обычно, будет молчать до последнего — та ещё Зоя Космедемьянская!

— Тук! Тук! К тебе можно? — в дверь просунулась кудрявая головка Кати. Она вошла, не дожидаясь приглашения, и посмотрев на прикинувшую лбом к стеклу Ангелину, шутливо процитировала:

— Сижу за решёткой в темнице сырой!

— Не смешно! — сухо ответила старшая сестра. Она вдруг оживилась и, спрыгнув с подоконника, плотно закрыла дверь.

Катя удивлённо следила за ней взглядом.

— И что это значит?

— Катя, помнишь, ты рассказывала, как сбегала из дома, когда тебя заперли?

— На память не жалуясь.

— Послушай, мне сегодня вечером очень нужно попасть в одно место. Поможешь?

Зелёные глаза девочки заблестели от любопытства.

— У тебя свидание? С тем парнем, что тебя вчера притащил? Я слышала, как генерал с ним ругался. А кто он?

— Предатель — вот кто! — обиженно проворчала певица.

Огонёк любопытства в глазах Кати разгорался всё ярче.

— Почему предатель? Он тебя бросил? Ушёл к другой?

— Пусть идёт куда хочет! Слышать о нём больше не хочу! Так ты сможешь? У меня сегодня вечером выступление в клубе, если не приду — продюсер живьём съест!

Катя сразу поскущнела.

— Фу! Как банально!

— Катя! Это очень серьёзно. Если нарушу условия контракта — буду всю жизнь на него вкалывать как рабыня на плантации!

— Эх, значит, я опять одна в этом сумасшедшем доме останусь? — с грустью вздохнула девочка. — Ну ничего, вот летом закончу школу и всё — прощай навсегда, колония строгого режима!

— Почему одна я ведь...

— Что? Вернёшься — как бы не так!

Ангелина вздохнула, действительно разве оказавшись на свободе, она захочет снова вернуться в «заклечение»? Тем более что все её вещи и документы остались на старой квартире!

— Ты права — не вернусь, но я не хочу, чтобы тебе из-за меня досталось. Если папа узнает...

— Да ничего он не узнает. Я договорюсь с соседкой по телефону, а когда ты по пожарной лестнице переберёшься к ней на балкон, я в этот момент буду играть в шахматы с твоим папочкой — железное алиби!

Ангелина почувствовала, как к горлу снова подступает тошнота.

— По пожарной лестнице? Но ведь у нас шестой этаж?

— Ну да, а Машка — на седьмом. Лестница совсем рядом с балконом проходит. Помнишь, мама ещё ругалась из-за этого, когда мы только переехали. Боялась, что к нам по ней или грабители или мальчишки лазить будут. Но если тебе страшно...

— Нет, нет! — Ангелина взяла себя в руки. — Всё нормально, я смогу.

— А потом куда пойдёшь, на квартиру?

Ангелина вздрогнула, представив перспективу: ночь в пустой разгромленной кем-то, возможно убийцей, квартире!

— Нет, я у Щукиной переночую.

Катя закатила глаза:

— У Щукиной! Какое непростительное расточительство: на что ты тратишь свою свободу! Уж я бы точно нашла ей лучшее применение.

* * *

Белокурую подругу Маркина звали Надежда Агафонова. Напротив имени в отчёте

Арбенина значились адрес и возраст дамы — 35 лет, а вот её семейное положение оказалось для Холмса сюрпризом. Когда, проводив нежданного гостя в комнату, женщина попросила говорить тише, чтобы не разбудить мужа Антон, мягко говоря, удивился. Да, конечно, и замужнее дамы заводят романы на стороне, но в данном случае он даже не подумал о такой возможности — уж слишком уверенно вела себя парочка: они никогда не прятались, словно ничего не опасались. Представившись, он молча гадал, как строить беседу дальше. Первоначальный план не годился, а белокурая красавица (она действительно была очень красива, несмотря на усталый вид) терпеливо ждала, разглядывая посетителя с лёгкой чуть грустной улыбкой. Молчание затягивалось. Это напрягало.

— Надежда Дмитриевна, возможно, я не вовремя, но мне очень нужно поговорить с вами об одном нашем общем знакомом: Маркине Денисе Анатольевиче.

Она не изменилась в лице, молча кивнула и жестом предложила следовать за ним на застеклённую лоджию. Там висел большой клетчатый гамак, стояли стол, несколько стульев и обогреватель.

— С ним что-то случилось? — спросила она, закуривая сигарету.

— Нет, не беспокойтесь, я просто хочу понять, что он за человек.

Она пожала плечами:

— Обычный человек, со своими причудами и недостатками, как и все мы. Почему вы решили спросить об этом именно меня? У него ведь есть мать, насколько мне известно.

— Какая мать не идеализирует своего ребёнка? А мне хотелось бы узнать беспристрастное мнение. Мне известно о ваших с ним отношениях, они...

— Были ошибкой! — закончила блондинка, глядя куда-то вдаль. — Я люблю мужа, с некоторых пор это не взаимно, а иногда так хочется почувствовать себя любимой и желанной. Но с Маркиным скучно — эти его занудные нравоучения...

— Простите, что?

— Есть у него такой пунктик: учить других жить. Понимаю, он психолог, но иногда это просто доходило до абсурда: проведёт со мной ночь, а потом читает мораль на тему что такое хорошо и что такое плохо! Мол, нельзя мужу изменять. К тому же к нему постоянно приходили какие-то женщины, видимо им эти «молебны» пришлись по душе. Впрочем, думаю, они там не только этим занимались. Несколько раз я находила в квартире чужое нижнее бельё.

Антон догадался, что речь идёт о съёмной квартире, в которой эти двое встречались.

— И поэтому вы решили с ним расстаться?

— Да, но последней каплей стала эта уродина! Вы бы видели, какое чучело я застала с ним в последний раз: страшная как Армагеддон! Волосы, не знавшие шампуня и расчески, по крайней мере, два месяца, жуткие очки и брекеты в придачу!

— Это же Лиза! — заволновался Антон. — Вам о ней что-нибудь известно.

— Нет, никогда раньше не видела.

— Жаль! Мне очень нужно найти эту девушку!

— Поищите в кунцкамере, — раздражённо посоветовала Надежда. — Или с Маркиным поговорите — она ведь к нему приходила! Я то здесь при чём.

Антон разочарованно вздохнул:

— Да, разумеется, я так и сделаю. Надежда Дмитриевна, а у вас случайно не осталось ключей от той квартиры?

— Нет. И никогда не было, мне кажется, он не хотел, чтобы кто-то был там без него.

— Почему? Разве это не обычное место для свиданий?

— Не совсем. Думаю, он использовал квартиру для работы — принимал пациентов неофициально. Я постоянно спотыкалась о какие-то странные шляпы, платья, парики...

— Парики? — Антон заерзал на месте от нетерпения — так ему хотелось оказаться в обсуждаемой квартире. Жаль, Арбенин не научил пользоваться отмычками. — Зачем ему всё это?

Женщина передёрнула плечами и затушила сигарету о край приспособленной под пепельницу тарелки.

— Не знаю. Вроде метод лечения у него такой — пациент меняет имидж, в смысле образ, становится кем-то другим и прежние проблемы на него больше не действуют. Что-то в этом роде — бред, в который он свято верил. Я всегда молча слушала восторженные речи по этому поводу, но когда он и меня захотел нарядить в какой-то маскарадный костюм — не выдержала. С тех пор мы не виделись.

Антон улыбнулся.

— Что вас так разозлило? Это был костюм бабы Яги?

— Нет, кажется, снежной королевы, но какая разница?

«Огромная!» — подумал Антон, хватаясь за мобильник.

Наскоро попрощавшись с хозяйкой, он побежал к машине, по пути набирая номер Рюмина. В ответ на его вопрос, Виталий Павлович рассказал, что Маркина два часа назад увезла скорая с приступом бронхиальной астмы. «Отлично, значит, у меня есть в запасе немного времени. Пока не о чем беспокоиться» — подумал Антон. Но, узнав, куда именно его отвезли, понял, что ошибся, потому что вот уже два часа Маркин Денис Анатольевич находился рядом с Кирой Тимохиной — в разных отделениях, но на одном этаже.

Май в который раз посмотрел на часы и, наконец, выключил свет. Бессмысленно мучить себя бессонницей, когда силы почти на исходе. Ему нужно поспать, а ждать неизвестно чего, хватаясь за пистолет при каждом шорохе — явно не выход. Он ждал весь день, ничем не выдавая своих чувств, однако ничего не произошло. Совсем ничего. Он не участвовал в переговорах руководства, но стоял в охране у дверей кабинета Воропаева, у него даже оружие не отобрали. Что бы это значило? Анита никому ничего не сказала или это затишье перед бурей? А что если как только он уснёт... Май запретил себе паниковать: он спит очень чутко и всегда сумеет за себя постоять — это, во-первых! А во-вторых, Воропаев хоть и силён в своей области, актёрской игре не обучен, виртуозно притворяться не умеет, а значит, по крайней мере, вечером он всё ещё считал его своим «верным псом». Звучит погано, но ободряюще.

Часы с прослушкой лежат в прихожей за двумя плотно закрытыми дверями, так что если он и сболтнёт во сне что-нибудь лишнее — не страшно. А раз так! Май перевернулся на бок и закрыл глаза. Несколько минут он лежал, тщательно отслеживая и подавляя мысли, нагнетающие панику, и только когда их постепенно вытеснила уверенность, что всё будет хорошо (в смысле по плану), мужчина позволил себе уснуть.

* * *

Утро выдалось на редкость пасмурное и холодное даже для декабря. Антон появился в агентстве невыспавшийся и раздражённый. Он почти всю ночь провёл в больнице. С Маркиным поговорить не удалось, приступ купирован, но пациент до сих пор под капельницей, посторонних к нему не пускают. Киру по-прежнему охраняют, значит можно оставить свой пост и заняться другими делами. Даже если Маркин и есть тот самый «снежный король» в общественном месте при свете белого дня у него просто связаны руки.

Опять это «если»! Антон вздохнул. Он по-прежнему ни в чём не уверен — в этом всё дело, все улики косвенные, свидетелей нет. Лиза — вот кто может прояснить ситуацию! Нужно срочно её найти, только где? Возможно, она приходила на приём в офис Рюмина (у девушек с её внешностью полно комплексов, проблем) и там познакомилась с Маркиным? Придётся снова навестить «любимого» доктора. Антон невольно поморщился, в свете последних событий тот раздражал его всё больше. Приторно-вежливый и постоянно что-то не договаривает — весьма неприятное сочетание. Холмс настолько углубился в размышления, что не сразу узнал ожидающую у дверей агентства Людмилу Щукину. Она бросилась к нему и, не тратя времени на приветствия, затараторила:

— Ой, Антон Леонидович, как хорошо, что вы пришли, а то я прямо не знаю что делать!

— Э... доброе утро, Людмила! — он не без усилия вспомнил имя журналистки. — Что-то случилось?

— Случилось! Кажется, Гелька пропала!

— Вы имеете в виду Ангелину Скворцову?

— Кого же ещё?!

— Идёмте, поговорим в помещении. — Антон пропустил девушку вперёд. Они

расположились в его кабинете.

— А теперь, пожалуйста, расскажите всё по порядку: что значит «кажется, пропала»?

— Сейчас объясню. Она позвонила мне вчера вечером и сказала, что после выступления в клубе приедет ко мне ночевать, а домой больше ни за что не вернётся.

— Домой, это куда?

— К тётушке и отцу. Я не поняла, как она вообще там оказалась, но, похоже, папочка посадил любимую дочку под домашний арест, вот она и сбежала. В общем, я ждала её до двух часов ночи, потом позвонила — мобильник был отключён. Она так и не появилась, а дозвониться по-прежнему невозможно.

Антон почувствовал как по телу пробежал неприятный холодок смутного предчувствия.

— А домой вы не звонили, вдруг она всё же решила вернуться?

Люда нахмурилась, возразив:

— Я там уже была! Вот что странно, дверь мне открыла Катя — её младшая сестра. Она не видела Гелю с прошлого вечера и была уверена, что та ночует у меня. Мы беседовали, потом вдруг появился отец Скворцовой, чуть ли не силой оттащил Катю от двери, а мне сказал, что отправил Гелю к родственникам! Но Катя ведь говорила, что дома она не появлялась. Когда же он успел? Это, во-первых, а во-вторых, единственные их родственники живут в Сочи, я проверила авиарейсы — ближайший через полтора часа, остальные совсем не подходят по времени.

— Ого! Вы провели настоящее расследование! — невольно восхитился детектив. Щукина смущённо зарумянилась:

— Я ведь журналистка!

— Хорошо, Людмила, давайте вместе подумаем, к кому кроме вас Ангелина могла пойти. У неё были друзья?

— Из близких только мы с Кирой, но на старой квартире её тоже нет, я и там уже побывала.

— А продюсер?

— У меня нет его телефона, но он обычно на таких мероприятиях не появляется — только распоряжение отдаёт. Где именно она выступала, к сожалению, не знаю.

— Я это выясню. У неё есть молодой человек?

Люда не задумываясь, отрицательно покачала головой:

— Нет, я бы знала. Гелька скрытная, не любит говорить на подобные темы, но и притворяться не умеет. Возможно, ей кто-то нравился, только серьёзных отношений там точно не было.

«Ну, кто ей нравился я знаю» — подумал детектив и неохотно набрал знакомый номер. Хоть он и расстался с бывшим помощником вполне по-дружески, надеялся, что звонить ему больше не придётся, чтобы тот не подумал, что он без него не справляется.

— Алло, — раздался недовольный голос Мая после долгой паузы: видимо он решал, стоит ли брать трубку.

— Спорим, ты жалеешь, что не успел сменить сим-карту?

— Сегодня же это сделаю! Предупредил ведь — расследованием больше не занимаюсь.

— Я всего лишь хотел спросить, не видел ли ты прошлой ночью Ангелину Скворцову?

И снова долгая пауза:

— Во сне? — наконец с сарказмом уточнил Арбенин, но Антон слишком хорошо его знал — за насмешкой скрывалась тревога.

— Всё ясно, значит, не видел, извини, что побеспокоил.

— Подожди, что там со Скворцовой?

— Похоже, она пропала, но тебе какое дело, ты ведь расследованием больше не занимаешься! — язвительно ответил Холмс и, не слушая возражений собеседника, отключил телефон.

Так ему и надо — пусть помучается! Антон не был бы детективом, если бы не заметил очевидного: как бы холодно и отстранённо не держался Май — девушка ему небезразлична.

* * *

Арбенин уже привык держаться естественно при самом крайнем внутреннем напряжении. Вот и сейчас, обнаружив в кабинете вызвавшего его Воропаева Салимханова, он не изменился в лице и вежливо поздоровался с удвоившимся начальством.

— Это парень, о котором я говорил, — небрежно бросил Воропаев Мурату Рустамовичу. — Благодаря нему мы нашли то, что искали.

Салимханов окинул Мая оценивающим взглядом и кивнул:

— Хорошая работа, нам нужны такие люди. Введи его в курс дела, лишние руки не помешают.

Щедро одарив его ещё одним милостивым взглядом, он вышел из кабинета. Май перевёл дух — сдерживаться становилось всё сложнее, а тут ещё этот звонок Холмса. Что могло случиться с Ангелиной? Впрочем, его это не должно беспокоить, игра подходит к концу — сейчас имеет смысл только это.

— Не совсем понял, что же я такого нашёл?

Воропаев широко улыбнулся.

— Сейчас объясню. Я ведь уже говорил — намечается очень важная сделка. Но товар нужно переправить через границу напрямую. До недавнего времени у нас был свой человек в нужной сфере, и всё шло гладко. Теперь там заведует новый руководитель, договориться с ним не удаётся. Более того, есть опасность, что он задействует другие сферы своей иерархии. Если это случится — фирме «Элен» и всем нам придёт конец. Но, благодаря тебе, не всё так печально.

— Благодаря мне?!

— Да, мы долго искали способ воздействия на этого человека: родных или близких. Но информация такого рода всегда засекречена: паспорт у него чистый — ни жены, ни детей, прописка липовая — зацепиться не за что. А ты сам привёл нас к его родственникам. Посмотри сюда.

Воропаев повернулся к стене увешанной белоснежными мониторами. Май знал — отсюда можно увидеть всё, что происходит в любой точке головного офиса «Элен», а также далеко за его пределами. За секунду до того, как начальник нажал кнопку пульта, он понял, что увидит сейчас на одном из мониторов.

— Помнишь, это особая комната для особых клиентов? Отсюда ты забирал тело Воланда. Теперь у нас новый гость, точнее гостья.

Май заставил себя посмотреть на экран. В тесном тёмном помещении кроме камина и стола находились диван и два стула, но девушка сидела прямо на полу, обхватив колени руками и опустив на них голову. Длинные волосы закрывали лицо, но плечи не дрожали —

она не плакала.

— Насколько я понял, вы немного знакомы?

— Да, немного, — машинально ответил Май, отвернувшись от монитора. — Разве её отец не простой военный офицер?

— Официально — да, а не официально — генерал Романов в интересующей нас структуре далеко не последний человек. Ему достаточно сделать пару звонков и наша маленькая проблема мгновенно решится. Теперь, полагаю, это произойдёт уже скоро. Наши поиски могли оказаться безрезультатными, хотя за девочкой следили.

— Значит погром в её квартире...?

— Увы, мои ребята были неаккуратны — торопились, искали доказательства в документах, но тщетно. Всё чисто: даже в свидетельстве о рождении отец не указан. Если бы ты не отвёз её домой и лично не передал в руки Романову, мы бы до сих пор не были уверены.

— Вы следили за мной, — не вопрос — констатация факта.

— И ты это знал.

— Романову сообщили? — голос звучал ровно и как-то безразлично. Пустота внутри стремительно разрасталась, а мир вокруг не менее стремительно терял краски, запахи, звуки.

— Да, мы дали ему немного времени на раздумья. Думаю, завтра или даже сегодня вечером наш вопрос решится положительно.

— А что потом будет с девочкой? Вернёте отцу?

— Переживаешь? — усмехнулся Воропаев. — Вижу, тебя беспокоит судьба твоей маленькой подружки?

Май усмехнулся в ответ, пустота уничтожила всё кроме цинизма:

— Ещё как беспокоит: нас слишком многие видел вместе. Если с ней что-то случится, меня затаскают по ментовкам. Мне это совсем ни к чему: вдруг прежние грехи всплывут.

Геннадий Викторович понимающе улыбнулся.

— Мы действительно собирались её вернуть. К сожалению, девочка оказалась слишком шустрой. Она пыталась сбежать, и ей это почти удалось — Цыблин проглядел — неудачник! Так вот, она видела слишком много в том числе и самого Марата Рустамовича. Как ты сам понимаешь, я не могу отпустить её к отцу с такой информацией. Сейчас мы для него — безымянные, безликие голоса в телефоне, общаемся исключительно через агентов — руки развязаны, все пути открыты. Так должно быть и дальше — свидетели нам ни к чему. Но ты не переживай, всё будет выглядеть естественно — в Москве орудует маньяк, организуем очередную жертву. А тебе соорудим железное алиби и по «ментовкам» таскаться не придётся.

— Романов не поверит, — Май по-прежнему не мог смотреть на экран. Происходящее казалось продолжением ночного кошмара. Судьба всегда любила над ним подшутить, и он был настороже, но к такому повороту событий оказался совершенно не готов.

— Естественно, но и доказать ничего не сможет. Если ожидаемая сделка состоится, фирма «Элен» в качестве прикрытия нам больше не понадобится. Тогда начнётся игра по-крупному.

— Что с Цыблиным? — он спросил только чтобы не молчать. Не молчать и не думать.

Воропаев брезгливо поморщился.

— Ничего. Я пока не решил, что с ним делать. Кстати, ты с сегодняшнего дня — начальник охраны. Поздравляю с повышением!

— Э...спасибо, когда приступать?

— Прямо сейчас. Начнёшь с того, с чем не справился Цыблин — будешь охранять генеральскую дочку.

Май смерил Воропаева откровенно насмешливым взглядом:

— Очередная проверка? Думаете, помогу ей сбежать?

Геннадий Викторович нахмурился, проворчав:

— Мне нравится твоя прямолинейность, но не забывайся. Да, в каком-то смысле это тоже проверка.

— И какова вероятность, что я её не пройду? — горечь, прозвучавшую в голосе подчинённого, Воропаев отнёс на счёт незаслуженного недоверия.

— Не больше пяти процентов.

— Так много?!

— Это официальная статистика: лишь пять процентов глупостей совершаются из-за женщин, остальные — дань карьере, богатству и власти. Как видишь, карты открыты. Надеюсь, ты всё сделаешь правильно.

— Не сомневайтесь, — сухо заверил Май.

Он был уверен, что так и будет. Вышел из кабинета, стараясь не смотреть на монитор, и запретил себе думать о чём-либо, кроме своей главной цели, которая сейчас близка как никогда. Увы, эти мысли больше не вдохновляли.

* * *

Антон был зол на себя, на Щукину, на Арбенина, который бросил в самый сложный момент и на отца Скворцовой, отчитавшего его как последнего школьника. Он запретил детективу лезть в дела его семьи, заверил, что с Ангелиной всё в порядке и буквально выставил за дверь. Ну и замечательно! Хоть на это время тратить не придётся! В самом деле, если бы с девушкой что-то случилось, он бы об этом уже знал: тела прежних жертв нашли очень быстро. К тому же, если маньяк Маркин — он со вчерашнего вечера в больнице. «Кстати, надо бы проверить!» — шепнула интуиция. «Надо бы» — согласился с ней детектив и развернул машину.

Когда Антон подъехал к лечебному учреждению, там царили суэта и переполох. На парковке для сотрудников стояли три милицейских автомобиля. В отделения никого не пускали, и лицензия частного детектива здесь была бессильна. Хуже всего — никто толком не знал, что происходит. Кто-то тихо позвал его по имени. Антон обернулся и увидел бледную перепуганную Надежду Агафонову. Мужчина вздохнул с облегчением, судя по всему, женщина была в курсе происходящего.

— Надежда Дмитриевна! Что здесь случилось?

— Точно не знаю, я пришла навестить Дениса. Всё-таки он мне не чужой. Мы поговорили. Наверное, не нужно было, но я рассказала о вашем визите и нашей беседе. Он почему-то испугался. Потом я пошла навестить подругу — она в гинекологии лежит. А когда вернулась, здесь уже была полиция.

— Так что всё-таки случилось?!

— Насколько я поняла из разговора медсестёр: Денис сбежал из отделения.

— Поэтому здесь, столько полиции? — не поверил Антон.

— Нет, в отделении интенсивной терапии кого-то убили.

— Кого?!

— Не знаю! — блондинка беспомощно развела руками. — Вроде бы какую-то девушку.

— Кира! — Антон схватился за голову. Ему нужно срочно попасть внутрь и увидеть всё своими глазами.

— Антон Леонидович! — раздался за спиной знакомый голос.

— Виталий Павлович и вы здесь?

— Да, пришёл навестить Маркина, но опоздал.

— Значит, вы тоже не знаете подробностей? — разочарованно вздохнул детектив.

— Увы! Я звонил своему знакомому, который как раз работает в терапевтическом отделении. Он пока ничего не знает о якобы совершённом убийстве — полиция туда никого не пускает. Но одно известно точно — Маркин действительно сбежал. Остальное мне известно лишь со слов Наденьки, мы встретились пару минут назад.

— Вы знакомы? — удивился Антон. Блондинка и психолог тоже выглядели удивленными.

— Разумеется, мы ведь работаем вместе.

— Я — убираю в офисе Виталия Павловича, разве я вам не говорила? — улыбнулась женщина. — Собственно, там мы с Денисом и познакомились.

Её улыбка вдруг погасла, необыкновенные фиалковые глаза погрустнели:

— Антон Леонидович, то о чём вы меня тогда спрашивали... Его бегство и это убийство, ведь это не может быть связано, правда? Он, конечно, со странностями, но не плохой.

Холмс не успел ответить, в кармане завибрировал мобильный. Звонил отец. Он спрашивал, встретился ли Антон с матерью, и ждать ли их к ужину.

— С мамой? — удивился детектив. — Разве она вернулась?

— Да, сегодня на рассвете. Наверное, вы разминулись. Она поехала к тебе, в агентство. Дозвониться не смогла, что у тебя с телефоном?

— Поехала в агентство? Я всё понял, спасибо пап, я её найду.

Он отключил телефон.

— Виталий Павлович, Надежда Дмитриевна, извините, мне нужно ехать.

Его мать сейчас в Москве — в городе, где орудует маньяк, решивший сделать её очередной жертвой! Спокойно, если «король» Маркин, он не знает где её искать. Чёрт, опять это «если»! Холмс повернулся к Рюмину и Агафоновой:

— Случайно не знаете, какой звонок стоит у Маркина на входящих?

Рюмин удивлённо моргнул, а Надя не задумываясь, ответила:

— Жуткий конский топот, он меня всегда раздражал.

Она подошла ближе и с надеждой сказала:

— Антон Леонидович, я верю — вы во всём разберётесь. Денис запутался, но вряд ли мог сделать что-то плохое. Вы ведь ему поможете?

— Для начала его нужно найти. — Антон прикидывал, что ему сделать в первую очередь — поговорить с матерью или отправиться к Маркину домой. Если упустить время он может скрыться. Где сейчас Элен Холмс он всё равно не знает, значит, стоит пока... Его размышления прервал тихий голос Нади:

— Я знаю где он может быть. Есть одно место, он однажды привозил меня туда...

— И что за место? Надя, умоляю, не молчите, раз уж начали говорить!

Поколебавшись, женщина назвала адрес.

Комнаты для «особых» клиентов «Элен» находились в небольшом подмосковном леске в одном из частных особняков, не принадлежащих ни кому из сотрудников фирмы. Собственность была оформлена на подставное лицо.

С виду обычный дом так называемых новых русских: двухэтажный с огромным бетонным забором, бассейном, временно оборудованным под каток, оранжереей и густым фруктовым садом. Здесь живёт на первый взгляд обычная семья: семейная пара в возрасте и трое молодых сыновей, старший женат. Держатся, правда, отстранённо, дружбы ни с кем не заводят, но это их личное дело. Немногочисленные соседи хоть и посматривают косо, никогда не заподозрят, что за звукоизолированными стенами дома происходит нечто ужасное, как не замечают они неприметную тёмную машину почти каждую ночь, вывозящую чьё-то бездыханное тело.

И, конечно, никто никогда не узнает в почтенной матери семейства опытного киллера, на счету которого не одна человеческая жизнь. И совершенно невозможно представить, что её муж-бизнесмен, спускаясь в полуподвальное помещение дома, превращается в настоящего карателя, владеющего всеми видами самых изощрённых пыток, а сыновья весьма успешно обучаются этому ремеслу. А молодая жена старшего, так давно мечтает быть единственной хозяйкой похожего дома и иметь платиновую карту, что легко и равнодушно закрывает на всё глаза. Ведь цель оправдывает средства — мудрость проверенная не годами — веками!

Обо всём этом думал Май, подъезжая к дому, а ещё он помнил о бригаде «строителей» уже полгода перестраивающих левое крыло особняка. На самом деле у них совсем другие обязанности, например, охранять территорию. В принципе, его присутствие здесь совсем не обязательно, у пленников и так нет ни малейшего шанса бежать. Просто очередное тестирование от «Воропаев и к?») и он его выдержит. Во всяком случае, первую часть — с должностью охранника он справиться. А вот что будет потом?

Май расположился в комнате слежения, отпустив зевающего Арслана (среднего сына) и, помедлив, посмотрел на монитор. Надо же какая ирония судьбы! Даже не ирония — издёвка: единственный человек, которым он дорожил в настоящем скоро будет принесён в жертву его прошлому!

Ангелина по-прежнему сидела на полу, обхватив колени руками, но лицо больше не прятала — отрешённо смотрела в потолок. Одета в простой красный свитер и длинную чёрную юбку, на лице ни тени косметики, бледная, осунувшаяся, пронзительно юная. Ей сейчас не дашь больше семнадцати.

Он отвернулся, радуясь, что девушка не может его видеть. Это немного утешало. Да, он позволит ей умереть, потому что ничего уже нельзя изменить, потому что не может пожертвовать тем, ради чего жил десять лет! И всё-таки не хотелось, чтобы она погибла, считая его последним негодяем. Май не планировал пережить её надолго. Будет идеально завершить свою миссию в тот же день, а потом... он даже не попытается скрыться, зачем? Арбенин снова посмотрел на девушку и горько усмехнулся: такая вот грустная сказка у них получилась — они жили недолго и несчастливо, а умерли в один день.

Антон позвонил матери, выяснил, что Элен в агентстве и попросил немного подождать. Ему не терпелось найти Маркина. О том, что встреча с ним может оказаться опасной, Холмс не думал. Детектив хотел лишь одного — остановить «снежного короля» первым. Непременно первым и реабилитироваться тем самым в глазах прессы. Можно презирать и сколько угодно поливать грязью «жёлтые» издания, но недооценивать их влияние было бы глупо.

— Антон Леонидович! — ему снова не дали дойти до машины.

Холмс раздражённо обернулся — Щукина! Её только не хватало. Увы, прививаемые годами хорошие манеры не позволили просто захлопнуть перед журналисткой дверь.

— Людмила, извините, я сейчас очень тороплюсь!

— Я только спросить — вы не нашли Ангелину?

— Нет, и не собираюсь искать! — отрезал Антон. — Её отец уверяет, что с ней всё в порядке. Как я могу искать человека, которого семья не считает пропавшим?!

— Где же она тогда? Я позвонила в Сочи тем самым родственникам — они и знать ничего не знают! К ним она точно не поехала.

— Людмила, мне нечего добавить к сказанному. Могу лишь повторить — я очень тороплюсь! Попробуйте поговорить с отцом Ангелины.

— Да с ним бесполезно разговаривать, он же военный — только приказы отдавать умеет! Блин, где же Гелька? Представляете даже её продюсер не в курсе, сам сейчас Кире звонил, спрашивал, куда пропала Скворцова!

Антон замер, услышав знакомое имя:

— Звонил Кире? Когда? Откуда вы знаете?

— Так я у неё около часа просидела, он при мне звонил — минут двадцать назад. Забеспокоился, видите ли! — тараторила Люда. — А потом началась эта суета вокруг, мне едва удалось из отделения выбраться.

Антон перевёл дух.

— Значит Кира... где она сейчас?

— Как где? В больнице осталась. Её утром в хирургическое отделение перевели и очень вовремя. Говорят, в реанимации кого-то убили. Представляете, как раз в той палате, где Кира лежала!

Да уж, на простое совпадение не тянет! Антон испытал невероятное облегчение: слава богу, девушка жива!

— А я вижу, вы стоите с теми мужчиной и женщиной, решила подойти узнать. Кстати, женщину я, по-моему, видела несколько раз в нашем доме. А мужчина...

— Людочка, спасибо большое, вы принесли мне хорошие новости, простите, что не могу сделать того же для вас. Я действительно очень спешу, увидимся позже!

Не слушая возражений, Антон скрылся в машине и включил зажигание. Финишная лента всё ближе и он во что бы то ни стало, должен пересечь её первым!

* * *

Элен Холмс нервно посмотрела на часы и нетерпеливо отложила в сторону иллюстрированный журнал: прошло уже сорок минут, где же Антон? Какие дела могут быть важнее встречи с матерью?! Ведь он так рвался с ней поговорить. Задавал странные почти

неприличные вопросы о прошлом, которые, кстати, довели её до мигрени. А теперь, когда она сама готова обсудить интересующие его темы (разумеется, не все!) он просит её подождать и исчезает!

Элен не любила ждать. Она с детства привыкла получать всё и сразу, ожидание ассоциировалась с запретом, а запрет заставлял нервничать. Неизвестность так же не позволяла расслабиться. Она не знала чего ждать от встречи с сыном, не понимала, зачем ему понадобилось копаться в её прошлом. Это оскорбляло и пугало: к чему ворошить то, что похоронено? Даже журналисты давно смирились с официальной версией её биографии и не копаются в грязном белье. А может она их просто больше не интересуется: пятьдесят два — много даже для востребованной актрисы. Она подошла к зеркалу и со вздохом поправила причёску — шедевр итальянского стилиста, на который не повлияли ни стресс, ни утомительный перелёт. Чего, увы, не скажешь о лице, возраст берёт своё — сквозь толщу макияжа неумолимо проступают морщинки, нужно накладывать больше тонального крема. Ещё один тяжёлый, отнюдь не театральный вздох, приметы возраста — основная причина её мигрени.

Женщина снова посмотрела на часы и, усевшись за рабочий стол сына, от нечего делать, стала перебирать лежащие на нём документы. Свой старый снимок она обнаружила не сразу, сначала на глаза попались фотографии убитых девушек, которые повергли актрису в состояние шока. Она долго всматривалась в мёртвые, искажённые судорогой смерти лица и бледнела, все ещё ничего не понимая, точнее отказываясь понимать. Потом, на следующем увидела своё собственное лицо и ужаснулась — оно было зеркальным отражением лиц тех двух погибших девушек. Снежная королева! Галя! Маша! Так вот что хотел знать Антон!

В дверь, предварительно постучав, заглянула взволнованная Римма.

— Элен, простите, пожалуйста, мне очень нужно уйти! Соседка позвонила, говорит, у меня квартиру затопило! Вы ещё будете здесь?

— Да, я дождусь сына, — машинально ответила женщина. Скованная диким, почти животным страхом, она всё же взяла себя в руки и мужественно выдавила подобие улыбки. — Идите, Римма, если что, у меня есть ключи.

Девушка умчалась, хлопнула входная дверь, и Элен безвольно упала в кресло. Несколько минут просто сидела молча, двигаться не хотелось, думать и вспоминать тем более. Сейчас она уже не была уверена, что хочет дождаться Антона. Слишком больная тема затронута, но избежать объяснений уже не получится. И всё же актриса не понимала что происходит. Почему убитые девушки так похожи на неё, ту Элен?! Впрочем, тогда у неё было другое имя...

Снова скрипнула входная дверь. Элен встрепенулась, запаниковала — наверное, Антон пришёл. Что же делать? Что ему сказать, вернее, о чём умолчать, если это возможно? Раздался стук в дверь и женщина немного успокоилась — сын стучать не станет, видимо кто-то из клиентов. Римма так торопилась, что не замкнула агентство. Дверь отворилась, Элен узнала посетителя и удивлённо вскинула брови: этого человека она никак не ожидала здесь увидеть.

— Ты?! Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя, Элен! Я уже очень давно тебя ищу...

Антон смотрел на бегущую впереди дорогу, но мысли его блуждали далеко. Он никак не мог понять, зачем ей понадобилась эта ложь? Что-то здесь было не так! Детектив ещё некоторое время терялся в догадках, а потом набрал номер Людмилы Щукиной — пусть расскажет всё ещё раз! Теперь он будет более внимательным.

* * *

Чтобы лишний раз не смотреть на злополучный монитор, Май пересматривал архивы слежки. Оказалось, наблюдение за девушкой ведётся уже полтора месяца. В хроники команды Воропаева попала так же Елена Невезухина, и вскоре он понял почему. Генерал Романов, за которым тоже с различной степенью успеха пытались следить, пару раз был замечен на концерте группы «Падшие ангелы». Арбенин усмехнулся — как трогательно! Естественно, никто не заподозрил его в любви к современной музыке, зато весь состав группы мгновенно взяли на заметку.

— Ну, как работается?

Май вздохнул, уловив в знакомом голосе вошедшего начальника тщательно замаскированную насмешку.

— Всё нормально, Геннадий Викторович. Что-то случилось?

— Да, время поджимает, а Романов медлит с ответом. Надо бы ускорить процесс.

Май внутренне напрягся, но голос прозвучал безучастно:

— Каким образом?

— Сейчас узнаешь, давай спустимся.

— Куда? — на этот раз напряжение скрыть не удалось. Глаза Воропаева насмешливо блеснули.

— Туда! — он кивнул на монитор. — Это будет твой последний экзамен, или ты передумал его сдавать?

— Не передумал, — тихо сказал Май. «Но надеялся, что до этого не дойдёт!» — мысленно закончил он и, сделав над собой усилие, остановил поток мыслей.

Чтобы не происходило, он не будет ни о чём думать, только действовать. Решение принято, назад дороги нет. Он сдаст свой последний экзамен.

А экзаменаторов, похоже, будет много: первыми в помещение вошли все братья во главе с отцом семейства. Однако, как напрягают их эти пять процентов. Глупо! Что можно сделать в доме полном охраны, под прицелом камер и автоматов? Играть в героя бессмысленно, а он не рыцарь из романов, которые так любит Скворцова. Сейчас она это, наконец, поймёт!

Стоп! Хватит! Не думать! Он вошёл последним, борясь с желанием спрятаться за широкую спину Воропаева, но все как по команде расступились, пропуская его вперёд. Ангелина вскочила, затравленно глядя на вошедшую делегацию, потом узнала Мая, и бледное лицо на мгновение просветлело.

— Ну, как вы тут, Ангелина Сергеевна? — вежливо поинтересовался Геннадий Викторович. — Заждались, поди? Мы тоже! Ваш отец не торопится с ответом. Придётся сделать ему очередное внушение!

Девушка всё ещё пыталась поймать взгляд Мая, но он упорно отводил глаза и это пугало гораздо больше всего остального.

— Может, поговорите с ним сами? Давайте я наберу номер, а вы очень убедительно

попросите его...

— Я не буду его ни о чём просить! — решительно перебила девушка. — Сколько вам повторять — это бессмысленно! Он никогда не пойдёт против принципов, тем более ради меня!

— Жаль, значит, придётся действовать жёстко.

Девушка вздрогнула — так угрожающе это прозвучало.

— Что вы собираетесь сделать?

— Сейчас мы здесь снимем небольшой фильм с вашим участием, — охотно объяснил Воропаев. — И отправим его многоуважаемому генералу Романову, возможно, тогда он заговорит по-другому.

Мужчина достал пистолет, девушка испуганно метнулась в сторону.

— Вы хотите...

— Я не хочу, детка. Поверь, мы все здесь этого не хотим, но выбора, похоже, нет. Не бойся, это будет просто царапина. Небольшое ранение на камеру, конечно, будет больно. Придётся потерпеть.

— А как же ваш первоначальный план, Геннадий Викторович? — безучастно напомнил Арбенин, имея в виду имитацию нападения маньяка. — Огнестрельное ранение туда никак не вписывается.

— Он отменяется! Сроки поджимают — сейчас это главное! — Воропаев вложил пистолет ему в руку. — А теперь твоя очередь, действуй, докажи, что достоин быть одним из нас! Арслан, снимай!

Ангелина никак не могла поверить в происходящее, всё было почти точь в точь как в том ночном кошмаре! Казалось, сейчас она проснётся и всё будет как всегда, исчезнут все эти люди и Арбенин медленно поднимающий пистолет.

— Май! — Она с трудом разлепила пересохшие губы, голос осел до шепота: — Что ты делаешь?!

Сейчас он смотрел прямо на неё.

— Прости. Мне, правда, жаль, но так уж вышло. — сказал чужой холодный голос, и девушка поняла — это не сон. Всё происходит на самом деле, и он сейчас выстрелит. Она невольно отшатнулась.

— Подожди, давайте её привяжем! — предложил кто-то из братьев. — Будет дергаться — он промахнётся.

Девушка вдруг разразилась громким истерическим смехом:

— Не надо меня привязывать! Я не буду убегать, только отвернусь. Ему так привычнее — в спину стрелять.

Ангелина одарила Мая презрительным взглядом и отвернувшись, застыла на месте, словно каменное изваяние. Она больше не боялась физической боли, не боялась смерти. Надежда погибла, и жизнь потеряла смысл. Душа кричала, рвалась, металась, задыхалась, будто искала выход из тела. Скорее бы уже всё закончилось!

Арбенин в который раз невольно восхитился смелостью этой девочки. Он чувствовал боль, которая сейчас разъедала её изнутри, чувствовал всю глубину её отчаяния. Или это была его собственная боль — теперь уже не поймёшь, а рука продолжала подниматься, и универсальная мантра «не думать», выручающая столько раз больше не действовала.

Он просто не может остановиться! Это ведь элементарная арифметика! Весы, на одной чаше которых вся его жизнь: родители, дед, Анита и десять лет кошмара, посвящённые

ожиданию этой минуты! А на другой... Перед глазами поплыли картины недавнего прошлого: их бесконечные споры, раздражающие и забавляющие одновременно, неловкие объятия в машине, нежность в её глазах, приключение в кафе «У камина», мягкость губ, к которым он прикоснулся лишь однажды, когда привёз её спящую домой. Картина резко поменялась, и на какую-то долю секунды он увидел смеющуюся Ангелину в ослепительно-белом свадебном платье, уютную чистенькую кухню с закипающим чайником, новенькую детскую кроватку, увешанную яркими погремушками и синие глаза своей маленькой дочери, *их* дочери!

«Не думать! Не думать! Не думать!» — Май решительно нажал на курок, раздался громкий хлопок и его тут же скрутили, стоящие позади братья.

— Холостые патроны! — горько усмехнулся Арбенин.

Воропаев озадаченно разглядывал свой пиджак:

— Конечно, я ведь не сумасшедший! Были бы настоящие — уже бы остыл. В сердце целился, да, гадёныш? Всё-таки я был прав насчёт пяти процентов: ты не Стенька Разин — на бабу променял!

Ангелина обернулась, не понимая, что происходит. Почему Мая схватили, если он один из них? Почему он не стал в неё стрелять?

— Глупец! Такой шанс упустить! Я ведь тебе почти поверил! — Воропаев поднял и перезарядил выпавший пистолет. — А вот теперь патроны настоящие!

Арбенин попытался вырваться — тщетно! Эти трое знали своё дело. В их железных «объятиях» он понял, что значит выражение «мёртвая хватка».

— Не делайте глупостей, Геннадий Викторович, убьёте девчонку — ничего не получите!

— Не дёргайся, Ромео! Её я не трону. Твоя Джульетта мне пока нужна живой, а вот ты больше не нужен! Отпустите его!

Резкий удар в солнечное сплетение, и Май задохнулся от боли. После второго удара он оказался на полу.

Май поднял глаза — прямо на него смотрело дуло пистолета. Звук выстрела, на этот раз настоящего, слился с отчаянным криком Ангелины, тело пронзила острая обжигающая боль. Перед глазами поплыли разноцветные пятна, предметы стремительно меняли очертания и цвета. Боль, став невыносимой, мгновенно разлилась по всему телу, а потом наступила полная темнота и сознание, словно сжалившись над ним, наконец, отключилось.

Элен казалось, что она присутствует на съёмках малобюджетного, плохо срежессированного триллера. Её, как когда-то в «Невесте дьявола», распяли на столе, привязав за руки и ноги. Только парик и корона были из другого фильма, она никак не могла вспомнить его название. И это существо напротив тоже из какого-то фильма ужасов. Этот взгляд... обычный человек, «не киношный» персонаж, просто не может смотреть с такой ненавистью! Тем более на неё!

Мысли затуманенные страхом и болью, пугались, отказываясь признавать реальность происходящего. Боль и страх оглушали, одежда пропиталась кровью, сочившейся из трёх неглубоких поверхностных надрезов, сделанных «палачом» во время вступительной речи. Теперь этот обвиняющий голос звучал всё тише, сознание потихоньку уплывало, женщина с трудом различала отдельные слова, и когда внезапно появился Антон, решила, что это игра воображения.

Холмс замер на месте, увидев окровавленное тело Элен, но тут же рванулся к ней:

— Мама!

— Замри! Ещё один шаг и она больше не сыграет ни одной роли! — узкое лезвие ножа опустилось и прижалось к груди актрисы.

Антон остановился, в воздухе витал тяжёлый приторно-сладкий запах духов, от которого першило в горле.

— Надя, пожалуйста! Опомнитесь, что вы делаете?!

Женщина рассмеялась. Её смех не был безумным, в нём звенела беспечная детская весёлость. На фоне присутствующих декораций это выглядело более чем жутко!

— Посмотрите, кто пришёл! Великий детектив, собственной персоной! Честно говоря, не ожидала! Я рассчитывала, что вы будете ещё пару часов разыскивать Маркина. Вы растёте в моих глазах, Антон Леонидович!

Холмс с тревогой вглядывался в бледное лицо матери, похоже, она не понимала, что происходит.

— Я и отправился его искать, но думал лишь о том, почему вы мне солгали.

Блондинка заинтересованно прищурилась:

— Это в чём же?

— Вы, не задумываясь, ответили мне какой звонок у Маркина, хотя несколько дней назад, уверяли мою бывшую сотрудницу, что не знаете, чей телефон так звонит.

Надя презрительно усмехнулась:

— А может, несколько дней назад я этого действительно не знала!

— Потом вас узнала журналистка, живущая в одном доме с Ритой Майер. Она слышала, как вы угрожали актрисе за месяц до убийства. Я заехал к вам домой, хотел поговорить ещё раз. Вас не застал, зато немного пообщался с вашим мужем Геннадием, а потом нашёл вот это! — детектив предъявил очки в уродливой оправе. — Уверен, если бы у меня была возможность осмотреть квартиру, я нашёл бы больше, например, рыжий парик!

— Лиза! Нет, парик на съёмной квартире Маркина, кстати, именно там я его и нашла. — Она снова беспечно засмеялась. — Признайтесь, её появление здорово спутало вам карты! Дедуктивный метод не помог, да? Кстати, очки ведь ещё ничего не доказывают, мало ли кто их носит.

— Разумеется, но я поговорил с вашим мужем и выяснил, что у вас был повод не желать добра Маргарите Майер. Геннадий признался, что у них с Ритой была любовь.

Лицо Нади перекопилось от ярости:

— Любовь?! О чём вы говорите?! Такие твари как она не способны любить! Они только используют. А когда получают всё, что хотели, вытирают об тебя ноги и вышвыривают прочь! Именно так она поступила с моим мужем — разрушила нашу семью, вытянула всю наличность, превратила его, непьющего, в алкоголика, а потом бросила и взялась за моего двоюродного брата!

— Максима Гребцова? — уточнил Антон, делая осторожный шаг вперёд.

— Не двигаться! — процедила женщина, слегка вдавив кинжал в тело. Элен ахнула, из раны брызнула кровь.

— Хорошо! Хорошо! Успокойтесь! Я понял, Рита причинила вам боль, но при чём здесь моя мать? Насколько я понял, она устроила вас на работу — это так ужасно?

— Устроила на работу? — фиалковые глаза потемнели, голос задрожал от гнева. — Уборщицей?! Хорошенькая компенсация за исковерканную жизнь моей матери, самоубийство отца, и всё, что она сделала со мной?!

— Я не понимаю...

— Что тут непонятного? Ах, я совсем забыла: Элен Холмс — сама чистота и благородство! Именно так пишут в газетах! А то, что тридцать лет назад она была звездой стриптиза и оказывала «эскортные услуги» богатым дяденькам почему-то нигде не упоминается!

— Что за чушь! — возмутился детектив, но осёкся, вспомнив как совсем недавно, разглядывая фотографию тридцатилетней давности, поймал себя на подобных мыслях.

— Антон, не слушай её! — слабо запротестовала Элен, страх потерять всё чего так долго добивалась, придал ей силы. — Это ложь!

— Ложь! — презрительно взвизгнула Надя. — Вот как, значит, мне это всё приснилось, и ничего не было? Не было двух подруг Лены и Гали, которые работали в баре моего отца с номером «Снежная королева»? А устроила их туда третья подруга — Маша — моя глупая, несчастная мать! Вскоре Галю вышвырнули вон, и главной звездой номера стала Лена, правда сначала она стала любовницей отца. Разница в двадцать лет девочку не смущала! У него ведь были деньги и связи — то, чего ей так не хватало!

— Всё было не так, я любила его! — сквозь слёзы протестовала актриса.

— Заткнись! Может быть, ты и меня любила, сука продажная?! — размахнувшись, она с силой ударила актрису по лицу.

— Надя, пожалуйста! — взмолился Антон, не зная, что предпринять.

Женщина явно неадекватна, договориться с ней не получится, и подойти нельзя — любое резкое движение может стоить Элен жизни. Что же делать?

— Она полностью прибрала отца к рукам! Дошло до того, что он выселил мать в какую-то комнату, а её перевёз в наш дом!

— Но ты же была не против, вспомни, мы даже подружились! — глотая слёзы, напомнила актриса.

— Подружились?! — теперь в голосе Нади звучала неприкрытая горечь. Легко вскружить голову ребёнку! Надо признать, ты умела подлизаться к кому угодно! Возилась со мной часами, учила разбираться в моде, делать причёски, говорила, что всегда мечтала о такой красивой дочке, помнишь?! Конечно, такая мать мне нравилась больше вечно

хнычущей и всем недовольной Маши! А потом, когда поняла, что из отца больше ничего не выжать, ты исчезла! Бросила и меня, и его, словно использованные вещи — нашла более подходящий вариант. — Она обвиняюще посмотрела на Антона: — Твоего отца! Но это я бы ей простила! Хуже всего было то, что она заставила меня полюбить её! Да, в тот момент я любила эту тварь больше родной матери и не могла понять, почему она бросила меня, если ещё вчера уверяла, что любит! Я, не задумываясь, оставила бы родителей и ушла с ней, если бы она захотела, но чужой ребёнок никогда не входил в её планы!

— Прости, я надеялась, что если уйду, твои родители помирятся, и у вас всё будет по-прежнему! — голос Элен слабел с каждым словом, по щекам, смывая макияж, текли слёзы.

— Опять ложь! Каждое твоё слово — и тогда и сейчас! Ты всегда была первоклассной актрисой! — ещё одна пощёчина. Антон вздрогнул, физически ощущая боль матери, и тоскливо посмотрел в сторону шкафа — как далеко! Там в кармане плаща лежал пистолет, если бы он только мог, если бы успел...

— Ты никогда не думала обо мне и, уверена, даже не вспоминала! — Надя продолжила обвинительную речь. — Первое, о чём ты позаботилась, уходя — уничтожила все снимки и документы, имеющие отношения к «Снежной королеве», все, кроме одной фотографии! Её сохранила мама, она тогда шутки ради нарядилась в такой же костюм и сфотографировалась с вами. Позже, глядя на это фото, она говорила, что здесь запечатлён последний день вашей дружбы!

— Прости, мне, правда, жаль! Но ведь твои родители помирились, я знаю!

— Да, отец вернулся к матери, но лучше бы он этого не делал! Он превратил её жизнь в кошмар, а она сделала тоже с моей! Мама его слишком любила, он же теперь смотрел на неё как на пустое место, потом и вовсе начал пить. А она всё ещё надеялась его вернуть и однажды... Я хорошо помню эту ночь, я проснулась, потому, что хотела пить и спустилась в столовую. Там, на лестнице, я увидела маму... в костюме снежной королевы, том самом! Она осветлила волосы, распустила их как Элен, надушилась её любимыми духами «Snow Queen», включила песню, под которую та танцевала в номере — «Снежную королеву» и ждала отца! Не понимаю, на что она рассчитывала? Видимо совсем голову потеряла!

Разумеется, он был в ярости! Жестоко избил мать, а я не вмешивалась, потому что она была не права и вела себя также как эта дрянь — играла роль! А утром, собираясь в школу, я нашла отца в ванной, полной красной воды. Я не сразу поняла, почему она красная, а потом увидела нож! Не знаю, почему он не воспользовался обычным лезвием, наверное, просто под рукой не оказалось...

Через пару лет Элен стала признанной звездой экрана, и мама больше никогда не включала телевизор. Я выросла, не зная, что такое мультфильмы и сказки, а так же многое другое. Мама ненавидела мои светлые волосы, состригала их чуть ли не под корень, заставляла прятать под уродливой шапкой времён моей прабабушки! Она запрещала мне краситься, одевать красивые яркие платья, зато заставляла носить отвратительные очки и брекеты, хотя у меня не было проблем ни со зрением, ни с зубами! Помню, в шестом классе я взбунтовалась: заявила, что хочу быть красивой! Она избилла меня и объяснила: красота — это зло! Она делает людей эгоистичными, холодными, бездушными тварями, такими как она! — Надя бесцеремонно ткнула ножом в плечо Элен, та даже не ахнула, только по щекам заструились свежие ручейки слёз. — И я больше не сопротивлялась, так появилась Лиза. Я представлялась этим именем, когда знакомилась с кем-то, мне почему-то было стыдно называть своё настоящее. Потом мама умерла, и Лизу я похоронила вместе с ней, надеялась,

что навсегда! Вроде бы всё наладилось. Я вышла замуж за любимого человека. Мы переехали в Москву, какое-то время жили спокойно, а потом он встретил эту шлюху, Майер, и фактически ушёл из семьи. Мне пришлось искать работу. Это было сложно без постоянной прописки и образования, я обратилась в агентство, трудоустраивающее обслуживающий персонал и однажды оказалась в доме великой Элен Холмс. Она меня даже не узнала! А потом, когда поняла, кто я, испугалась и поспешила сплавить подальше: устроила к Рюмину и успокоилась. Даже не спросила как я жила все эти годы, просто снова вычеркнула из жизни и всё! Правильно, у неё ведь уже была идеальная семья и любимый сыночек! А у меня семьи больше не было! Мерзкая актрисулька вскоре бросила моего мужа, он превратился в настоящую развалину, но эта дрянь не успокоилась, она и моего младшего брата превратила в ходячего зомби! А потом я встретила её в приёмной Виталия Павловича! Очень хорошо помню этот момент: на столе у нашей секретарши стоял небольшой приёмник, вошла Майер и вдруг заиграла та самая музыка, та самая песня из моего поломанного детства «Снежная королева»! Я поняла — это знак! К тому времени я уже встречалась с Маркиным, он имел несанкционированный доступ к архиву Рюмина и иногда в приватной обстановке рассказывал мне истории наших звёздных пациентов. Так я узнала всё о прошлом этой девушки и поняла, что должна её остановить! Остановить, потому что она ни в чём не раскаивается и ломает ещё ни одну жизнь! Она была точно такой же тварью как Элен! Такой же пустой и бессердечной холодной куклой — Снежной королевой! И та, вторая была из этой породы!

Антон понял, что она говорит о Елене Невезухиной, и снова покосился в сторону шкафа.

— А как же Кира Тимохина! — напомнил он, стараясь отвлечь женщину. — Милая девушка, она вам, чем не угодила?

— Милые девушки не отнимают у детей отцов! — презрительно процедила Надя. — Жена Зарецкого несколько раз приходила на приём к Рюмину, даже сына однажды привела. Бедный мальчик заболел от страха, что папа уйдёт к чужой тёте! А ведь продюсер богатенький Буратино, вполне может отсудить у матери ребёнка и отдать той, другой! Я не хотела, чтобы мальчик повторил мою судьбу, и уничтожила ещё одну ледяную пустышку! Долго следила за ней, обнаружила их гнёздышко, сделала слепок ключа, а дальше всё было просто. Жаль, с первого раза не получилось!

Антон хотел было омрачить триумф безумной блондинки, сообщив, что и вторая попытка провалилась, но решил не рисковать, ведь у сердца его матери по-прежнему блестело острие ножа.

— А зачем весь этот фарс с переодеванием, интернетом? И почему вы представились дочерью Галины Перовой?

Надя расплылась в довольной улыбке и снова перешла на ты:

— Не я — Лиза! Очаровательное создание, пришлось её воскресить! Она тебе понравилась? Я просто хотела тебя немного запутать. Пресса нарекла Антона Холмса супер детективом современности, вот я и решила немного подстраховаться. А великий детектив так легко попался на удочку, признаться, я была разочарована!

— Я тоже, — пробормотал Антон. — Мне следовало догадаться ещё когда Лиза, якобы, говорила с кем-то по телефону. Я только сейчас понял, что меня тогда насторожило: экран не светился, а ведь она только что приняла вызов. К тому же я не слышал звонка, хотя вышел следом за ней! Кстати, интересно какой звонок я бы услышал?

Женщина снова залилась беспечным почти радостным смехом:

— Дался вам этот звонок! У меня на всех входящих стоит «Снежная королева», можете проверить.

— А как же конский топот? В ночь убийства Риты Майер, некто видел вас выходящей из её дома в длинном чёрном плаще и обратил внимание на приметный звонок, который мог звонить только у вас!

— Ах, вот в чём дело! А я-то думала! Такой звонок действительно стоит у Маркина. В ту ночь я испачкала своё пальто, и он предложил надеть его плащ, я согласилась, а телефон, видимо, остался в кармане. Мужа не было дома, и я решила — время пришло, тем более что она как раз обратилась к тебе за помощью. Я следила за этой шлюхой больше месяца и знала о ней больше, чем родная мать! Всё получилось идеально, ты лично отвёз её домой, ключи у меня, разумеется, были. Как же она испугалась! Ты бы видел её лицо, а впрочем, ты видел — фотографии получились отличные! Разумеется, я подробно объяснила ей, почему это делаю!

— Может, и мне объясните для чего весь этот антураж: парик корона, духи, музыка? А главное — почему девятнадцать ран?! Зачем так много?

— Неужели непонятно: я убивала — Снежную королеву! — Взгляд Нади заволокло безумием. — Не Майер и не ту певичку, а её — Элен!!! Я смотрела на них, а видела её лицо и просто не могла остановиться! Но то была лишь генеральная репетиция, подготовка к финальной сцене! Настоящий спектакль начнётся здесь и сейчас. А ты будешь почётным зрителем!

— Надя, я прошу вас, будьте благоразумны! — взмолился Антон, теряя самообладание.

Она презрительно улыбнулась:

— Что так? Жалко мамочку? Дурак! Думаешь, она тебя любит?! Как бы не так! Она на это не способна! Пойми, если бы твой отец не дал ей всё, что она хотела, Элен давно бы слиняла от тебя в поисках лучшего варианта!

— Надя, пожалуйста! Это не так! — рыдала Элен. — Я люблю сына, и тебя я тоже любила, но потом наши дороги разошлись! Я думала — для тебя будет лучше остаться с родителями! Я очень виновата перед тобой! Именно поэтому так растерялась при недавней встрече: поняла, что ты меня не простила и просто не знала что сказать! Поверь, я не бесчувственная!

— Сейчас проверим! — Надя достала свой телефон и включила «Снежную королеву», кабинет наполнил зловещий звук завывающей вьюги.

Пока она отвлеклась, Антон сделал лёгкий незаметный шаг вперёд.

— Подождите, Надежда Дмитриевна! Я не совсем понял свою роль в этом деле. Зачем вы следили за мной? Для чего посылали фотографии!

— А ты ещё глупее, чем я думала, несостоявшийся братец! Мне просто интересно было наблюдать, как ты суетишься, бьёшься головой о стену и ничего не понимаешь! Твой сын глуп и примитивен, Элен! Я намного умнее его, теперь ты это видишь? — издевалась Надя, злорадно вглядываясь в искажённое лицо актрисы.

Оказавшись на миг вне поля её зрения, Антон сделал ещё один шаг и быстро, пока она не успела переключиться, спросил:

— А где сейчас Маркин? И какую роль он играет в вашей истории?

— Никакой! Я навестила его в больнице, сказала, что полиция, обнаружив парики и шмотки на съёмной квартире, решила сделать из него козла отпущения. Он испугался и сбежал — трус несчастный, сейчас, наверное, пытается куда-нибудь улететь. Ну всё, довольно болтовни! Пора действовать!

— Вы же не думаете, что я позволю убить мою мать у меня на глазах! — возмутился Антон.

— Можешь отвернуться! Впрочем, могу начать тебя! Ты такой же, как она: яблочко от яблоньки...

— Надя, нет! — взмолилась Элен. — Антон здесь ни причём! Не трогай его! Тебе ведь нужна я,пусти его, пожалуйста!

Лицо Нади исказилось от ярости:

— Какая трогательная сцена: мать готова умереть ради сына! Опять ложь! Ты — двуличная, лживая сука!

— Надя, будьте благоразумны! Я не закрывал агентство — ключи забыл. Моя секретарша может появиться в любую минуту.

— Твоя секретарша появится не скоро! Я позвонила ей от имени соседки — вызвала домой. Живёт она не близко: час туда, час обратно, а там и рабочий день закончится! Но ты прав, свидетели нам ни к чему — замкни двери!

— Не могу! Я ведь сказал — ключи не брал, думал, Римма здесь будет. Мой комплект лежит в кармане плаща, в шкафу. Подайте, если хотите.

Детектив понимал, что здорово рискует: стоит Наде обнаружить пистолет — им конец! Но ему были понятны и её опасения: женщина не станет рисковать, оставляя свою жертву без присмотра! Секунду она подозрительно разглядывала Антона, зрительно измеряя расстояние между ними — не такое уж большое! Проклятие, когда он успел так приблизиться? А шкаф находится в другом конце кабинета, если она сейчас отойдёт, он непременно воспользуется ситуацией!

— Возьми сам! — велела она, наконец. — Только без глупостей!

Антон сделал вид, что пытается оттянуть этот момент, и неуверенно покосился на дверь:

— Я точно не помню... Возможно, забыл их дома.

Надя понимающе улыбнулась:

— Надеешься, сюда кто-нибудь явится?! Хватит тянуть время! Достань ключи и закрой своё чёртово агентство! Иди медленно! Подними руки, чтобы я их видела!

— Ладно! Я понял! — Антон поднял руки и медленно направился к шкафу.

Как хорошо, что он забыл положить оружие на место! Если бы пистолет лежал, как обычно в столе, Надя ни за что не позволила бы к нему приблизиться! Плохо, что у него не так много опыта в подобных вещах. Стрелять за всю свою практику детективу пришлось лишь однажды, и то не на поражение, а просто, чтобы отвлечь преступника! Сердце бешено колотилось, удары гулко отдавались в висках. Никогда ещё он не был так близок к смерти, к своей смерти: обезумевшей, прекрасной, поменявшей косу на нож! Надя не сводит с него глаз, это плохо. Ну, пожалуйста, отвлекись хоть на мгновение! Вот она дверца шкафа, вот он плащ, всё, что ему нужно — пара секунд. Если бы мама смогла...

— Мама! — позвал Антон. — Как ты?

— Не отвлекайся! — рявкнула Надя. Антон тоже позволил себе ненадолго забыть о приличиях:

— Что ты с ней сделала, убийца?! Она же без сознания!

— Притворяется!

— Она потеряла много крови!

— И это только начало! — Надя настороженно склонилась над бледным лицом

женщины, пытаясь уловить дыхание. Глаза актрисы были закрыты. Проклятье! В её планы не входила столь несвоевременная и лёгкая кончина, нет, Элен должна мучиться долго и страшно!

Это было то, чего так ждал Антон — «смерть» отвлеклась на секунду, и он ощутил в руке успокаивающую тяжесть пистолета. Следующей секунды ему хватило, чтобы прицелиться и сделать выстрел.

Сознание возвращалось постепенно. Первой пришла боль. Не такая острая, как сразу, но достаточно сильная, чтобы понять — это не сон, всё происходит на самом деле. Май пошевелился, пытаясь определить источник боли, не вышло — болело всё. Он застонал и снова замер, уткнувшись лицом во что-то мягкое и тёплое.

— Тише! Тише! Не шевелись, — шептал знакомый голос откуда-то издалека. Чьи-то руки успокаивающе гладили его волосы.

Он попытался приподняться:

— Ангелина!

Она мягко, но настойчиво опустила его голову обратно — на свои колени.

— Тебе, наверное, нельзя двигаться. Увы, я не медик, большего сказать не могу. — Девушка грустно усмехнулась, впервые пожалев, что не послушалась отца. В медицинском образовании есть свои плюсы. — Я как смогла, перевязала рану рубашкой. Обработать, к сожалению, нечем. Здесь даже воды нет.

Май покосился на забинтованную грудь:

Спасибо. Куда он попал?

— Между сердцем и ключицей. Крови не очень много, похоже, пуля осталась внутри. Как ты себя чувствуешь?

Он невольно улыбнулся:

— Мы перешли на ты? Я думал, это случится не раньше первой брачной ночи.

Она немедленно залилась густым жгучим румянцем и отвернулась:

— Судя по плоским шуткам, тебе уже легче.

— «Тебе» — мне нравится, как это звучит! И потом, между нами уже столько всего было, чем не близость?

— Ты целился в меня, — тихо напомнила девушка.

— Но не выстрелил.

— А смог бы?

Корчась от боли, он с трудом поднялся и сел на пол рядом с ней.

— Ты же видела — не смог. Прости, я не хотел тебя в это впутывать и понятия не имел, кого они ищут.

— Кто они?

Май устало прислонился к стене, буквально вжался в неё, чтобы хоть немного унять боль.

— Слуги наркобарона. Ты нужна им, чтобы с помощью твоего отца переправить товар через границу.

— А ты? Кто ты? — голос звучал тихо, но требовательно.

— Идиот, растративший жизнь впустую, — усмехнулся Арбенин и тут же закашлял от боли. — Хотел отомстить этому самому барону, и вот что получилось. Но это долгая история, расскажу как-нибудь потом.

В синих глазах отразилось удивление:

— Ты, правда, думаешь, что у нас будет это потом? Тот человек собирался стрелять снова! Он не убил тебя лишь потому, что не успел — позвонил мой отец, и они все ушли.

— Что ж, возможно, они договорятся и тебя отпустят.

Ангелина заботливо поправила его повязку и грустно улыбнулась:

— Тоже мне следователь! Я же их всех видела! Разве ты не знаешь, что свидетели долго не живут?

Он протянул руку и осторожно коснулся её лица, погладил по щеке, заправил растрепавшиеся волосы.

— Прости! Если бы не я, тебя бы здесь не было. Не хочешь мне, как следует врезать? Я настаиваю.

Она погладила его руку и прижала к своей щеке.

— Если бы у нас было больше времени, поверь, я бы так и сделала. Но его нет, к тому же тебе и так досталась — лежачего не бьют. Если не возражаешь, я лучше сделаю кое-что другое.

Ангелина наклонилась к нему и осторожно, чтобы не причинить боль, нежно поцеловала в губы. Май судорожно вздохнул, в глазах зацепило — давно забытое ощущение подступающих слёз. В последний раз он плакал ещё ребёнком.

— Я этого не стою, — прошептал он, отвечая на поцелуй. Боль отступила на задний план, сейчас имели значение только её мягкие, послушные, с готовностью подчиняющиеся каждому его движению губы.

— А я не торгуюсь! — шепнула она, отстраняясь, но он, преодолевая боль, снова притянул её к себе. Какое-то время они просто сидели, обнявшись и молчали. Май напряжённо думал.

— Помоги мне подняться, — попросил он через несколько минут.

— Зачем? Тебе нельзя двигаться! — запротестовала Ангелина.

— Какой смысл соблюдать постельный режим? — усмехнулся Май. — Сама сказала — свидетели долго не живут! Помоги мне подняться.

— Зачем?!

— Хочу размяться.

Ангелина неохотно помогла ему встать. Арбенин внимательно осмотрелся, сделал несколько осторожных шагов и удовлетворённо кивнул.

— Идём туда! — он отвёл девушку в противоположную часть помещения, они снова опустились на пол. Май отвернулся к стене и, не оборачиваясь, попросил Ангелину сделать тоже самое. Она послушалась.

— Зачем всё это?

— За нами сейчас наблюдает Арслан.

— Наблюдает?!

— Да, в специальной комнате видно всё, что происходит здесь, зато ничего не слышно. Но Арслан умеет читать по губам, а в этой части нашей «тюрьмы» камеры нет — он ничего не увидит. Послушай, я кое-что придумал. Мы сейчас разыграем какой-нибудь спектакль и заманим Арслана сюда. Уверен, я смогу его обезвредить.

— Как? — испугалась Ангелина. — У тебя нет сил!

«У меня есть кое-что получше!» — подумал Май, бросив взгляд на кольцо: одной капли яда будет достаточно, чтобы парень никогда больше не вышел из этой комнаты.

— Я справлюсь.

— И что нам это даст?

— У меня будет его оружие и ключи, а это уже кое-что!

— Что потом? — в голосе девушки мелькнул робкий проблеск надежды.

— Я знаю, как работает система безопасности, смогу открыть ворота. Думаю, на какое-то время сумею задержать преследователей: у тебя будет шанс выбраться. Главное выбежать на трассу, это совсем близко...

— А ты?! — нетерпеливо перебила Ангелина. — Разве ты сможешь в таком состоянии с ними справиться?!

Май вздохнул:

— Я не говорил что справлюсь, я сказал — задержу.

— А потом?

Он снова нежно прикоснулся к её щеке, погладил пальцем упрямый подбородок:

— А потом, надеюсь, ты будешь уже далеко отсюда.

Синие глаза мгновенно наполнились слезами, голос задрожал:

— А как же ты?!

Май притянул её к себе, поцеловал и уткнулся лицом в мягкие, пахнущие солнцем и снегом волосы.

— Прости, малыш, у меня нет шансов. Но тебе здесь не место, и я сделаю всё, чтобы вытащить тебя отсюда.

— Нет! — она отпрянула так резко, что он согнулся от боли. — Нет, слышишь! Без тебя я отсюда не выйду!

Май вздохнул, он ожидал подобной реакции:

— Ангелёныш, успокойся, у нас мало времени. Нужно действовать сейчас пока я ещё могу что-то сделать!

— Ты не слышал?! Без тебя я с места не сдвинусь! — её голос звучал тихо, но твёрдо. Он слишком хорошо знал эту интонацию — спорить бесполезно.

— Маленькая упрямица! Ты когда-нибудь будешь меня слушаться?!

— Буду! Если мы выберемся отсюда вместе, я буду слушаться тебя всегда — обещаю!

Он горько рассмеялся:

— Я тебе не верю, хитрюга, всё равно будешь гнуть своё!

— Давай проверим!

— Ничего не выйдет, это просто нереально — вдвоём нам не выбраться.

— Значит, останемся здесь.

Май застонал от бессилия — вот как её убедить?!

— Ты не знаешь, что тебя ждёт! Когда наркотики будут переправлены, ты им будешь не нужна! И через пару дней где-нибудь найдут тело очередной жертвы маньяка, угадай чьё! Я отказался от цели, к которой шёл десять лет не для того, чтобы увидеть, как тебя разрезают на кусочки! Ты хоть представляешь, какая это мука?!

Она побледнела, но с места не сдвинулась:

— Без тебя я всё равно буду мучиться!

Май вдруг почувствовал внезапный прилив раздражения — какая же она ещё маленькая и глупая! Вообразила себя героиней, какой-нибудь любовной саги, у реальной жизни совсем другие сюжеты!

— Фраза из очередного романа?! Пойми, наконец, у нашей сказки не может быть счастливого конца, да и не нужно. Ты ничего не знаешь ни о жизни, ни о любви, ни о мужчинах! Вот и влюбилась, едва вырвавшись на свободу, в первого встречного! Это тебе сейчас кажется, что без меня твой мир рухнет — ничего подобного. Пройдёт какое-то время, ты забудешь, как меня звали. Встретишь ровесника, и, надеюсь, будешь счастлива!

— Ты мне это уже говорил полгода назад, — напомнила обиженная девушка. — Уточни, пожалуйста, сколько времени должно пройти?

Она отстранилась от него и отодвинулась в дальний угол комнаты. Он отвернулся.

— Думаю, немного.

— Вот сейчас мне действительно хочется тебя ударить!

— Ты не понимаешь!

— Нет, это ты не понимаешь! Когда после нашей последней встречи я проснулась дома, отец снова оскорбил меня и посадил под замок. Потом позвонил Светлов и отдал очередное распоряжение. Я поняла, что снова оказалась в прежнем застоявшемся болоте, в котором никогда ничего не изменится! Чтобы выбраться из дома, пришлось воспользоваться пожарной лестницей. Там, между небом и землёй, на уровне шестого этажа я вдруг представила свою дальнейшую жизнь и ужаснулась. Ещё полгода под игом Светлова, и неизвестно удастся ли избавиться от него потом! Нет, он никогда не пытался ко мне приставать, но постоянно намекал, что я должна вести себя лояльно с vip-клиентами, оформляющими приват заказы. Такие были почти каждую неделю! Это я ненавидела больше всего: выступать перед каким-нибудь «владельцем заводов, судов, пароходов», которые смотрели на нас с Леной как на... Здесь уже не было намёков — только прямое предложение с указанием с суммы. Когда я отказывалась, они были недовольны, одного даже пришлось огреть гитарой — Светлов был в ярости, полностью лишил гонорара. Лена иногда соглашалась, но не из-за денег. Она надеялась встретить среди них своего принца, непременно богатого и влиятельного, вот кто действительно верил в сказки! — Ангелина попыталась выдавить улыбку, Май и не думал улыбаться в ответ. Он, не двигаясь, смотрел перед собой, на его лице застыло странное выражение. — Потом я подумала о бесконечных тусовках, на которых мне периодически предлагают расслабиться с помощью лёгких наркотиков и поняла, что однажды соглашусь. Не потому что хочется, а потому что нет смысла отказываться. Просто всё потеряло смысл... Я посмотрела вниз и вдруг осознала: со всем этим можно покончить прямо сейчас — достаточно оступить...

Даже на расстоянии она почувствовала, как он напрягся, и закрыла мокрое от слёз лицо руками.

— Это было даже заманчиво: один неверный шаг, и я больше не проснусь там, где всё опостылело! Где есть маньяки, войны, Светлов со своими «клиентами»! Я не сделала тот шаг, и выбрала жизнь в этом мире только потому, что в нём был ты! Я готова была снова вернуться в своё болото, потому что поняла: каким бы ужасным не был порой этот мир, пока в нём есть ты — это и мой мир тоже! Наверное, звучит ужасно глупо, но я рада, что мы сейчас вместе. И не надо портить это время, его у нас и так почти не осталось.

— Прости! Это не ты, я — глупец!

Ангелина не заметила, как он оказался рядом.

— Ещё какой! — она подняла лицо и улыбнулась сквозь слёзы. Глаза Мая тоже подозрительно блестели.

— Знаешь, я не умею говорить все эти красивые слова из твоих любимых книжек, но...

Она приложила палец к его губам.

— Не надо ничего говорить, я больше не верю словам из книжек. Лучше обними меня!

Он нежно вытер её слёзы и обнял, их губы встретились. Поцелуй со вкусом слёз захватил их полностью. Они не слышали, как открылась входная дверь.

— Ах, как романтично! Меня сейчас стошнит! — раздался язвительный женский голос.

— Анита! — Май с трудом поднялся, загоразивая Ангелину.

В руках женщины подрагивал пистолет. Видимо пришла завершить то, что начал Воропаев.

— Надо же — не забыл. А ты ничуть не изменился, дорогой, по-прежнему позволяешь женщинам вить из тебя верёвки.

— Кто это? — не выдержала Ангелина. Ей не понравилась фамильярность, с которой женщина обращалась к Маю.

— Никто! Призрак из прошлого! — презрительно процедил Арбенин. Анита изобразила отчаяние:

— Вот как! А раньше ты называл меня по-другому. Помнишь, мы даже собирались пожениться?

— Ты пришла напомнить мне о прошлом? — в голосе Арбенина прозвучала неприкрытая угроза.

— Нет, дорогой, на это у меня нет времени. Я пришла сказать, что ты меня разочаровал! Ведь ты собирался убить нас с Салимхановым, если я правильно поняла?

Май не смог скрыть удивления.

— Ты всего лишь пешка, об тебя я пачкать руки не собирался.

По красивому лицу Аниты пробежала тень:

— Но ты и ему ничего не сделал. Попался как школьник со шпаргалкой. Придётся всю грязную работу делать самой, как обычно!

— Чего тебе надо?

— До сих пор не понял? Раньше ты соображал быстрее, стареешь! Романов согласился на наши условия, через два часа товар будет отправлен.

— Не может быть! — не поверила Ангелина. — Мой отец помешан на долге и чести, он никогда не забудет о них ради меня!

Анита презрительно усмехнулась:

— Уже забыл! Ты слишком избалована, девочка. Папочка нагрубил, ах какой негодяй, он меня не любит! А мой отец меня с шести лет насиловал и ничего! Это так к слову — чтобы тебе было с чем сравнивать.

— Анита! Не дави на жалость! Говори, зачем пришла?

Вместо ответа она подошла ближе и посмотрела на окровавленную повязку.

— Как твоя рана?

— Тебя интересует моё здоровье?

— Меня интересует, как далеко ты сможешь уйти? — Она бросила ему связку ключей, Май машинально поймал их здоровой рукой.

— Ключи от дома? Что это значит?!

Женщина посмотрела на часы:

— Сейчас почти все находятся в городе — обмывают будущую сделку. Вернутся, когда получат сигнал, что всё благополучно завершилось. У вас будет достаточно времени, чтобы уйти. Главное быстрее найти генерала. Пусть отменит эту чёртову «сделку века»!

Май всё ещё пытался найти подвох в её словах:

— Это ловушка, да?

Анита закатила глаза, презрительно выплюнув:

— Идиот! Ты и так в ловушке, не заметил?

— Тогда зачем ты это делаешь? Если Салимханов узнает о твоей роли...

Она беспечно улыбнулась:

— Обязательно узнает! Я сама ему скажу.

— Он тебя убьёт. Я, конечно, сожалеть не буду, но зачем тебе всё это?

— Хочу увидеть его лицо, когда он поймёт, что его несокрушимую империю разрушила я: преданная комнатная собачонка, которая всегда виляла хвостом и лизала руки, как бы больно её не били! Я даже рада, что ты ничего не сделал. Убить его — проще простого, я сама могла бы сделать это миллион раз! Но мне нужно другое: я хочу, чтобы он увидел, как рушится его любимое детище! Как один за другим отворачиваются бывшие партнёры — вот что действительно заставит его помучиться!

— Ты, правда, этого хочешь? Почему?!

— Неужели непонятно: я ненавижу его не меньше чем ты! Не хмурься, не буду вдаваться в подробности, но у меня больше прав на кровную месть!

Ангелина и Май переглянулись, девушка потянула его за руку, взмолившись:

— Пойдём, это наш единственный шанс!

— Секунду, а как же Арслан и остальные? Если ты говоришь правду, дай мне эту штуку, — Май кивнул на пистолет. — Так у нас будет больше шансов выбраться!

Анита со смехом спрятала оружие за спину:

— Извини, милый, я не настолько тебе доверяю! А что если ты решишь пальнуть в меня? Оружие возьмёшь у кого-нибудь из охраны, они спят в гостиной.

— Спят?!

— Да, немного чая со снотворным для них и Арслана. Тебе ничего не придётся делать — путь свободен. Только ковровую дорожку проложить не успела. И вот ещё маленький новогодний подарок.

Она бросила ему небольшой почти плоский пластиковый пакет.

— Что здесь?

— Возвращаю то, что украла. Конечно, тех документов уже нет, он их сразу уничтожил. Здесь пара дисков и флешек с телефонными переговорами, базой клиентов и перепиской — персональная бомба для фирмы «Элен». Передай их Романову, он знает, как этим лучше распорядиться. А теперь уходите. В комнате слежения заберёшь её одежду, а сам возьми что-нибудь у охранников.

Май кивнул, взял Ангелину за руку и поминутно оглядываясь, повёл её к выходу, на всякий случай, прикрывая её собой от возможного выстрела. Анита с загадочной полуулыбкой смотрела им в след. Покидая «темницу», Арбенин обернулся в последний раз.

— Никогда бы не подумал, что скажу это тебе, но... спасибо.

— Не за что, я это делаю не бескорыстно. Если товар успеют отправить, мой план провалится, поэтому торопитесь!

Больше ей повторять не пришлось. Дорога действительно была расчищена. Арслан мирно спал, уткнувшись лицом в стол. Напротив мигал показывающий опустевшее помещение монитор. Здесь же, как и говорила Анита, Скворцова обнаружила свою верхнюю одежду. Телефон лежал в кармане пальто. Пока Май, вздрагивая от боли, натягивал чей-то синий свитер, Ангелина набрала номер, по которому не звонила уже очень давно. Знакомый голос отозвался почти мгновенно, и она заплакала от облегчения и радости:

— Папа! Папочка! Это я — Ангелина! Я люблю тебя!

— Не понимаю, как это могло случиться? — тихо повторил Леонид Максимович, глядя на спящую жену. Его взгляд упал на прозрачную трубочку капельницы, прикованную к тонкой вене холодным блеском иглы, и мужчина болезненно поморщился. — Почему эта женщина напала на Элен?

— Она психически нездорова, уверен, экспертиза это докажет. — Антон старательно придерживался официальной версии, рассудив, что отцу не обязательно знать некоторые подробности. Он и сам пока не во всём разобрался, у них с матерью просто не было времени поговорить.

— Ужасно, что это произошло в твоём офисе!

— Да, мне тоже жаль. Хорошо, хоть я успел во время.

— Что с той ненормальной?

— Я ранил её. Ей оказали помощь под присмотром полиции, а потом увезли. Учитывая всё, что она сделала, думаю, больше мы Надежду Агафонову никогда не увидим. Если её вдруг признают вменяемой — это, как минимум, пожизненное заключение. В противном случае — принудительное лечение, также пожизненное.

Леонид Максимович ещё немного посетовал на превратности судьбы столь жестокой к его жене и уехал на работу, пообещав вернуться как можно скорее.

Антон сел рядом с матерью и мягко погладив по руке, шепнул:

— Он ушёл.

Она открыла глаза и слабо улыбнулась:

— Спасибо, что не рассказал ему...

— Бред душевнобольной женщины? — голос Антона дрогнул. С одной стороны он хотел бы закрыть тему прямо сейчас, с другой — его терзали сомнения, которые требовалось разрешить.

Элен снова улыбнулась.

— Спасибо и за эту попытку оставить всё как есть, но я, пожалуй, ею не воспользуюсь. Почти всё, что сказала Надя — правда.

— Почти? — в голосе детектива мелькнула надежда. Возможно не всё, во что он верил — иллюзия!

— Ты знаешь, я выросла в состоятельной аристократической семье. Родители воспитывали меня в духе школы для благородных девиц: жизнь была расписана поминутно, будущее — предопределено. Я мечтала стать актрисой, но мама с папой и слышать об этом не хотели. Тогда я ушла из дому и поступила в театральный, там познакомилась с Галей и её сестрой Машей. Однажды Галя предложила мне поработать в одном ресторане, и я согласилась.

— Зачем?! Ты не знала, что тебя ждёт?

— Стриптиз? Конечно, знала, я ведь была там раньше и видела, как выступала Галя. Просто мне настолько надоела жизнь по правилам, чопорность и этикет, что захотелось хоть немного настоящей свободы. Я смотрела на это как на школу актёрского мастерства.

— А как же отец Нади? Тоже проявление свободы?

— Я любила его, потом полюбила другого — твоего отца. Такое бывает. Но я и представить себе не могла, во что это выльется!

По бледному лицу актрисы снова потекли слёзы.

— Я действительно просто вычеркнула их из своей жизни и ни разу не поинтересовалась дальнейшей судьбой девочки! Боже, в кого я её превратила?!

Антон успокаивающе погладил её по руке.

— Ты же не могла этого предвидеть. Ты сама была ещё девчонкой.

Элен не успокаивалась:

— Надя права — я чудовище! Так нельзя!

— Она права ещё кое в чём: я — посредственность, а вовсе не гениальный детектив, — с горькой усмешкой признался Антон. Теперь настала очередь матери его утешать:

— Неправда! Ты многого добился!

— Это результат работы всей команды. Пора посмотреть правде в глаза — без Мая и Алика ничего бы не вышло! С тех пор как ушёл Арбенин, команды больше нет, и я не справляюсь.

— Так верни его!

Антон улыбнулся.

— Именно это я собираюсь сделать. Он сейчас тоже здесь — в хирургическом отделении.

— Навести его. Я подожду, закончим этот разговор позже.

— Нет, мама, закончим его прямо сейчас. Пусть прошлое останется в прошлом, зачем его ворошить, если нам не дано ничего изменить? Давай лучше поговорим о будущем — где будем встречать Новый год?

Женщина засмеялась:

— Только не в больнице! На всё остальное я согласна! Но ты хотел поговорить с Арбениным.

— Чуть позже. Май занят: с ним сейчас любимая девушка. Во всяком случае, он сам так сказал, когда посылал меня подальше!

* * *

Май терпеливо ждал, когда медсестра закончит перевязку. Два часа назад извлекли пулю и наложили швы. Потом была долгая беседа с генералом Романовым, отнявшая много сил, но подарившая колоссальное облегчение: с фирмой «Элен» покончено навсегда! Большая часть банды Воропаева во главе с ним самим арестована. Шамхалов схвачен во время переправки «товара», а Салимханов и Анита мертвы — похоже, они стреляли друг в друга.

«Как романтично!» — мелькнула язвительная мысль. Несмотря на последний поступок бывшей возлюбленной, он так и не смог простить ей прошлых прегрешений.

Медсестра, наконец, ушла и в дверь проскользнула сияющая Ангелина. Май просиял в ответ и поймал себя на мысли, что неплохо было бы побриться и причесаться. Забавно, раньше его не особо заботила собственная внешность — придётся привыкать.

— Как ты? — она села рядом и взяла его за руку. Он немедленно завладел её пальчиками и прижал к своим губам.

— Где ты была так долго? Я соскучился.

— Вы с отцом так увлечённо беседовали, я решила не мешать и позвонила Кире.

— Как она?

Ангелина нахмурилась, вспоминая грустный голос подруги.

— Тоскует. Зарецкий вернулся в семью, а от неё откупился щедрым подарком: с февраля у Киры будет собственный музыкальный проект! Передача на перспективном канале, эфир три раза в неделю.

Май присвистнул:

— Действительно щедро, будет, чем развеять тоску.

— Да, Кира понемногу втягивается, а когда речь заходит о проекте, в голосе даже появляется намёк на энтузиазм! Она просила меня стать соведущей, говорит, одна не справится.

— Ну и замечательно! Это намного лучше того, чем ты занимаешься сейчас.

— А как же Светлов?

Май скривился, словно попробовал что-то очень кислое.

— Забудь об этой ошибке природы! Как только встану на ноги, я с ним разберусь.

Девушка побледнела и осторожно уточнила:

— Что ты собираешься сделать? Ты же не будешь снова...

— Не бойся, я не собираюсь хвататься за оружие. Просто немного покопаюсь в прошлом твоего продюсера. Уверен, в его шкафу найдётся пара скелетов, которые он не захочет обнародовать, и предложу ему сделку.

— Шантаж?!

— Взаимовыгодное сотрудничество! — Май ослепительно улыбнулся. Ангелина почувствовала, как ускоряется сердечный ритм, а кровь мгновенно приливает к щекам. Спорить расхотелось. Да и с какой стати ей защищать Светлова? Возможно, урок пойдёт тому на пользу, и он научится хоть немного уважать людей.

— Ладно, об этом мы ещё поговорим, а сейчас тебе нужно отдохнуть.

— Тебе тоже. Отец, наверное, заждался, я не говорю уже о тётушке.

Ангелина сразу погрустнела. Ей совсем не хотелось уходить. Май тихонько рассмеялся и снова поцеловал её руку:

— Не бойся, я никуда не исчезну и не убегу, пока сама не прогонишь. Завтра увидимся.

— Знаю, но я не увижу тебя целую ночь!

— Что такое одна ночь, когда у нас вся жизнь впереди! — Май вдруг замер, осознав, что это правда.

Не нужно больше контролировать каждое слово, каждый вздох и ждать последнего выстрела, не нужно сторониться дорогих людей, просыпаться от ночных кошмаров и засыпать в одиночестве. Всё кончено и всё только начинается! А ведь ещё пару дней назад он сгорал в аду и даже не надеялся из него выбраться! В глазах снова подозрительно защипало.

— Ладно, тогда спокойной ночи! Но утром я буду здесь, — Ангелина наклонившись, поцеловала его в губы и тут же попала в капкан крепких объятий, поцелуй затянулся надолго.

Сергей Константинович терпеливо ждал дочь за дверью.

— Папа! — Ангелина хотела обнять отца, но не решилась — слишком давно ей не приходилось этого делать — отвыкла. — Я думала, ты ещё не вернулся, давно ждёшь?

— Минут пятнадцать. Я заезжал домой, тебя там все заждались. Идём?

— Идём! — Ангелина с грустью посмотрела на закрытую дверь палаты. Романов

перехватил этот взгляд и нахмурился:

— Уснул твой камикадзе?

— Как ты его назвал?

— А как ещё его можно назвать?

— Тебе не нравится Май?

— Он рассказал очень некрасивую историю.

— Зато ничего не скрыл!

— Да, надо признать без его участия, неизвестно как бы всё сложилось.

Ангелина вздрогнула, вспоминая пережитый кошмар.

— Люди, которые нас там держали, они...

Генерал судорожно вздохнул, представив, что ей пришлось пережить.

— Они арестованы. Фирмы «Элен» больше нет. Забудь их! Забудь как страшный сон и прости, что не смог уберечь тебя!

Девушка всхлипнув, уткнулась в широкую грудь отца.

— И ты меня прости! Я была уверена, что не нужна тебе! Ты всегда держался так холодно и отстранённо.

— Я знал, что за мной следят. Думал, если буду держать тебя на расстоянии — смогу уберечь, но допустил непростительную ошибку. Мне нужно было остановиться в гостинице, а не дома. Я вас всех подставил!

Он погладил её по голове и поцеловал в макушку.

— Пойдём отсюда, дочка. Ненавижу больницы!

— Ненавидишь? — Ангелина удивлённо улыбнулась сквозь слёзы. — Но ты ведь так хотел сделать из меня врача!

Мужчина грустно улыбнулся в ответ и объяснил:

— Твоя мама вынуждена была бросить медицинскую академию, не окончив второго курса, и умерла в результате врачебной ошибки. Ей поставили неправильный диагноз, там была какая-то редкая форма инфаркта миокарда. Я подумал, если бы она сама была врачом — ничего бы этого не случилось! А ты так часто болела в детстве, я не мог потерять ещё и тебя! Поэтому и настаивал на медицинском образовании, чтобы защитить от подобной ошибки!

Ангелина смотрела на отца так, словно видела впервые. Впрочем, в каком-то смысле так и было.

— Почему же ты не говорил мне этого раньше? Я ведь думала — ты из принципа упрямисься! А знаешь, когда Мая ранили, я даже немного пожалела, что не послушалась тебя и не могу оказать необходимую медицинскую помощь.

Обнявшись, они вышли на улицу под серебристые хлопьями падающего снега.

— Насчёт медакадемии, ещё не всё потеряно, — лукаво улыбнулся Сергей Константинович. — Могу договориться!

— Папа!

— Шучу. Я больше не буду вмешиваться в твою жизнь, но мне не нравится то, чем ты сейчас занимаешься!

В голосе отца снова прозвучали назидательные нотки. Ангелина закатила глаза, изображая отчаяние.

— Да! Да! И не хмурься! Я наблюдал за многими певицами...

— Ты что делал?!

Даже если бы сейчас перед ними возник настоящий Дед Мороз, она не смогла бы удивиться больше.

— Наблюдал, специально смотрел музыкальные каналы. Так вот — совсем необязательно наряжаться пугалом и кривляться как ты, чтобы хорошо петь!

— Ты совершенно прав! Мне тоже это не нравится, но контракт... Не хочу сейчас об этом говорить. Папа, я так рада, что мы помирились! Мне не хватало тебя и особенно этого! — Подпрыгнув, девушка со смехом повисла на отце, он тоже засмеялся и, подхватив её на руки, закурил как когда-то в детстве.

— Я даже не представляла, что можно быть настолько счастливой! Мы — снова семья! Едем домой к тёте и близнецам! Кошмар с маньяком закончился! Скоро Новый год! И с Маем всё в порядке!

— С Маем! — насмешливо передразнил Сергей Константинович. — Ну и имечко. Остаётся только пожалеть!

— Кого?

— Моих внуков, конечно же!

— Папа!

— Май! Только представь, какое у них будет отчество! Ужас!

— Ну, папа!

конец

Больше книг на сайте — Knigoed.net